

АЛЕКСАНДР ЭДАНОВИЧ

СВОИ И ЧУЖИЕ— ИНТРИГИ РАЗВЕДКИ



Annotation

Захватывающая интрига почти детективной истории взаимоотношений между Ф.Э.Дзержинским и следователем царской охраны неким господином Орловым положена в основу книги. Иногда просто даже не верится, что книга написана на основе документальных материалов. Но у жизни оказывается гораздо больше фантазии, чем у свободного художника. Читатель также узнает о последней одиссее генерала Слащева и о том, следила ли за Есениным Галина Бениславская...

- [Александр Зданович](#)
 - [Вместо предисловия](#)
 - [Свои и чужие](#)
 - [Перевербованный резидент](#)
 - [Последняя одиссея генерала Слащёва](#)
 - [Чекист из общепита](#)
 - [Галина Бениславская не следила за Есениным](#)
 - [Секретные лаборатории рейхсвера в России](#)
 - [Неизвестная Марина Раскова](#)
 - [История предательства Власова](#)
 - [Радиоигра с «Сатурном»](#)
-

Александр Зданович
Свои и чужие. Интриги
разведки

Вместо предисловия

Слово об авторе книги

Имя автора этой книги, генерал-лейтенанта Александра Здановича — начальника Управления программ содействия ФСБ России — хорошо известно миллионам россиян. Его яркие, аргументированные выступления по телевидению, затрагивающие острые проблемы обеспечения безопасности личности, общества и государства, всегда привлекают внимание общественности и телезрителей.

В своей новой книге «Свои и чужие: интриги разведки» Александр Зданович выступает как профессионал в области истории российских спецслужб. С большим знанием дела, основываясь на архивных материалах, неизвестных ранее широкому кругу читателей, автор, увлекательно повествует о невероятной истории, похожей на детективный роман о жизни Владимира Орлова, следователя царской охраны, который в 1912 году допрашивал в варшавской тюрьме Ф. Э. Дзержинского, а затем, уже в 1918 году, став сотрудником органов ВЧК и тесно сотрудничая с «железным Феликсом», тайно продолжал служить белому движению. В этом историческом повествовании, основанном только на документах и фактах, удивительным образом переплетаются человеческие судьбы. И за секретными интригами спецслужб трудно порой разобраться, где «свои», а где «чужие»...

Не сомневаюсь, что книга Александра Здановича, написанная ярко и выразительно, найдет своего заинтересованного читателя.

Василий Ставицкий, Почетный сотрудник
контрразведки, исполнитель проекта книги

Выражаю признательность ветерану органов
государственной безопасности Сойме Василию
Михайловичу, за активное содействие в подготовке
книги.

Александр Зданович

Свои и чужие

Беспрецедентный политический скандал разразился в Берлине в самом начале марта 1929 года. Практически все городские газеты, вне зависимости от их приверженности тем или иным идейным и нравственным ценностям, протрубили на всю страну, что полиция арестовала группу русских эмигрантов, промышлявших продажей сфальсифицированных документов.

Под прицел провокаторов, как утверждали многие журналисты, попали многие государственные чиновники, включая дипломатов, сотрудников разведок и органов борьбы со шпионажем, а также известные политические деятели из европейских стран и США. В частности, «точечные» удары наносились по сенатору Вильяму Бора, который уже не один десяток лет представлял в законодательном органе штат Айдахо, а последние годы возглавлял комитет по международным делам. Он придерживался мнения о целесообразности для американцев установить дипломатические отношения с Советским Союзом и активно действовал в этом направлении.

Аналогично поступал и сенатор Джордж Норрис, чем также привлек к себе внимание противников Советской власти из числа белоэмигрантов. Они-то, судя по всему, и запускали в оборот поддельные документы, из коих становились ясны «истинные» мотивы поведения Бора и Норриса — получение от представителей СССР крупных денежных сумм.

У арестованных по делу были проведены обыски, результаты которых подбросили еще одну охапку хвороста в разгорающийся скандал. Полицейский комиссар Венцель сообщил жаждающим сенсаций

журналистам, что в одной из квартир на Потсдамштрассе обнаружена настоящая фабрика по производству фальшивок — печати, штампы и бланки советских учреждений, известных далеко за пределами России, таких, как Государственное политическое управление (ГПУ), Разведупр штаба РККА (военная разведка), а также пугающий всех обывателей монстр — Коммунистический Интернационал (Коминтерн). Сыщики берлинского Полицай-президиума нашли также картотеку, содержащую фотографии и подробные сведения о более чем пятистах представителях внешнеполитических, торговых и разведывательных служб СССР, а также деятелях Коминтерна.

Фамилию хозяина квартиры и, по всей вероятности, владельца архива, а также «лаборатории» полицейские скрывать не стали. Им оказался действительный статский советник, бывший следователь по особо важным делам Владимир Григорьевич Орлов.

Этой информации было больше чем достаточно для пронырливых репортеров. Уже на следующий день биографию арестованного расписывали, что называется, в красках — отдельные правдивые сведения тонули в выдумках и сплетнях. Особо старались сотрудники печатного органа Коммунистической партии Германии — газеты «Роте фане». К удивлению многих, в том числе и русских эмигрантов, на ее страницах появились даже хвалебные отзывы о берлинской полиции, ранее всячески дискредитируемой, определяемой не иначе как орудие классового господства врага всех трудящихся — буржуазии.

А в Советском Союзе тон задавала газета «Известия», основывая свои сообщения на сведениях Л. Кайта, собственного корреспондента в столице Германии. Вот лишь некоторые заголовки почти каждодневных, в течение четырех месяцев, статей:

«Новая вакханалия фальшивок», «Фальшивки без конца», «Берлинский «фабрикант» фальшивок Владимир Орлов» и т. д.

Прошло всего три дня со времени ареста В. Г. Орлова, а советский прокурорский работник В. В. Ульрих, печально известный нынешнему поколению читателей как «гробовщик» на судебных процессах 30-х годов, выступил в государственном официозе с большой статьей о нем, обрисовав гражданам СССР «звериный облик» этого ярого противника большевиков и вообще коммунистической идеологии.

Судя по статье, соответствующие «компетентные» органы давно держали в поле зрения бывшего следователя, считали его одним из злейших врагов Советского Союза.

Вероятно, так же, как и персонаж булгаковского «Собачьего сердца» профессор Преображенский, Владимир Орлов не любил пролетариат. Но наверняка можно сказать, что во много раз сильнее он не любил тех, кто правил от имени пролетариата в Советской России, а потом и в СССР.

Многих известных революционных деятелей он знал довольно близко в петроградский период своей жизни, ясно понимал основу их действий, когда моральным считалось все, что способствует укреплению новой власти, разжигает пожар мировой революции. Поэтому в своих поступках, сначала в качестве белогвардейского подпольщика, а затем руководителя органов разведки белой армии и эмигрантских структур, Орлов использовал весь арсенал средств тайной борьбы. Одним из этих средств были активные дезинформационные мероприятия, в том числе с использованием фальсифицированных документов.

Ничего нового он тут не изобрел. Достаточно вспомнить работу резидентуры французской разведки в Петрограде в 1917 году, когда ей удалось продвинуть в

печать сведения о большевистских лидерах, которые якобы являлись банальными агентами германского генерального штаба. Нечего и говорить о так называемом письме Зиновьева, сфабрикованном русскими эмигрантами по заданию английской разведки. Итогом реализации этой дезинформационной операции стало падение кабинета лейбористов, усиление гонений на британскую компартию.

Как известно, в период Второй мировой войны американские разведслужбы издали книгу, в которую включили выдуманные эпизоды из биографии бывшего начальника немецкой разведки Вальтера Николаи, а сотрудники НКВД арестовали его в послевоенной Германии, основываясь именно на дезинформационных данных из этой книги.

Активные информационные мероприятия проводила и советская разведка, для чего в ее структуре образовали соответствующее подразделение. Решение об этом было принято на самом высоком уровне. 11 января 1923 года вышло постановление Политбюро и ЦК РКП (б) о создании при ВЧК—ГПУ специального межведомственного бюро по дезинформации. В Дезбюро, кроме представителей ГПУ вошли ответственные сотрудники ЦК партии, Наркомата по иностранным делам, Реввоенсовета и Разведупра штаба РККА.

Однако вернемся к берлинским событиям 1929 года. Случилось то, что должно было случиться рано или поздно. Чекистская резидентура в Берлине, что называется, вчистую переиграла Владимира Орлова. В истории тайных войн он остался фальсификатором и шарлатаном, готовым за деньги «пуститься во все тяжкие».

А те, кто победил его в жесткой схватке, были соответствующим образом оценены руководством — кто

деньгами, кто именным оружием, а некоторые удостоились звания «Почетный чекист».

К сожалению, большинство из них, пройдя в конце 30-х годов через кабинеты следователей и особые совещания, трибуналы, закончили свою жизнь как «враги народа». После смерти Иосифа Сталина их реабилитировали, но долгие годы не упоминали в исторических исследованиях, поскольку считались они бойцами незримого фронта. Об отдельных из них читатель вообще узнает впервые.

Мало что известно и об объекте их конспиративных действий.

Кем же был в действительности «герой» трескучей и широкомасштабной газетной кампании, какие его деяния заставляли разведки и контрразведки СССР, Англии, Франции, Польши, Германии, некоторых других стран и даже русских эмигрантских организаций заводить на него досье, собирать любую, желательно компрометирующего свойства, информацию, проводить специальные акции по устранению Орлова с арены тайной борьбы?

Хотя существует книга, написанная Орловым в 1929 году, где он живописует отдельные эпизоды своей биографии. Мы не берем ее за основу по вполне понятной причине. Дело в том, что эта книга, опубликованная под броским названием «Секретное досье», лишь по форме биографична, а по сути являет собой яркий пример памфлета с сильным антибольшевистским пропагандистским зарядом. Политически насыщенная публицистика сложно переплетается в орловском произведении с иронией и гиперболизацией, он берет из известных событий только те, что выгодны для обличения конкретных советских деятелей и работников Коминтерна. О точности описания фактов говорить не приходится. Поэтому только отдельные приведенные Орловым

пассажи, проверенные по другим источникам, заслуживают доверия и использованы в настоящей работе.

Варшава

Владимир Григорьевич Орлов родился, согласно оставленным им биографическим данным, в 1882 году в Зарайском уезде Рязанской губернии. Вскоре семья обедневших дворян Орловых решила перебраться на запад Российской империи — в Польшу. Решение родителей Владимира предопределило во многом его дальнейшую судьбу, по крайней мере, то обстоятельство, что юный переселенец всю сознательную жизнь будет в гуще криминальных, политических и шпионских дел сперва как следователь, потом как крупный врангелевский контрразведчик и уж затем как самостоятельный, но активный борец с международной опасностью — интернациональным коммунистическим движением.

В отличие от тихой, провинциальной Рязани, Варшава представляла собой кипящий котел политических страстей. Без преувеличения можно сказать, что польская столица стала чемпионом в империи по количеству совершенных на ее улицах и площадях террористических актов. Социал-демократы, эсеры, различные националистические группировки, действовавшие здесь, были едины в одном — в ненависти к царским властям, к царской администрации, к военным, особенно к судебным деятелям, жандармам и полицейским.

Отражением ситуации являлись настроения в молодежной среде. Достаточно сказать, что одну гимназию вместе с Владимиром Орловым посещали известные впоследствии террористы — сын

околоточного надзирателя варшавской полиции и польки из шляхетской семьи Иван Каляев, а также будущий руководитель «Боевой организации» эсеровской партии, военный министр Временного правительства, организатор антисоветского подполья Борис Савинков.

Недаром одно из первых «отделений по охране общественной безопасности», называемых в народе «охранками», было учреждено в Варшаве еще в 1902 году.

Пройти школу политического розыска в польской столице, а тем более руководить отделением, считалось среди жандармских офицеров серьезной заявкой на продвижение по службе в Департаменте полиции. Здесь действительно ковались кадры агентов, способных проникать в самые законспирированные революционные организации, разлагать их изнутри, парализуя тем самым опасную деятельность, наносящую реальный ущерб интересам Российской империи.

Среди руководителей варшавского охранного отделения следует выделить Павла Павловича Заварзина, с которым перед Первой мировой войной пришлось бок о бок работать Орлову. Уникальный специалист в области розыскной деятельности, Заварзин прославился тем, что сумел склонить к секретному сотрудничеству с политической полицией одного из лидеров социал-демократов — Романа Малиновского. Позднее, уже будучи в эмиграции, Павел Заварзин подготовил свои воспоминания о работе. Этот труд, без преувеличения расцениваемый как учебное пособие по конспиративному выявлению, а затем и пресечению деятельности противоправительственных элементов, под названием «Работа тайной полиции», пользовался популярностью среди жандармов.

В Польше, кроме того, дислоцировался самый передовой по боеготовности военный округ — Варшавский. Понятно, что его штабы, гарнизоны и укрепленные сооружения являлись объектом первоочередного внимания разведывательных служб потенциальных противников России — Германии и Австрии. Отсюда и ускоренное развитие контрразведки штаба округа, формирование ядра квалифицированных «охотников за шпионами», чинов прокуратуры и следователей, специализировавшихся на раскрытии вражеских козней. По числу выявленных и арестованных в довоенный период иностранных агентов контрразведка Варшавского округа далеко опередила своих коллег. Реальную опасность от шпионской деятельности в этом регионе хорошо осознавали в Петербурге. Недаром, как указывал в своей книге начальник варшавской окружной контрразведки полковник Николай Батюшин, отпуск средств из государственной казны на секретные расходы составлял почти 34 тысячи рублей в год, что значительно превосходило соответствующие расходы штабов Московского и Петербургского округов.

С целью повысить бдительность военнослужащих и гражданского населения сообщения о разоблачении шпионов систематически публиковались в газетах.

Можно предположить, что подобные публикации не остались без внимания выпускника гимназии Владимира Орлова и, возможно, в какой-то степени подтолкнули его к поступлению именно на юридический факультет Варшавского университета.

Усердному, пытливому студенту, не отвлекавшемуся, подобно многим другим, на участие в разного рода тайных кружках и обществах, учеба давалась сравнительно легко. Досрочно сдавая экзамены, он выкроил время на поездку в Северо-американские соединенные штаты и прошел там

дополнительный курс по криминалистике, уголовной регистрации и постановке учета в следственной сфере.

Не получая денег от родителей, Владимир Орлов вынужден был работать по вечерам наборщиком в типографии и даже матросом на мелких портовых судах. Забегая вперед, отметим, что морской эпизод в его биографии классически использовали сначала некоторые эмигрантские деятели, а затем советские «восхвалители» Коминтерна. Не обошли вниманием сей факт даже нынешние историки.

Дело в том, что с 1907 по 1912 год в Одессе действовала подпольная организация черноморских моряков. Она издавала свою газету — «Моряк», создала крепкие ячейки в некоторых иностранных портах, в том числе в Константинополе и Александрии, наладила транспортировку революционной литературы в Россию. С помощью английской полиции и при деятельном участии секретного сотрудника Одесского охранного отделения, значившегося в полицейской картотеке под псевдонимом Американец, нелегальная организация была разгромлена, многие члены ее осуждены и сосланы на поселение в Сибирь.

Уже после Февральской революции допрошенные Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства бывшие директора Департамента полиции Сергей Евлампиевич Виссарионов и Степан Петрович Белецкий показали, что Американец — это человек, связанный с торговым флотом, бывавший в Америке. Для обличителей вчерашних «сатрапов царского режима» большего и не требовалось. Орлов на торговых судах работал? — да, и в Соединенных Штатах бывал — факт, как говорится, налицо. Вот и приклеили Орлову кличку Американец. Для пущей убедительности связали его по «тайной службе» с полковником Павлом Заварзиным, который действительно служил в те годы

начальником Одесского жандармского управления, а позднее Варшавского.

Дело сделано. Сфабрикованная об Орлове информация не раз в течение многих лет воспроизводилась в прессе, статьях и книгах советских и зарубежных авторов.

Чтобы поставить точку в этом вопросе, отсылаем читателя к изданному еще в 1918 году эсером В. Агафоновым сборнику «Заграничная охранка», где черным по белому написано, что Американец — это редактор того самого журнала «Моряк» — Антон Попов (он же Семенов), секретный сотрудник полиции, выдавший одесскую организацию революционных матросов. Так что Орлов в этом деле был ни при чем и ярлык провокатора носил незаслуженно.

Карьера судебного следователя

Завершив учебу, Орлов переезжает на жительство в Москву и назначается на первичную должность в государственной службе по линии ведомства юстиции — референдарием в Московском окружном суде. В его обязанности входило присутствовать на заседаниях и фактически продолжать совершенствовать свои юридические познания, применительно к практической юриспруденции. Эта своего рода стажировка увенчалась бы продвижением по службе и занятием поста младшего судьи.

Прогнозируемые шаги по служебной лестнице прервала разразившаяся в 1905 году русско-японская война.

Движимый патриотическим чувством, он, как и многие его сверстники, добровольно поступает на военную службу, добиваясь отправки на фронт. Вскоре недавний студент оказался в действующей армии, в

Манчжурии. По сохранившимся отрывочным сведениям сложно определить, участвовал ли мобилизованный юрист непосредственно в боевых действиях. По логике вещей, командование не могло не учитывать наличие у него университетского диплома 1-й степени, и поэтому он, скорее всего, был определен для прохождения службы в штабные подразделения либо в военно-судебные органы. Как бы там ни было, свою фронтовую отметку в виде контузии от разрыва снаряда он получил и в 1906 году демобилизовался по состоянию здоровья в звании прапорщика крепостной артиллерии.

Молодой юрист с фронтовой закалкой — это то, что было нужно главе Варшавского судебного округа.

Прокурорские и следственные работники в Польше, особенно расследующие политические дела, находились в зоне повышенного внимания боевиков из революционных и националистических организаций.

Фактически в Польше как бы схлестнулись два национализма — русский и польский. Именно такие взаимоотношения между двумя нациями стали фоном для политического террора различных польских партий против представителей русской администрации. Еще до начала первой русской революции «Польска партия социалистична — пролетариат» ввела в свою программу террор в качестве тактического средства борьбы с царизмом. А в ходе революции практически все польские политические партии приступили к созданию своих боевых организаций.

Ближайшей целью вдохновителей террора являлось создание атмосферы страха в среде русской администрации и одновременно иллюзии безнаказанности, героизма и жертвенности в среде революционеров.

Словно специальным сигналом к расширению масштабов террора стала полицейская акция по захвату одной из нелегальных типографий в Варшаве в апреле

1904 года. В ходе операции социал-демократ Марцин Каспшак оказал ожесточенное сопротивление — убил двух и ранил трех полицейских. По приговору суда он в 1905 году был казнен. Позднее Феликс Дзержинский вспоминал, что «выстрелы Каспшака, как электрическая искра, разбудили рабочие массы и призвали их под знамена активной борьбы».

Владимира Орлова назначили судебным следователем в Лодзь. Все, кто служил в городе в административных органах — в суде, полиции и жандармерии, находились под сильнейшим впечатлением от лодзинских событий всего годичной давности. Тогда рабочие предприятий города после расстрела демонстрации подняли вооруженное восстание. Разгорелись ожесточенные уличные бои, в ходе которых погибло много восставших. Не обошлось без жертв и со стороны властей.

Офицеры охранного отделения и полицейские работали не покладая рук, выявляя зачинщиков кровавых событий. Многие деятели революционного подполья были арестованы, и теперь проводилось расследование происшедшего.

В своих биографических заметках Орлов не упоминает о конкретных уголовных делах, которые поручались ему в то время. Однако твердо можно сказать, что университетские знания и дополнительная учеба в Америке даром не пропали. По меркам судебного ведомства, он делает неплохую карьеру, переходя на все более сложные участки работы в разных городах Польши.

Уже в 1911 году Владимир Орлов занял должность следователя в Варшаве.

Именно в этот период в столице Королевства Польского он впервые встретился с человеком, незримый поединок с которым продлится почти два

десятка лет. Феликс Эдмундович Дзержинский — так звали его визави.

В 1912 году по поручению начальства Орлов приступил к расследованию исключительно важного дела о подстрекательстве к мятежу. В ходе проведенных по материалам политической полиции обысков удалось найти тайник с дневниками одной молодой польки — Кристины Швентоховской, из которых явствовало, что она принадлежит к тайной боевой организации и осуществляет связь между подпольными группами в Варшаве, Кракове, Лемберге и даже в Закопоне — городе на австрийской территории. Через Кристину вышли на ее сподвижницу Галину Мисчер. Как выяснилось, обе они контактировали с известными революционерами — Тадеушем Длугошевским и Феликсом Дзержинским. Найти их было делом техники для охранного отделения. Вскоре оба конспиратора оказались в мрачной камере № 12 десятого павильона Варшавской цитадели.

Длугошевский образно описал чувства новых узников в своем стихотворении:

Здесь каждая стена в крови,
Но ран не видно в белом камне,
Хоть не звучит, как бы живая,
Воспоминаньем ночи мрачной,
Легендой о веревке смертной,
Прошедших дней и настоящих,
Больших надежд и горьких слез.

Следствие продолжалось восемь месяцев. Владимир Орлов добросовестно искал улики против Дзержинского и его товарища. Что-то удалось доказать, однако некоторые факты не подтверждались собранными материалами и были столь же добросовестно

исключены из обвинительного заключения. Дальнейшие события, как мы увидим несколько ниже, подтвердили корректность следствия и его объективность.

В своей книге «Секретное досье» Орлов писал: «...Я должен сказать, с какого-то момента начал симпатизировать им обоим. Когда они просили меня об услугах, я с удовольствием шел им навстречу, потому что получал удовольствие от общения с этими, как оказалось, достаточно образованными и, в некотором роде, культурными людьми. Например, я следил за тем, чтобы во время длительного следствия пищу им доставляли из столовой офицеров-артиллеристов и чтобы они регулярно получали папиросы и газеты».

Феликс Дзержинский находился под следствием еще год, но с ним уже работал другой следователь. Суд состоялся только 29 апреля 1914 года. Будущего председателя ВЧК приговорили к трем годам каторги. Не прояви Владимир Орлов принципиальности и объективности при производстве следственных действий, решение суда могло бы быть и более жестким.

Шпионские дела

Расследуя политические преступления, Владимир Орлов не раз сталкивался с фактами, когда революционеры укрывались на территории соседней Австрии, имели контакты с пограничными и жандармскими офицерами. Это наводило на мысль о возможности использования подпольщиков иностранной разведкой.

Он хорошо помнил, как в год, когда оканчивал юрфак Варшавского университета, разразился страшный скандал. По городу среди русской общины распространились слухи об аресте

высокопоставленного военного за шпионаж в пользу Австрии. Слухи имели под собой реальную почву. На основании материалов политической полиции командование пресекло враждебную деятельность старшего адъютанта инспекторского отделения окружного штаба подполковника Гримма. Измена Отечеству со стороны офицера была явлением из ряда вон выходящим, поэтому скрыть сей факт, утопить его в отчетности среди дисциплинарных проступков и даже уголовных преступлений, совершенных военнослужащими округа, представлялось делом совершенно безнадежным. Но и афишировать предателя никто не собирался. Через некоторое время страсти улеглись. Гримм получил своё и направился под конвоем на каторгу отбывать долгий срок наказания.

Это был первый в России в XX веке шпионский процесс. Многие военные и юристы поняли, что дальше без специального контрразведывательного аппарата армия существовать не может, и в рапортах начальству предлагали конкретные организационные меры.

Ввиду секретности дела они не знали о существовании в столице так называемого разведочного отделения, хотя оно функционировало уже больше года.

Историки любят точные даты. Мы называем ее — 3 февраля 1903 года по новому стилю.

Тогда военный министр генерал-адъютант Алексей Николаевич Куропаткин представил Николаю II на «соизволение» строго секретный шестистраничный доклад, который в течение нескольких месяцев тщательно готовил узкий круг специалистов Военно-ученого комитета Главного штаба русской армии.

Непосредственное обращение к царю не являлось, конечно, событием исключительным. Еще со времен Александра II существовал порядок, согласно которому все дела министерств военного, морского и

иностранных дел император рассматривал лично, обсуждал их, что называется, с глазу на глаз с высшими должностными лицами.

Что касается тайных дел, то заведенный порядок соблюдался неукоснительно и при последнем царе.

В докладе его составители, имея в виду сложность поимки иностранных агентов, писали: «Между тем, судя по бывшим примерам, обнаружение государственных преступлений военного характера до сего времени у нас являлось делом чистой случайности, результатом особой энергии отдельных личностей или стечением счастливых обстоятельств, ввиду чего является возможность предполагать, что большая часть этих преступлений остается нераскрытыми и совокупность их грозит существенной опасностью государству в случае войны...»

А война с Японией была уже не за горами.

Начало XX века дает нам массу примеров удачных или неудачных тайных агентурных (именно агентурных) акций со стороны всех крупных европейских держав. О предателе Гримме мы уже напомнили. Русская разведка несколько лет спустя обзавелась в Вене ценным источником — полковником Альфредом Редлем, который занимал одно время должность начальника агентурного отделения разведывательного бюро австрийского генштаба.

А как же действовать разведывательным органам иначе? Появление новых, значительно более разрушительных, видов оружия, нарастание противостояния коалиций государств — все это подталкивало генштабистов активизировать разведку, усиливало их стремление получать информацию заблаговременно и, по возможности, из тех центров, где сконцентрировались особо важные секретные сведения.

Действие, в свою очередь, рождало противодействие в виде создания специальных контрразведывательных органов.

В своем докладе военный министр А. Н. Куропаткин предлагал, в частности, учредить при Главном штабе «Особое разведочное отделение» (термин контрразведка утвердился не сразу. — А. З.). Мыслилось, что орган этот будет небольшой — шесть—семь штатных агентов, делопроизводитель, писарь, а возглавит отделение штаб-офицер в чине майора или подполковника.

Чтобы обеспечить тайну самого факта существования органа по борьбе со шпионажем, Куропаткин предложил не создавать его официально, а личный состав сотрудников именовать «состоящим в распоряжении начальника Главного штаба».

Задача отделения, по мнению авторов доклада, должна была заключаться, прежде всего, в «установлении негласного надзора за путями тайной военной разведки, имеющими исходной точкой иностранных военных агентов и конечными пунктами лиц, состоящих на государственной службе внутри страны».

Финансирование контрразведки как конспиративной организации скрывалось за формулой — «на известное Вашему Императорскому величеству употребление».

Не отпуская министра, царь внимательно изучил доклад и наложил лаконичную резолюцию: «Согласен».

Хлопоты по созданию контрразведывательного органа продолжались до июня, и с этого месяца, можно считать, началась его работа.

Поскольку офицеров, опытных в деле негласного розыска, в штабе не имелось, то по договоренности с Департаментом полиции в военное ведомство прикомандировали ротмистра корпуса жандармов, бывшего начальника Тифлисского охранного отделения

Владимира Николаевича Лаврова. Из Грузии же направили двух наиболее опытных «наблюдательных агентов» — Зарицкого и Исаенко.

Именно эти люди и составили костяк «особого разведочного отделения».

«Ну вот: снова голубые мундиры, на которых клейма негде ставить», — подумают некоторые. И таких читателей можно понять. Ведь многие десятилетия (особенно после октябрьской революции) в исторической и художественной литературе создавался образ монстра в лице жандармского ведомства и отделений по охране общественного порядка.

По политическим и идеологическим соображениям большинство авторов вообще замалчивало тот факт, что Департамент полиции осуществлял функцию контрразведки практически с момента своего образования. Другой вопрос, как эта функция реализовывалась.

Черное пятно лежало и на кадрах жандармов. Сама принадлежность к данному ведомству, без учета личных качеств, принесенной Отечеству пользы, рассматривалась чуть ли не как преступление. Здесь стоит вновь упомянуть Павла Павловича Заварзина. Именно его стараниями в Варшаве в 1909 году удалось разоблачить целую шпионскую сеть австрийской разведки. Не сами жандармы, а командующий военным округом, оценивая заслуги начальника охранного отделения, представил его досрочно к званию полковника. Но об этом ничего, к примеру, не написал Эрнст Генри в своей книге «Профессиональный антикоммунизм». К ней мы еще обратимся не раз. Идеологические установки старого коминтерновца заставляли его использовать только черную краску при описании Заварзина.

Однако вернемся к 1903 году.

Мизерный аппарат контрразведки постепенно разворачивал свою деятельность.

К сожалению, в архивах сохранились лишь немногие документы на сей счет. Более или менее подробно говорится о контрразведывательных мероприятиях того времени в отчете за период с 26 июня по 10 декабря 1903 года, подготовленном ротмистром Лавровым. В частности, он указывал, что активное наблюдение велось за австрийским военным атташе Готфридом Гогенлоэ-Шиллингфюрстом, его германским коллегой фон Лютвицем и японским подполковником Акаши, а также за возможными их информаторами — служащим Департамента торговли Ивановым и начальником отделения Главного интендантского управления Есиповым.

Особое внимание Лавров обращал на японского подполковника Акаши, предпринимавшего попытки создать в русской столице агентурную сеть. В январе 1904 года «разведочное отделение» выходит на штаб-офицера для особых поручений при главном интенданте ротмистра Ивкова. Деятельность японского шпиона удалось пресечь еще до начала войны.

Полномасштабно заняться контрразведкой «особому разведочному отделению» мешал его конспиративный статус. Ведь даже офицеры высших штабов не знали о его существовании, что уж говорить о Варшавском округе.

Позднее крупный прокурорский работник, а затем директор Департамента полиции Р. Г. Моллов отметил данное обстоятельство. В одной из докладных записок он укажет: «Стыдиться борьбы с такой серьезнейшей для родины опасностью, разрушающей оплот государства, подрывающей его военную мощь и силу средств обороны от врага, угрожающей Отечеству потерей нескольких сотен тысяч молодых жизней и миллиардными убытками, казалось бы, нет оснований.

Контрразведывательные же бюро, будучи учреждениями не легализованными, должны работать как бы из подполья и скрывать свою деятельность и существование даже от воинских частей, между тем борьбу со шпионажем нужно сделать открытой, популяризировать ее, придать ей патриотический характер, и тогда к ней примкнут силы народные, национальные».

Устранить излишнюю секретность в деле контрразведки — вот что требовалось в 1903 году при создании «особого разведочного отделения». Но не менее важно было привести в соответствие отечественное законодательство о шпионаже. А к этому приступили лишь в 1912 году. Немудрено, что упоминавшийся подполковник Гримм безнаказанно действовал почти семь лет. В Варшавском военном округе, буквально опутанном австрийскими и немецкими агентами, охранное отделение, а затем и контрразведка с 1900 по 1910 год выявили почти полторы сотни иностранных шпионов (от мелких контрабандистов до офицеров штаба), а до суда удалось довести только 17 дел с 33 обвиняемыми.

Военная контрразведка Главного штаба страдала от несовершенства законодательной базы, надо полагать, не меньше.

Однако сам факт учреждения службы по борьбе со шпионажем явился крупным шагом в налаживании планомерной борьбы с иностранным подрывным воздействием на Россию, не прекращающимися до сего времени попытками зарубежных спецслужб столкнуть великую державу на обочину мировой истории.

Контрразведывательные отделения (КРО) в штабах военных округов учредили лишь в 1911 году. Создателем и бессменным руководителем службы по борьбе со шпионажем в Варшаве был Генерального штаба полковник, а позднее генерал Николай

Степанович Батюшин, с которым Владимир Орлов установил самый тесный контакт, и далеко не только как с боевым товарищем по русско-японской войне.

Дело в том, что практически одновременно с созданием КРО штаба округа министр юстиции России И. Г. Щегловитов признал необходимым сосредоточить предварительное следствие по шпионским делам у наиболее опытных юристов. На основе специального решения, утвержденного царем, учреждались четыре должности судебных следователей по особо важным делам. В числе чиновников, отобранных для назначения на эти ответственные должности, был и Орлов.

И вот в 1912 году соответствующий приказ вступил в силу. За Орловым закреплялось все западное пограничное пространство, включая территорию дислокации Варшавского, Виленского и Киевского военных округов. Он наделялся правом не только самому вести наиболее важные уголовные дела, но и истребовать необходимые ему доклады от других следователей, а также получать необходимую информацию из органов контрразведки и охранных отделений.

Одной из первых шпионских историй, которую распутывал вновь назначенный следователь по особо важным делам, стало дело полковника Иогана фон Штейна, начальника гарнизона в спокойном провинциальном польском городе Рава.

Он, так же, как и Орлов, воевал в Манчжурии в русско-японскую войну, имел боевые награды и, естественно, надеялся, возвратившись с фронта, послужить в Санкт-Петербурге, Москве или в другом крупном центре. Назначение в Варшавский округ он воспринял как должное, но, когда узнал, что будет вынужден служить вдалеке от столицы Царства Польского, был шокирован, а затем поставил крест на карьере.

Скрашивать свою жизнь он решил кутежами в питейных заведениях с симпатичными полячками. А офицерское жалование, пусть и по должности гарнизонного начальника, не столь велико. Плюс к тому, и семью, проживающую под Варшавой, содержать надо — благо казна оказалась под рукой.

Неожиданно из штаба округа нагрянула ревизия. Помог ростовщик, ссудил 500 рублей. Ревизия ничего не обнаружила. Счета сошлись, а полковник оказался на крючке у австрийской разведки, чего, конечно, сам он пока не осознавал. Через ростовщика его втянули в финансовую аферу и даже по чужим документам вывозили несколько раз в Австрию. В очередной «туристической» поездке на полковника вышли сотрудники разведки австрийского генерального штаба.

Уезжал обратно Штейн с 1000 рублей в кармане за проданные российские военные секреты.

Дальше — больше. По заданиям австрийков он ездил добывать требуемые сведения в Киев, Вильно и даже в Санкт-Петербург.

Все эпизоды преступной деятельности Штейна следователь установил довольно полно.

Пятидесятилетнего полковника суд приговорил к 20 годам каторжных работ в Сибири. Дальнейшая судьба его неизвестна, но, скорее всего, в феврале 17-го среди отпущенных на волю «птенцов Керенского» оказался и бывший полковник Иоган фон Штейн.

Еще одно крупное шпионское дело удалось успешно завершить Владимиру Орлову до начала мировой войны. Служащий Варшавского телеграфа Петр Антосевич был взят с поличным жандармскими офицерами при передаче секретных документов немецкому разведчику Эрнсту Бену, работавшему в Польше под прикрытием коммерсанта. В ходе умело построенных допросов шпион, хотя и не сразу, начал давать признательные

показания. В итоге вскрылась целая шпионская цепочка. Преступники понесли заслуженную кару.

Именно в это время Орлов приступил к созданию своего любимого, но принесшего впоследствии ему столько неприятностей детища — знаменитой «картотеки на политических преступников, шпионов и подозреваемых в шпионаже лиц». Собираание вырезок из газет, подлинников и копий различных документов, фотографий и вещественных доказательств стало его многолетней страстью, не угасшей до последних дней жизни.

Канцелярское, на первый взгляд, занятие — составление архива — имеет исключительно важное значение в деятельности специальных служб. И это прекрасно понимал Владимир Орлов. Широкий размах тайных операций, развернувшихся еще до Первой мировой войны, требовал накопления, систематизации и анализа массы разрозненных сведений об иностранных разведорганах, построении их негласной сети, личностях резидентов и секретных сотрудников. На серьезном уровне такая работа велась в Департаменте полиции, свои оперативные архивы имели охранные отделения и жандармские управления. Молодая, набирающая опыт русская военная контрразведка тоже уделяла внимание архивной службе.

Следователь по особо важным делам, конечно же, мог и не заниматься этим канцелярским ремеслом, поручив всю работу своим помощникам и архивным клеркам. Но Орлов, как уже отмечалось, имел свой взгляд на подобные учеты, не раз на практике убеждался в необходимости иметь их под рукой и использовать при новых расследованиях.

В своей книге Орлов описывает, как спасал архив, вывозя его с фронта в Петроград, и можно добавить, что с не меньшей изобретательностью он впоследствии

проделывал ту же операцию еще несколько раз. Каждый такой эпизод мог бы лечь в основу детективного романа.

Война

Расследуя шпионские дела, которых становилось все больше и больше, Орлов, как и многие его коллеги из контрразведки и охранных отделений, ощущал неотвратимость столкновения с Германией и Австрией. Усиление разведки во всех видах — лакмусовая бумага подготовки широкомасштабных боевых действий. И вот война разразилась. Как и в русско-японскую, прапорщик запаса Владимир Орлов добровольно надевает военную форму и получает назначение в артиллерийскую часть в крепость Осовец. Вполне естественно, долго он там не задержался. Следственный опыт, знание польского и, в некоторой степени, немецкого языков потребовались в разведотделе штаба главнокомандующего Северо-Западным фронтом. За неимением других вакансий юрист с многолетним стажем назначается на скромную должность переводчика, однако с обязанностью участвовать в работе контрразведывательного подразделения, которое, прямо скажем, была в зачаточном состоянии, как и в других штабах.

Разразившаяся в августе 1914 года мировая война первоначально велась восемью европейскими государствами. Постепенно в ее орбиту были вовлечены еще 30 государств с общим населением 1,5 млрд. человек.

К началу войны оба противоборствующих блока создали мощные армии и разветвленную военную промышленность. Вместе с тем, недооценивая экономические и боевые возможности противников, военное руководство как стран Антанты, так и

Тройственного союза готовилось к возможно быстрому разгрому врага за шесть—восемь месяцев.

Однако уже в первой половине 1915 года воюющим сторонам стало ясно, что, значительно ослабив друг друга, они не сумели достичь коренного перелома и война приобретает затяжной позиционный характер со всеми вытекающими из этого негативными последствиями.

В этих условиях для достижения победы требовалось обеспечить тесное единство фронта и тыла, высшего военного командования и руководства других государственных органов России. К сожалению, прийти к этому на протяжении всей войны в полной мере не удалось.

Необходимо отметить, что еще на стадии подготовки такого основополагающего документа, как «Положение о полевом управлении войск в военное время», утвержденного в июле 1914 года, проявилась общая недооценка его разработчиками всей сложности проблемы формирования единого руководящего военно-политического центра. В данном Положении проводилась идея расчленения России на две «отдельные части» (фронт и тыл), что усугубляло традиционную обособленность военного управления от общеимперского, создавало серьезнейшие трудности в функционировании государственного аппарата в воюющей стране.

К тому же в документе закладывалось организационное противоречие, дезорганизующее управление армией, — наличие с началом войны двух независимых друг от друга центров: на театре военных действий — Верховный главнокомандующий и его штаб, а в тыловых районах — военное министерство с входящим в его штат Главным управлением генерального штаба (ГУГШ). Авторы Положения справедливо полагали, что Верховным

главнокомандующим (ВГК) автоматически становится сам император, который будет лично координировать действия военных и гражданских властей. Однако до августа 1915 года возглавлял действующую армию великий князь Николай Николаевич, не имевший реальных рычагов воздействия на военное министерство, а тем более на Совет министров в целом.

Все, о чем говорилось выше, непосредственно повлияло на организационное строительство органов военной контрразведки и сузило задачу последней до борьбы с «чистым» шпионажем.

Насущный вопрос об увеличении числа КРО либо создании подчиненных им органов в стратегически важных пунктах страны не был продуман и спланирован заранее, поскольку воевать рассчитывали лишь в западных районах страны и на территории противников России.

Что касается органов контрразведки в действующей армии, то процесс их создания и становления растянулся на несколько первых месяцев войны. Иного и быть не могло, поскольку реальных и детально разработанных мобилизационных планов по линии КРО не существовало.

Еще в начале 1913 года штабы Варшавского, Виленского и Киевского военных округов по заданию Главного управления генерального штаба подготовили свои предложения по созданию новых КРО на случай войны.

Поскольку в мирное время в вооруженных силах России не было армий, а с началом мобилизации они создавались, то было признано целесообразным именно при их штабах и разворачивать КРО. Однако указанные предложения являлись мало реальными. Так, например, штаб Киевского военного округа намечал передать весь личный состав своего КРО на укомплектование соответствующего подразделения штаба 3-й армии,

причем в штате данного органа предполагалось иметь 54 человека, хотя в самом окружном КРО штат состоял всего из 19 сотрудников. Взамен убывающих кадров новое КРО штаба округа, вошедшего в зону театра военных действий, должен был комплектовать офицер Киевского районного охранного отделения, о выделении которого еще предстояло ходатайствовать через МВД. Штат указанного КРО определялся в 37 человек, еще 34 необходимо было найти для КРО штаба Южной группы 3-й армии. Источник столь значительного пополнения кадров не указывался, конкретных соглашений с МВД не имелось.

Штабы Виленского и Варшавского округа поступили более дальновидно и рекомендовали ГУГШ еще до приказа о мобилизационном развертывании увеличить штат существовавших КРО либо прикомандировать к ним необходимое число сотрудников для изучения обстановки на территории предстоящих действий. Эта мера позволила бы создать ядро новых контрразведывательных аппаратов — армейского и окружного звена. Однако указанные предложения остались на бумаге и никакого влияния на процесс организационного строительства контрразведки не оказали. Многое пришлось делать на пустом месте, что самым непосредственным образом было связано с началом войны.

Относительно готовыми продолжать работу оказались лишь те армейские КРО, руководство и костяк которых составили офицеры и чиновники окружных контрразведывательных отделений. Они хорошо знали местную обстановку, имели налаженные контакты с командованием, оперативными и разведывательными подразделениями штабов, обладали опытом борьбы со шпионажем, взаимодействия с жандармскими управлениями и аппаратами политической полиции.

В циркулярном письме генерал-квартирмейстера штаба Верховного главнокомандующего Ю. Н. Данилова, разосланном фронтовому и армейскому командованию 15 февраля 1915 года, отмечалось, что формирование контрразведывательных отделений в войсковых объединениях на фронтах и их функционирование в первые месяцы войны не носило планомерный характер.

Отдельные историки, совершенно справедливо указывая на отсутствие разработанной на случай войны правовой базы для организационного развертывания и практической работы фронтовых и армейских КРО, приходят к выводу о преступном бездействии высшего командования. С такой постановкой вопроса можно согласиться, однако сводить все дело лишь к отсутствию необходимых нормативных документов было бы упрощением. По нашему мнению, речь должна идти не только и даже не столько о медлительности властей, сколько о том, как понимали в военном ведомстве роль и место контрразведки в масштабной современной войне, какие направления разведывательно-подрывной деятельности противника прогнозировались.

По взглядам тех, кто вырабатывал стратегию русской армии, война предполагалась достаточно маневренной и скоротечной. Разгром противника мыслился в ходе ряда крупных сражений уже в 1914 году. Поэтому роль контрразведки сводилась в основном к защите секретных планов мобилизации накануне войны, стратегических и тактических замыслов проведения боевых действий и сведений о новых образцах военной техники. Проблема обеспечения государственной безопасности в войсках вообще не ставилась в расчете на чувство патриотизма солдат и офицеров, их высокий морально-боевой дух в условиях ведения наступательных операций.

Естественно, никто не учитывал возможное массовое дезертирство, пацифистскую, националистическую и революционную пропаганду в войсках со стороны как противника, так и антиправительственных сил внутри страны.

Отношение к контрразведке командования действующих армий и фронтов, а также в Главном управлении генштаба наглядно проявлялось в статусе КРО в штабной иерархии, нежелании легализовать их существование, вывести из подчинения разведывательному отделению и предоставить возможность прямого доклада начальнику штаба того или иного войскового объединения.

Руководители КРО в абсолютном большинстве до прикомандирования к штабам являлись офицерами Отдельного корпуса жандармов и проходили службу на должностях не выше помощников руководителей Губернского жандармского управления (ГЖУ). Они продолжали оставаться в списках отдельного корпуса жандармов. Данное обстоятельство не позволяло военным непосредственно представлять их к назначению на вышестоящие должности, награждать за отличие в оперативной работе и боевые подвиги. Требовалась длительная процедура согласования со штабом ОКЖ. Только в конце июня 1915 года состоялось совместное решение командира ОКЖ и начальника штаба Верховного главнокомандующего о распространении на вышеуказанную категорию лиц некоторых привилегий строевых и штабных офицеров. Звание полковник было предельным для начальников КРО в Главном управлении генерального штаба и Ставке, остальные руководители контрразведывательных органов могли дослужиться лишь до подполковника, что соответствовало званию по должности командира батальона.

В начале войны руководители основных подразделений Главного управления генштаба для обеспечения преемственности в работе были назначены на высокие должности в штабе Верховного главнокомандующего. Однако вместо того чтобы укрепить службу разведки и контрразведки Ставки, многолетний начальник этих подразделений Генштаба генерал-майор Николай Августович Монкевиц, с которым Владимиру Орлову придется не раз сталкиваться, был откомандирован в действующую армию в качестве начальника штаба корпуса и больше в течение войны к работе по линии разведки и контрразведки не привлекался.

Размышляя о причинах низкой эффективности в борьбе со шпионажем в 1914—начале 1915 года один из ведущих специалистов-контрразведчиков царской России генерал Николай Степанович Батюшин позднее писал: «Почти весь первый год войны контрразведкой никто из высших военных органов совсем не интересовался, и она поэтому велась бессистемно, чтобы не сказать, спустя рукава». По его словам, Ставка Верховного главнокомандования не обращала на контрразведку внимания, ее сотрудники работали по собственному усмотрению, без общего руководства и поддержки.

Весной и летом 1915 года русская армия участвовала в ряде кровопролитных сражений, в которых понесла огромные потери, главным образом, в силу недостаточного обеспечения артиллерией и боеприпасами. Противник принудил наши войска оставить Галицию, Польшу и некоторые другие районы. Пришлось срочно переносить Ставку ВГК из Барановичей в Могилев. Военные неудачи отразились на моральном состоянии армии и всего населения.

Как на фронте, так и в тылу у многих закрадывалось сомнение в успешном завершении войны. Официальные

сводки свидетельствовали об изменении отношения солдат к войне и падении дисциплины в войсках. Широкое распространение получили слухи об измене в высших эшелонах власти. Развивалась шпиономания. Под давлением Ставки ВГК и общественного мнения царь был вынужден сместить с поста военного министра своего фаворита Владимира Александровича Сухомлинова, которому приписывали связь с австрийской разведкой. В закрытом заседании 345 голосами из 375 Государственная Дума предложила правительству предать Сухомлинова суду.

Генерал, обвиненный в шпионаже — само по себе явление довольно редкое в истории, шпион же — военный министр, да еще воюющей, истекающей кровью страны — вообще беспрецедентный случай. Но Сухомлинов обладал таким букетом отрицательных качеств, что очень многие искренне верили: измена имеет место.

«Невысокий, но могучего телосложения, даже немного склонный к полноте, с аккуратно подстриженной седой бородкой, открытое простое лицо» — таким впервые увидел генерала Сухомлинова член созданной по указанию царя следственной комиссии Владимир Орлов. В его задачу входило выяснить, был ли отставной министр связан с иностранными разведками. Для этого тщательного выявлялись и проверялись все связи Сухомлинова.

Биограф Ставки Верховного Главнокомандующего царской армии Михаил Лемке отметил в своем дневнике в конце октября 1915 года: «Орлов состоит теперь в прикомандировании к нашему управлению (генерал-квартирмейстера. — А. З.) и работает в Верховной следственной комиссии, где всячески ищет улики против Сухомлинова. Сегодня он приехал сюда, — лицо белобрысого Мефистофеля, (...) чтобы допросить Кондзеровского, как свидетеля по делу Сухомлинова.

Говорят, что Орлов из таких юристов, что если ему человек кажется виновным, то он не прочь и создать улики. Таково его убеждение». Однако далее Лемке все же делает оговорку: «Честные штабы любят его присутствие: оно наводит страх на негодяев в области воровства».

Были ли основания признать Сухомлинова шпионом? От ответа на этот вопрос зависело многое. Если он действовал по заданию германской разведки, то тогда вполне понятно, из-за чего образовывались огромные бреши в снабжении фронта снарядами, пушками и даже обычными винтовками, почему проиграны многие сражения.

Следственная комиссия, включая и Орлова, билась над решением этого вопроса.

Четыре месяца вел свою работу переводчик разведотдела штаба Северо-Западного фронта, не являясь официально, то есть по должности, следователем. Критики Орлова уже в ходе войны и в последующие годы не раз припомнят ему данный факт. Они забудут, что он был младшим офицером, а следовательно, обязан был беспрекословно подчиняться приказам. Именно по приказу он и вошел в состав комиссии, отдавая себе отчет в последствиях этого шага.

Несмотря на все трудности, ему удалось проверить и допросить массу людей.

Орлов установил, что около военного министра длительное время крутился некий делец Альтшиллер, который, по оперативным данным политической полиции и контрразведки, являлся австрийским шпионом. Однако оперативные данные следственным путем не подтвердились, что весьма разочаровало высокое начальство.

Орлов проверил еще один факт из обвинительного набора. Перед войной трое российских военных

изобрели оригинальную дымовую шашку с хорошими боевыми характеристиками, однако новинке не давали хода, и в войска она не поступила. А вот немцы запустили в производство почти аналогичную шашку и успешно применили ее в первых же боях с французами.

Но и в этом случае однозначно доказать прямой умысел в действиях Сухомлинова не удалось, хотя, и это следует подчеркнуть, Орлов очень хотел продвинуть следствие вперед по шпионской версии. Следственная комиссия собрала большое количество материалов, дело составило более шестисот страниц.

Вновь обратимся к дневникам Михаила Лемке: «... есть, как говорит прапорщик Орлов, достаточно данных для привлечения не только за получение «комиссий», благодарностей и т. д., но и за преступное бездействие в деле обороны страны». Заметим, что о шпионаже, то есть о предмете своего исследования, Орлов не говорит — ему достало твердости признать бесплодность поисков в этом направлении.

В сложном положении он оказался и в ходе расследования нашумевшего дела жандармского полковника Сергея Николаевича Мясоедова. Лишь в наши годы исследователям удалось доказать, что этот офицер не состоял на службе у вражеской разведки. А в ходе войны и еще долго после нее обстоятельства дела не казались столь однозначными.

Для начала отметим, что сотрудник спецслужбы, каковым являлся Мясоедов, должен иметь незапятнанный мундир, его действия в сфере тайной борьбы, да и во многом личная жизнь, не должны быть «терра инкогнито» для вышестоящего начальства. В противном случае, зная изошренность и вероломство противника, его могли заподозрить в двойной игре, доверие улетучивалось мгновенно.

С этих позиций оценим Мясоедова. Заведую жандармским отделением на пограничной станции

Вержболово, он не раз принимал подарки от лиц, пересекающих государственный кордон. Неоднократно сам переходил границу и в охотничьем домике германского императора Вильгельма II обедал с последним и пил за его здоровье. В секретной служебной характеристике появилась запись: «склонен к злоупотреблению властью». Отмечался у полковника и еще один, весьма опасный для офицера органов безопасности, порок — жажда денег. Он погряз в торговых сделках, в том числе совершаемых на грани или даже за гранью закона.

Опытный в делах розыска Мясоедов умело уходил от ответственности, изворачивался как мог, но в итоге все же был уволен со службы.

И вот в начале мировой войны бывший жандарм благодаря протекции военного министра Сухомлинова снова в строю, и не где-нибудь в передовом полку, а в разведотделе армии.

Этим обстоятельством, по всей видимости, заинтересовалась служба шпионажа германского генштаба, и там приняли решение скомпрометировать Мясоедова. Он «подставился» под удар, чего не случилось бы, командуй он пехотной ротой или батальоном.

Операция начиналась так. Из плена бежал поручик 23-го Низовского полка Яков Павлович Колаковский (в некоторых исследованиях — Кулаковский). Проведя несколько месяцев в лагере для военнопленных, он решил, что выбраться из этого ада можно, лишь согласившись стать немецким агентом. Объявив себя украинцем, а их выделяли среди других пленных в расчете на использование в сепаратистских выступлениях, Колаковский сумел втереться в доверие к администрации и предложил себя в качестве агента. Вербовка состоялась, и с поддельным паспортом он направился на родину через Копенгаген.

Прибыв в город, поручик не замедлил явиться к российскому военному представителю с повинной, подробно описал полученное от неприятельской разведки задание, в том числе указание немцев связаться с Мясоедовым.

Опытный в такого рода делах военный представитель, предвкушая удачу с разоблачением шпиона и зная предыдущую скандальную эпопею бывшего жандарма, незамедлительно дал подробную телеграмму в столицу, а затем переправил туда и самого Колаковского.

Началось расследование. Все вроде бы сходилась. Заявитель назвал своего вербовщика — лейтенанта немецкой разведки Баумайстера. Наличие такого человека подтвердили в российском генштабе. Вряд ли, не вступая в контакт с Баумайстером, поручик мог знать о его существовании. Пехотный офицер мало что мог бы придумать и о полковнике Мясоедове, поэтому не доверять рассказу Колаковского не было оснований.

Тогда активно взялись за основного фигуранта — за Мясоедова.

К делу подключили опытных людей: генерал-квартирмейстера штаба Северо-Западного фронта генерала Михаила Дмитриевича Бонч-Бруевича, начальника фронтовой контрразведки, уже известного нам полковника Николая Степановича Батюшина, судебного следователя Варшавской судебной палаты Жижина. Не обошли вниманием и переводчика разведотдела Владимира Орлова. Он, как всегда, не отказался, но еще раз напомнил о несоответствии своей должности поручаемой работе.

Наблюдавший за ходом расследования заведующий судной частью штаба фронта генерал В. Н. Николаев (Мантейфель), будучи уже в эмиграции, пытался отмежеваться от следствия, приведшего Мясоедова на виселицу, и свалить серьезные недостатки следствия

на других. Но, однако, он все же вынужден был признать, что под давлением из Ставки Верховного Главнокомандующего приказал Жижину срочно готовить обвинительное заключение, хотя во многом еще следовало разбираться. Уставший после нескольких бессонных ночей Жижин написал слабо аргументированный документ. Тогда Николаев сам взялся за работу. Дальше полевой суд и позорная для офицера смерть в петле.

Заведующий судной частью в своих воспоминаниях хотя и обвинил Жижина, начальника контрразведки армии Леонтовича и, конечно же, Орлова в бессмысленных многочисленных арестах, тем не менее привел слова последнего о допущенных ошибках и стремлении как можно быстрее освободить невиновных. Самого же Мясоедова Владимир Орлов до конца своих дней считал предателем Родины и германским агентом.

Во многих статьях, посвященных делу Мясоедова, появившихся у нас в стране, а также написанных эмигрантами, особое место отводится Орлову, поскольку считалось, что именно он обработал главного свидетеля обвинения поручика Колаковского, добровольно согласившегося на роль немецкого шпиона, чтобы возвратиться из плена на родину. Якобы Орлов подсунил ему информацию о работе Мясоедова на вражескую разведку и каким-то образом убедил поручика придерживаться таких показаний на всем протяжении следствия, а затем и перед военно-полевым судом. Каких-либо доказательств авторы, естественно, не приводят. Сам же Орлов разъяснения по делу Мясоедова и своему личному участию в нем изложил в нескольких письмах к известному борцу с провокаторами Владимиру Бурцеву в надежде, что последний сможет их опубликовать либо напечатать материалы собственного расследования. Ни того, ни другого не случилось. Тогда Орлов пишет своему

сослуживцу, бывшему военному прокурору Александру Резанову, тот подготовил статью в эмигрантскую газету «Новое время». Увы, ее тоже постарались не заметить.

Мы далеки от мысли обелять Орлова, не настаиваем и на его абсолютной безгрешности — мы выступаем лишь за чистоту историко-юридических исследований, когда для рассмотрения и объективной оценки должны братья все без какого-либо исключения факты и свидетельства.

После дела Мясоедова Орлов еще настойчивее добивается назначения на соответствующую должность по линии следствия.

Дело осложнилось тем, что в штатах контрразведывательных отделений не предусматривались должности следователей, а гражданские и другие юристы не обладали в большинстве своем опытом раскрытия шпионских дел, работы с полученными агентурным путем материалами, сводками наружного наблюдения, перлюстрированной корреспонденцией, не знали структуру и организацию деятельности иностранных разведок.

Орлов этим опытом обладал, однако статус переводчика не давал ему возможности проводить какие-либо следственные действия на законных основаниях, а посему он зачастую ограничивался консультациями, рекомендациями, советами, если не считать участия в делах Сухомлинова и Мясоедова. Но экспрессивная, деятельная натура прапорщика артиллерии подталкивала его к более активным шагам. Ему казалось, что многие расследования ведутся не в том направлении, в котором нужно, без должной интенсивности и решительности. И свое мнение он не скрывал ни от сослуживцев, ни от высшего начальства. Нравилось, естественно, это далеко не всем. Излишняя ретивость Орлова, особенно когда она затрагивала личные интересы, личное благополучие некоторых

армейских чинов и могла отрицательно повлиять на продвижение по службе, затормозить получение чинов и наград, порождала недоброжелательность, а порой и ненависть.

Вполне вероятно, что без ошибок и преувеличений у самого Орлова также не обходилось. Нельзя отрицать наличие и честолюбивых мотивов в его поведении — роль переводчика явно не соответствовала довоенному положению следователя по особо важным делам.

Короче говоря, явных и скрытых противников в войсках Орлов себе нажил достаточно, что отражалось на его благополучии даже в период эмиграции.

В середине марта 1916 года Орлов решил обратиться к начальнику штаба Верховного Главнокомандующего генералу от инфантерии Михаилу Васильевичу Алексееву с докладной запиской. В ней указывалось, что он должен именоваться не переводчиком, а судебным следователем по особо важным делам, так как это соответствует его деятельности и «поставит его следственный материал в надлежащее положение для судов».

Только генерал Алексеев, исходя из своих полномочий, мог внести необходимые изменения в штатное расписание и произвести соответствующее назначение. Орлов надеялся, что сможет убедить генерала в своей правоте и добивался личной встречи с ним.

Надо отметить, что Михаил Васильевич со школьной скамьи приятельствовал с отцом Орлова, не раз встречался с ним на русско-турецкой войне, видел, что детей своих тот воспитывал в патриотическом духе — «за веру, царя и Отечество». Утверждать, что именно это обстоятельство способствовало разрешению возникших у Орлова проблем, мы не можем, но уже 2 апреля его назначили на вновь образованную должность военного следователя по особо важным

делам при штабе ВГК, то есть при самом Алексееве. И Орлов стал действовать непосредственно по его указаниям. Долго ждать их не пришлось.

Владимир Григорьевич узнал о своем назначении еще до официального приказа. В срочную командировку на Юго-Западный фронт он уже ехал с соответствующим предписанием для проведения очередного расследования.

В полосе действий фронта удалось вскрыть крупную нелегальную организацию австрийской разведки, состоявшую из почти 50 человек. Большинство ее членов оказались в тюрьме благодаря квалифицированно проведенным следственным действиям Орлова.

Кроме того, он провел расследование по факту бегства к врагу коменданта одного из корпусов штабс-капитана Янсена. Оказалось, что Янсен сразу после объявления войны возвратился из Германии на родину, при попустительстве начальника штаба корпуса был принят на ответственную должность и получил доступ к важным секретным документам, которые и прихватил с собой.

Пикантность ситуации состояла в том, что начальником штаба являлся не кто иной, как бывший начальник разведки и контрразведки российского генштаба в довоенный период Николай Монкевиц. Решением высшего командования генерала сняли с должности и отправили с большим понижением в заграничную командировку. Монкевиц надолго запомнил работавшего с ним следователя по особо важным делам и предпринял в первые годы эмиграции ряд шагов по дискредитации Орлова, сыграв на руку чекистам.

Будучи уже руководителем Берлинского центра врангелевской разведки он оказался подчиненным пострадавшего генерала. Высокопоставленный военный

из близкого окружения П. Н. Врангеля (скорее всего, генерал Везмятинов) писал А. Н. Кутепову: «Для меня лично никогда не было секретом, что яркая личность Владимира Григорьевича создала ему некоторое число недоброжелателей, кои, как это я вполне допускаю, не зная в точности работы Владимира Григорьевича, могли в оценке последней вполне добросовестно заблуждаться, считая Владимира Григорьевича не то очковтирателем, не то политическим хамелеоном. В числе таковых достаточно откровенных недоброжелателей Владимира Григорьевича считается и генерал Монкевиц, ныне Ваш помощник».

Но увещевания не помогли. С 1925 года Орлову прекратили присылать деньги на разведработу и тем самым фактически подтолкнули к изготовлению фальшивок. Но все это будет позже, а пока продолжим рассказ о деятельности следователя на войне.

Количество расследуемых дел не уменьшалось, но материалы статистики свидетельствовали теперь о возрастании количества преступлений, связанных с хищениями военного имущества, растратой государственных денег, превышением полномочий либо бездействием, приведшим к серьезным потерям и поражениям в боях.

Занимаясь одним из таких дел, Орлов стал объектом покушения. В комнату, где он временно расположился для проведения допросов, неизвестный бросил гранату. С контузией и расколотым в двух местах черепом Орлова доставили в лазарет, а затем срочно перевели в Киевский госпиталь. Два с половиной месяца понадобилось, чтобы он относительно пришел в себя.

В госпитале Орлов встретил внимательную медсестру Елену. Любовь, казалась, была взаимной. О существовании сына, названного в честь отца тоже Владимиром, Орлов узнает уже находясь в эмиграции, в Берлине, и сделает все возможное, чтобы они оказались

вместе. К сожалению, годы разлуки не прошли даром. Приехав в Германию, Елена вышла замуж за помощника Орлова. Эта личная трагедия самым непосредственным образом скажется на его тайной деятельности.

В июне 1916 года, на основе докладов военной контрразведки о подозрительной деятельности банкира Дмитрия Рубинштейна и некоторых других финансовых воротил, подрывавших своими аферами устойчивость снабжения фронта и тыла продовольствием, генерал Алексеев добился разрешения Николая II на создание специальной оперативно-следственной комиссии. Возглавил ее генерал-майор Генерального штаба Николай Степанович Батюшин, о котором мы уже не раз упоминали. В состав комиссии вошли квалифицированные офицеры контрразведки и юристы, служившие до войны в Варшавском военном округе и поэтому хорошо знакомые Батюшину.

Работа этой комиссии требует отдельного рассмотрения, поскольку в исторической литературе мы найдем лишь краткие упоминания о ней, а верить газетным публикациям того времени, авторы которых явно отрабатывали полученные от заказчиков-банкиров деньги, совершенно не стоит. Их лживость убедительно доказал еще в 1917 году «революционный сыщик» и общественный деятель Владимир Бурцев. Однако удалось-таки заказным журналистам приклеить к комиссии Батюшина ярлык «пресловутая», закрепить в сознании многих людей, что ее руководитель и члены якобы поимели огромные деньги, необоснованно арестовывая одних и освобождая других банкиров и предпринимателей.

Комиссия генерала Батюшина

В статье, появившейся, как уже отмечалось, в 1917 году, известный публицист Владимир Львович Бурцев писал: «Тяжелое наследие досталось нам от старого режима... Власть в России была в руках кучки проходимцев. Прикрываемые Царским Селом, они хозяйничали в России, как в завоеванном крае, отданном им на поток и разграбление. Мародерство, предательство, немецкое шпионство, вот что безраздельно процветало в России... Была только одна комиссия, которая изобличала — хотя и не в тех размерах, как это было желательно, — царивших мародеров и предателей. Это была так называемая комиссия генерала Батюшина».

Прошло много десятков лет с тех пор, когда Бурцев писал эти строки. И сейчас только немногие историки спецслужб ответят на вопрос, в чем состояла суть работы людей, подчиненных Батюшину. А ведь его комиссию можно считать прообразом наиболее активно развиваемого сейчас направления работы органов ФСБ — по обеспечению экономической безопасности страны.

Так же, как и в наши дни, лица, уличенные в совершении преступления или обоснованно подозреваемые в противоправных деяниях, особенно в экономической сфере, где речь идет о жесткости возможного судебного решения, а также о больших капиталах, старались опорочить оперативные и следственные подразделения. Выдвигаемый и закрепляемый через средства массовой информации тезис прост — розыскная и следственная работа велась с грубыми нарушениями закона, а конкретные представители власти — сами мздоимцы, готовые за очередную звезду на погонах упрятать за решетку кого угодно, хоть бы и собственную мать.

К сожалению, реалии — и тогда, и сегодня — таковы, что тем, кто темными путями наживает баснословные состояния, и их «информационным

прикрывателям» иногда удается задуманный план и общественность вводится в заблуждение на более или менее долгое время.

Классическим историческим примером тому и может служить настойчивая работа комиссии генерала Батюшина. Читатель без особого труда сможет провести параллели с событиями дней нынешних, с действиями так называемых олигархов.

В годы Первой мировой войны со всем основанием таковыми можно было считать банкира Дмитрия Рубинштейна, сахарозаводчиков Абрама Доброго, Израиля Бабушкина, Авеля Гопнера и некоторых других лиц, попавших в поле зрения контрразведки и прокуратуры.

На них и сосредоточила свое внимание комиссия, в состав которой по приглашению Батюшина вошли: заехавший в Петроград после излечения в Киевском госпитале Владимир Орлов, помощник военного прокурора Петроградского военного окружного суда, автор книги «Немецкое шпионство» Александр Семенович Резанов, товарищ прокурора Варшавской судебной палаты Василий Дмитриевич Жижин, судебный следователь по особо важным делам Петр Николаевич Матвеев и еще ряд опытных сотрудников.

Конечно, как и в любом коллективе, не обошлось без так называемого болота, то есть людей, которым все равно кому служить, лишь бы платили деньги. Хороших кадров всегда не хватает, особенно в условиях войны. Батюшину просто некуда было деваться.

Напомним, что поводом к созданию комиссии явилась информация контрразведки о подозрительных банковских операциях Дмитрия Рубинштейна, которые могли нанести ущерб обороноспособности страны.

И вот в июне 1916 года в Петрограде на дверях дома № 90 на Фонтанке появилась написанная от руки на белом листе бумаги вывеска: «Комиссия генерала

Батюшина». Как зачастую бывает и сейчас, денег на оборудование помещения не дали. Вот как описывает «апартаменты» оперативников и следователей один из приходивших на допрос свидетелей: «С большим трудом поднялся я по грязной лестнице, пахнувшей кошками, на третий этаж, нашел нужную дверь... Открыв дверь, вошел в приемную (полутемную переднюю). Единственным предметом мебели тут был грязный топчан, служивший лежанкой для находившегося здесь же жандарма... За простым столом, заменявшим письменный, сидел генерал Батюшин».

Примерно так же, как с помещением, обстояло дело с транспортом, связью, командировочными расходами. Но несмотря на суровые условия бытия, комиссия взялась за дело.

Удалось, в частности, подтвердить, что Рубинштейн переводил крупные суммы через скандинавские страны в воюющую с Россией Германию. Он руководствовался принципом — «война войной, а бизнес страдать не должен». В итоге с санкции генерала Алексеева банкира арестовали и препроводили в Псковскую тюрьму.

Другое крупное расследование началось осенью 1916 года. В литературе оно известно как «дело сахарозаводчиков».

Поводом к нему послужили возникшие в тылу и на фронте перебои с поставками сахара. Отсутствие на прилавках сахара и резко подскочившая цена на него вызвали сильнейшее недовольство населения, в том числе и рабочих оборонных предприятий. Назревали забастовки.

Появилась информация о том, что часть произведенного сахара нелегально переправляется за границу. С группой сотрудников, включая и Владимира Орлова, Батюшин выехал в Киев — центр сахарной

промышленности, где были проведены обыски в правлениях некоторых сахарных фирм, изъята для дальнейшего изучения необходимая документация. Первичный осмотр показал, что нужные бумаги могут быть в столице, в конторе Всероссийского общества сахарозаводчиков. Орлов срочно возвращается в Петроград и проводит неотложные следственные действия. Нити потянулись на Кавказ, и следователь уже в Тифлисе. Он выяснил следующие обстоятельства, которые описал в своих воспоминаниях бывший в то время генерал-квартирмейстером Ставки Александр Сергеевич Лукомский: «Во время войны курс нашего рубля в Персии катастрофически падал. Единственной действенной мерой, чтобы его поднять, казалось, является отправка в пределы Персии достаточного количества сахара. Сахар было разрешено отправить нескольким сахарозаводчикам Юго-Западного края..., но это нисколько не изменило курса нашего рубля. При расследовании этого вопроса получили данные, что сахар через таможни в Персии прошел в сравнительно незначительном количестве, а остальной сахар куда-то исчез.

Затем были получены сведения, что значительное количество сахара выгружалось на других станциях Закавказской железной дороги и переправлялось в Персию через границу вне таможенных постов... Из Персии были получены сведения, что русский сахар в очень большом количестве проходил через Персию только транзитным путем, попадал в Турцию и направлялся в Германию».

Когда Орлов довел результаты расследования до Ставки Верховного Главнокомандующего, там приняли жесткое решение. В «Правительственном вестнике» 26 октября 1916 года появилось сообщение: «Арестованы по распоряжению военных властей на театре военных действий киевские сахарозаводчики Израиль Бабушкин,

Авель Гопнер и Абрам Добрый за противодействие снабжению армии сахаром, умышленное сокращение выпуска сахара на внутренний рынок империи и злонамеренный вывоз сахара за границу в ущерб снабжению воюющей армии и населения».

А дальше... Дальше началась кампания по развалу дела. Главным исполнителем ее сахарозаводчики определили Михаила Цехановского, бессменного представителя Правления Всероссийского общества сахарозаводчиков во всех правительственных учреждениях и «бюрократических заповедниках». Он подключил уже прикормленных ранее министра земледелия графа Алексея Бобринского, сенатора Дейтриха и даже прорвался на прием к председателю Совета Министров Борису Владимировичу Штюрмеру. Для усиления давления на следствие решено было задействовать прессу.

Особое внимание Цехановский обратил на влиятельную газету «Новое время» и ее главного редактора Михаила Алексеевича Суворина. Последний согласился с доводами нового знакомого и опубликовал (якобы ради объективности) его мнение в виде редакционных статей в двух выпусках газеты. Но этого оказалось мало, и Цехановский фактически принудил редактора и хозяина издания продать обществу сахарозаводчиков 300 паев товарищества «Нового времени».

Как может заметить читатель, нечистоплотные предприниматели осознали роль средств массовой информации задолго до шумихи вокруг Березовского и Гусинского, использующих СМИ как дубинку для ударов по институтам государственной власти и еще активнее — с целью прикрытия своих махинаций.

Впоследствии радетель за права сахарных королей цинично писал: «Общество давно уже хотело иметь

свой печатный орган, и вот случай подвернулся, и не воспользоваться им было бы большой ошибкой».

Случай «поработать» с прессой «подвернулся» и Дмитрию Рубинштейну. Начались травля и дискредитация комиссии генерала Батюшина, которые затем продолжались много лет, даже в эмиграции, где после революции оказались и подследственные, и комиссионеры.

Впервые столкнувшись с распространением через прессу столь массированно фальсифицированных сведений о деятельности комиссии в целом и каждого (без исключения) ее сотрудника в отдельности, генерал Батюшин, Орлов, Резанов, Жижин и другие не раз просили об отставке. По свидетельству очевидцев, обычно спокойный и уравновешенный генерал стал раздражительным, начал нервно подергивать плечом. Только авторитет создателя комиссии — Михаила Васильевича Алексеева, его всемерная поддержка, вплоть до докладов царю как Верховному главнокомандующему, спасали дело, и расследования продолжались.

Тогда Рубинштейн задействовал свой главный резерв — Григория Распутина, которого не раз и не два ссужал крупными суммами. Распутин начал действовать через царицу, всецело находившуюся под его влиянием.

Результат долго ждать не пришлось. Для иллюстрации сложившейся ситуации приведем небольшой пассаж из переписки Александры Федоровны Романовой со своим венценосным супругом: «Уволь Батюшина, вспомни, что Алексеев твердо стоит за него». Однако начальник штаба Ставки, зная о негативном к себе отношении царицы, не отказался от своих подчиненных и при очередном докладе Николаю II сумел отстоять их.

Но кое-что Распутину все же удалось. Дело сахарозаводчиков передали для дальнейшего

расследования в Киевскую судебную палату.

Тут же в оборот запускается слух, что Владимир Орлов, находившийся в Киеве, пытается воздействовать на нового следователя, вплоть до подкупа последнего. Вслед за слухом, как и следовало ожидать, в газетах замелькали статьи, авторы которых проводили мысль о необходимости расследования деятельности самой комиссии генерала Батюшина. Вплоть до Февральской революции идея эта муссировалась на газетных полосах, а 20 февраля 1917 года царь, под давлением заинтересованных в развале дела лиц, наложил на докладе Цехановского следующую резолюцию: «Дело о сахарозаводчиках прекратить, водворив их на места жительства, усердною работою на пользу родине пусть искупят свою вину, если таковая за ними и была».

Безусловно, это был сильнейший удар по комиссии Батюшина, тем более что через несколько дней сам монарх отрекся от престола и власть перешла в руки Временного правительства.

Дмитрий Рубинштейн стал одним из первых «птенцов Керенского», как тогда называли всех выпущенных из тюрем заключенных, признанных (правда, неизвестно, кем конкретно) политическими узниками старого режима.

До 8 марта Николай Батюшин находился в Ставке, затем возвратился к месту своей службы в Псков. Рубинштейн уже уехал оттуда в Петроград и чувствовал себя триумфатором. Через месяц председателя уже распущенной комиссии вызвали в столицу и арестовали именем Временного правительства. Он был доставлен в Петроградское комендантское управление и помещен в камеру гауптвахты. Где-то в соседних камерах уже томились военный юрист полковник Александр Рязанов, прапорщики Барт и Логвинский. Другие сотрудники комиссии, включая и Орлова, остались на свободе по

чистой случайности — они находились в служебных командировках.

Наступил демократически развязанный период в жизни нашей страны, ни о какой законности говорить не приходилось. Владимир Львович Бурцев писал в конце мая 1917 года, что никто из арестованных членов комиссии даже еще не знал, за каким следственным или иным органом новой власти он числится, их ни одного раза не допросили, и, естественно, не слышали они, в чем конкретно обвиняются.

А за тюремными стенами их уже приговорила «демократическая» пресса. Деньги Рубинштейна и сахарозаводчиков отрабатывались по максимуму.

Демократический удар по контрразведке

Владимир Орлов благоразумно возвратился из командировки прямо в Ставку, не заезжая в Петроград, где, несомненно, немедленно подвергся бы аресту.

Зато в Могилеве, где всем руководил назначенный Главнокомандующий генерал Алексеев, можно было не бояться репрессий. Временное правительство пока еще опасалось портить отношения с руководящим ядром воюющей армии.

Но если штабные структуры по указанной выше причине сохранялись почти в неизменном виде, то с контрразведывательными аппаратами, в том числе и в самой Ставке, дело обстояло куда как сложнее.

Уже 4 марта 1917 года на третьем своем заседании Временное правительство приняло значимое для всей страны и напрямую повлиявшее на ее контрразведывательную службу решение о ликвидации Отдельного корпуса жандармов, включая и железнодорожную полицию, а также охранных отделений. Назначенный к этому времени военным и

морским министром Александр Иванович Гучков довел новость до штабов фронтов, армий и округов для неукоснительного исполнения.

Конкретизируя решение Временного правительства, военный министр подписал циркулярную телеграмму с указанием уволить из органов по борьбе со шпионажем всех жандармских офицеров и лиц, ранее работавших в охранных отделениях и в криминальной полиции.

Это был серьезнейший удар, прежде всего по руководящим кадрам контрразведывательных отделений, как в действующей армии, так и в тылу, поскольку офицеры упраздненного ОКЖ составляли до 90 % от общего числа начальников КРО и их помощников.

Аналогичная ситуация сложилась и с младшими агентами КРО, обязанностью которых было ведение наружного наблюдения. Они также подлежали увольнению из-за предыдущей службы в Департаменте полиции МВД и его местных органах.

Руководство Ставки Верховного главнокомандующего пыталось затормозить реализацию указания новых петроградских властей. Исполняющий обязанности начальника штаба ВГК генерал Владислав Наполеонович Клембовский представил военному министру доклад, в котором подчеркивал, что, хотя жандармские офицеры не пользовались уважением в военной среде, за неимением других специалистов они «являются пока незаменимо полезными работниками в сфере преследования и обнаружения неприятельских шпионов». Однако это обращение осталось без какого-либо ответа.

Руководители штабов фронтов и армий докладывали, что реализация указания министра приведет к тяжелым последствиям. Генерал-квартирмейстер штаба Западного фронта в докладе в

Ставку ВГК относительно состояния КРО предупреждал о неминуемом прекращении деятельности контрразведки в случае одномоментного увольнения указанных в телеграмме А. И. Гучкова лиц.

К подобному выводу пришло командование Румынского фронта, отдельной Кавказской армии и многих других войсковых объединений.

Проанализировав поступившие из подчиненных штабов доклады, второй генерал-квартирмейстер Ставки ВГК генерал-майор Сергей Леонидович Марков направил на места циркулярную телеграмму, разрешавшую в необходимых случаях оставлять на службе наиболее квалифицированных сотрудников из числа бывших жандармов на период реорганизации контрразведывательных отделений, но не позднее чем до 15 июля 1917 года.

Однако все эти действия опытных военных руководителей явно запоздали. Подавляющее большинство жандармских офицеров-контрразведчиков к этому времени уже были уволены, а некоторые даже подверглись репрессиям. Типичную обстановку тех дней обрисовал в своем докладе руководству начальник КРО штаба Двинского военного округа. Он, в частности, сообщал, что деятельность отделения практически парализована, поскольку офицеры и другие сотрудники неоднократно задерживались, к ним применялись меры физического воздействия, им угрожали расстрелом. Прямо в Таврическом дворце был арестован и начальник КРО штаба Петроградского военного округа полковник Владимир Михайлович Якубов, прибывший с рапортом о своей готовности добросовестно служить новой власти. В отсутствие начальника отделение прекратило работу, а в начале марта было полностью разгромлено толпой. Большинство сотрудников почти месяц провели в тюрьме.

Несмотря на заслуги в деле борьбы со шпионажем и ходатайства высших военных чинов, был уволен от должности начальника Центрального военно-регистрационного бюро (контрразведки) Главного управления Генерального штаба полковник князь Василий Георгиевич Туркестанов, откомандированный из Отдельного корпуса жандармов в военное ведомство еще в 1911 году для организации КРО штаба Московского округа.

По решению Временного правительства арестовали и бывшего начальника контрразведывательного отделения Генерального штаба полковника Василия Андреевича Ерандакова. Не найдя ничего предосудительного в его работе на указанном посту, председатель особой следственной комиссии сенатор Владимир Александрович Бальц возбудил уголовное дело по фактам «злоупотреблений» в контрразведке вообще. Не зная существа расследования, «демократическая» пресса поспешила обвинить Ерандакова в совершении преступлений против народа.

Вопросу о якобы имевших место серьезных нарушениях со стороны офицеров КРО придавали все больше и больше значения, а 11 октября его рассматривали даже на заседании правительства. В газетном отчете сообщалось, что упомянутый выше сенатор Бальц убеждал участников заседания: «...область злоупотреблений по борьбе со шпионажем требует образования особого органа власти для расследования, т. к. такого рода следственная организация обнимет деяния должностных лиц, извращавших задачи борьбы со шпионажем и служивших в действительности борьбе с общественностью, отдельными национальностями и промышленностью страны».

В итоге Временное правительство учредило Особую следственную комиссию под председательством

сенатора Николая Николевича Чебышева при участии представителей адвокатуры и военного ведомства.

Не отставали от центральных и местные революционные власти. Есть много свидетельств их «компетентных» решений относительно контрразведки и ее кадров.

Фактически к осени 1917 года в какой-то степени дееспособными остались лишь соответствующие подразделения в Главном управлении Генерального штаба и в Московском военном округе.

Серьезнейшее ослабление кадрового состава контрразведывательных органов привело в итоге к фактическому уничтожению агентурного аппарата. Этому способствовала основанная на материалах архивов МВД кампания в прессе по разоблачению секретных сотрудников тайной полиции царской России. Чуть ли не ежедневно в газетах печатались списки выявленных в столице и на местах агентов охранных отделений. Наряду с действительными фактами негласного сотрудничества некоторых лиц с царскими властями появилась масса слухов, предположений и прямых наветов. Разыгрывались человеческие трагедии. Можно сказать определенно, что «разоблачительство» стало трагедией для всей системы отечественной контрразведки, ведь с началом войны многие опытные секретные сотрудники охранных отделений частично или полностью переключались на борьбу со шпионажем и лицами, способствовавшими военным противникам России. После революции этих секретных сотрудников изгнали из контрразведки, а впоследствии многих арестовали и уничтожили.

Один из крупных юристов, включенный Временным правительством в состав Чрезвычайной Следственной комиссии, Сергей Васильевич Завадский, вспоминал о правовом нигилизме председателя комиссии Н. К. Муравьева, который настаивал на привлечении

секретных сотрудников царской политической полиции к уголовной ответственности. Муравьев прямо заявлял, что «нужно найти (!) статью закона, по которой их можно было бы судить, невзирая на амнистию». Муравьев предлагал, к примеру, использовать статью Уложения о наказаниях, предусматривающую уголовную ответственность за превышение власти.

В результате кардинальных изменений, произошедших в системе государственного и, отчасти, военного управления, стала наблюдаться тенденция со стороны руководителей контрразведывательной службы всячески уклоняться от выполнения функций, напрямую не связанных с борьбой с военным шпионажем. В этом видится вполне понятное стремление сохранить аппарат контрразведки в условиях, когда власти зачастую принимали решения под давлением ультрареволюционных общественных настроений и когда политическая целесообразность превалировала над законом. Поэтому в циркулярных телеграммах, которые направлялись в органы контрразведки по линии Ставки и ГУГШ, подчеркивалось, что их задачей является исключительно борьба с военным шпионажем.

Те, кто отвечал за контрразведку в Главном управлении генерального штаба, подготовили проект обращения к войскам Александра Керенского, сменившего Гучкова на посту военного и морского министра.

Обращение оформили в виде несекретного приказа по армии и флоту. В нем говорилось об усилившейся активности шпионских центров противника и опасности их деятельности для страны. «Для борьбы со шпионами, — отмечалось в обращении, — существуют особые секретные учреждения, именуемые контрразведывательными отделениями. Не смешивайте служащих этих отделений с агентами политического

сыска старого режима... и оказывайте им полное содействие».

Ранее подобные призывы и разъяснения так же публиковались от имени различных войсковых штабов, однако они не привели к желаемому результату на фоне развернутой новыми властями кампании разоблачительства всех секретных служб старого режима. Для контрразведки не было сделано исключение, и революционные органы печати убеждали население и военнослужащих, что борьба со шпионажем — это прикрытие для военно-политической полиции.

Глава французской военной миссии генерал Ниссель, докладывая в апреле 1917 года о развитии ситуации в России своему парижскому руководству, отмечал, что «русской контрразведки больше не существует». Это обстоятельство, кстати говоря, побудило разведывательные службы союзных России государств (Англии и Франции) приступить к форсированному укреплению своих официальных представительств и созданию связанных с ними нелегальных групп. Наблюдая стремление контрразведки ГУГШ уклониться от работы по выявлению сторонников прекращения военных действий из оппозиционных Временному правительству политических сил, союзники сами развернули активную работу против большевиков. При этом всячески подчеркивалось, что многие из руководящего звена данной партии связаны с немецкими спецслужбами, действуют в их интересах, при их финансовой поддержке.

Несмотря на все сложности обстановки послереволюционного периода в России — воюющей стране, — государственно мыслящие военные и ответственные гражданские чиновники отчетливо понимали необходимость укрепить потенциал

отечественной контрразведки, реорганизовать ее с учетом произошедших радикальных изменений.

Исполняющий обязанности начальника штаба Верховного главнокомандующего генерал Клембовский провел в Ставке ряд встреч с заинтересованными лицами и с учетом их мнений направил докладную записку военному министру. В ней он указывал на критическое положение, в котором оказались КРО внутренних военных округов в связи с упразднением жандармского корпуса и охранных отделений. Своими силами контрразведчики едва могли обеспечить борьбу со шпионажем в местах дислокации окружных штабов. В связи с этим Клембовский предлагал незамедлительно войти в контакт с МВД и решить вопрос об организации КРО во всех губернских и областных центрах на базе общественной милиции, однако с непосредственным подчинением начальнику штаба соответствующего округа.

Будучи известным теоретиком разведки и контрразведки, генерал, бесспорно, понимал утопичность своего проекта, поскольку новый состав милиции понятия не имел даже об организации охраны общественного порядка, не говоря уже о выявлении и разработке лиц, подозреваемых в шпионаже. Однако иного выхода из создавшегося положения Клембовский не видел.

Военное министерство своих предложений не имело, поэтому запрос в МВД фактически являлся компиляцией поступивших из Ставки записок.

Реакции МВД не последовало, и проект военных властей остался только на бумаге.

Клембовский предпринял также попытку побудить своих коллег в Главном управлении Генштаба к созданию специальной комиссии по выработке новых инструкций по контрразведке, а также программ обучения будущих сотрудников КРО.

В ГУГШ он нашел поддержку и понимание. Более того, в отделе генерала-квартирмейстера предложили комиссионно разработать такие базовые документы, как положение о контрразведке на театре военных действий и аналогичное для тыловых военных округов.

О своих намерениях руководство ГУГШ проинформировало военного министра и настаивало на скорейшем утверждении им решения о формировании комиссии.

Комиссия начала свою работу 7 апреля 1917 года. К этому времени проекты всех необходимых документов уже имелись, и предстояло их обсудить постатейно. Поскольку серьезных изменений никто из присутствовавших на заседаниях не внес, то с незначительными поправками проекты и были единогласно приняты.

Согласно новым документам, учреждалась контрразведывательная часть (КРЧ) штаба Верховного главнокомандующего.

Определяя ее в качестве головного органа на всем театре военных действий, Верховный главнокомандующий, однако, не обеспечил ее необходимым кадровым потенциалом. Как справедливо замечено исследователями истории отечественной контрразведки, при штате КРЧ, состоящем из двух офицеров и такого же числа служащих, говорить о реальном и эффективном управлении аппаратами КРО пяти фронтов говорить не приходится.

В таких условиях многое зависело от личных качеств руководителей контрразведки действующей армии. Генерал Алексеев всемерно поддерживал вновь назначенного инициативного и профессионально подготовленного начальника КРЧ Генерального штаба полковника Терехова.

До начала мировой войны Терехов несколько лет работал по линии разведки и контрразведки в штабе

Варшавского военного округа под руководством генерала Батюшина. Когда же начались боевые действия, он возглавил борьбу со шпионажем во 2-й армии. Это ему принадлежала идея создания диверсионных групп для работы в тылу противника. Перейдя на службу в Ставку, Терехов сконцентрировался на развитии зафронтовой контрразведки.

С Владимиром Орловым они были знакомы еще по Варшаве, а затем встретились в Ставке, где вместе занимались раскрытием германских и австрийских агентов.

Упомянутый нами ранее историограф высшего полевого командования русской армии Михаил Лемке писал: «О Николае Васильевиче Терехове, который, собственно, и ввел в дело Орлова, последний отзывался, как о человеке, фанатично преданном своему делу».

Полковник оставался руководителем контрразведки действующей армии до февраля 1918 года, вплоть до расформирования Ставки. Затем следы его теряются. По крайней мере, в спецслужбах белых армий он не проявился, нет также сведений, что он работал по линии контрразведки и в эмиграции.

Однако вернемся к маю 1917 года. Мы уже говорили, что штат контрразведки в Ставке был мизерным и Терехов с особой тщательностью отбирал себе кадры. Многие офицеры откровенно побаивались переходить на службу в КРЧ, видя неустойчивость власти Временного правительства. Они насмотрелись в предыдущие месяцы, как разного рода комиссары (и петроградские, и местные) устраивали охоту за контрразведчиками царской армии. Повторить их печальный опыт мало кто желал. Лишь несколько человек удалось отобрать Терехову, а заместителем к себе он предложил пойти Владимиру Орлову.

Таким образом, с лета 1917 года наш герой официально становится сотрудником спецслужбы и получает возможность реализовать некоторые свои идеи в сфере борьбы со шпионажем.

Находясь на ответственной должности, он получил доступ ко всем, в том числе самым секретным делам контрразведки. Ему же доставлялись обзоры зарубежной и российской печати. Надо полагать, он прочитал все, что писалось о деятельности комиссии генерала Батюшина и о нем самом. Фальсифицированные данные, приводимые в газетах, возможно, и натолкнули его на мысль о допустимости и даже целесообразности использовать метод порочащих противника документов и организацию публикаций в прессе в борьбе с ним. В борьбе не на жизнь, а на смерть, в борьбе за ту Россию, какой он себе представлял, исходя из своих монархических воззрений.

В годы эмиграции активные мероприятия стали для Орлова ключевыми в его деятельности. Но об этом мы еще расскажем.

На службе у большевиков

Период между двумя революциями менее всего отражен в биографии Орлова. Нам удалось найти в Государственном военно-историческом архиве небольшое дело с перепиской о нем между Генеральным штабом и Ставкой. Судя по сохранившимся документам, военные чины и правительственные комиссары не забыли его успехов. За свою добросовестную службу и вклад в борьбу с неприятельским шпионажем во время войны Владимир Григорьевич удостоился высоких наград: орденов Св. Анны, Св. Станислава, Св. Анны и Св. Владимира с мечами и с бантом. Но помнили также и об участии

Орлова в комиссии генерала Батюшина, поэтому конкретных дел заместителю начальника контрразведки из Петрограда не поручали, а на фронте, в основном, проходили организационно-кадровые мероприятия. По крайней мере, о разоблачениях Орловым шпионов в ходе боевых действий в период нахождения у власти Временного правительства ничего не известно. Не обремененный особо служебной нагрузкой, бывший следователь имел возможность привести в надлежащий порядок значительно разросшийся за военные годы архив.

Как не раз заявлял сам Владимир Григорьевич, он придерживался монархической идеи и готов был бороться за нее до конца. Перед царем Орлов преклонялся, но ненавидел отдельных лиц из его окружения.

Вот как, к примеру, он описал свою последнюю встречу с российским самодержцем: «Я никогда не забуду этот день — 8 марта 1917 года, ознаменовавший начало крушения монархии. Мы все были с царем в Могилеве. Он уже отрекся от престола... Начальник штаба направил курьеров к нам на квартиры с распоряжением собраться в зале генеральского дома. Очень скоро зал был переполнен: там были все офицеры штаба, строевики и мы, сотрудники разведки... Я видел, как закаленные, испытанные воины предавались горю, и сам плакал. В печальных глазах царя тоже стояли слезы».

Монарх ушел — да здравствует монарх, или, что казалось более реальным, военный диктатор!

В опубликованных у нас в стране и за рубежом исследованиях о деятельности враждебных Временному правительству организаций, таких, как «Военный отдел Республиканского центра», «Военная лига», «Союз офицеров армии и флота», по преимуществу также монархической направленности,

фамилии Орлова мы не находим. И это при том, что основные силы указанных организаций находились в Могилеве, в Ставке ВГК, где он и служил.

Можно допустить, однако, что Орлов умело зашифровал свою принадлежность к различным «союзам» и «лигам». До сих пор неизвестен, к примеру, состав особой конспиративной группы внутри «Союза офицеров», основной целью которой, как утверждал позднее Александр Керенский, было установление военной диктатуры путем переворота. Подтверждение наличия такой группы мы находим на страницах «Очерков русской смуты», написанных Антоном Ивановичем Деникиным. Однако даже он не назвал ни одной фамилии. Известно, что «конспиративная группа» готовила почву для того, чтобы генерал Алексеев, не раз протезировавший Орлову, мог стать диктатором. Но в мае 1917 года Алексеева снимают с поста главкома, и он уезжает в Петроград, где находится вплоть до большевистской революции. Скорее всего, уход генерала заставил Орлова затаиться, а в декабре перебраться в Петроград.

Орлов навестил своего патрона в столице за несколько дней до отъезда последнего на Дон и получил от него последнее поручение — создать в Петрограде, Москве и некоторых других городах подпольную разведывательную организацию, способную обеспечить формирующуюся Белую армию необходимой военной и политической информацией, а также перебрасывать в донские районы и на Север, где возможно было ожидать интервенционистские войска, готовых продолжать борьбу офицеров. С благословения генерала Алексеева подпольщикам предоставлялось право установить и поддерживать связи с представителями союзнических разведывательных служб в России, прежде всего с англичанами и французами, и сообщать им добытые сведения о

замыслах и реальных действиях советских властей. Выработать же план деятельности организации, подобрать необходимые кадры и наладить устойчивую связь с генералом Алексеевым предстояло самому Орлову.

Итак, начало 1918 года — это и начало нового этапа в жизни профессионального юриста. Никогда ранее ему не приходилось быть на нелегальном положении, пользоваться поддельным паспортом на вымышленную фамилию, заниматься агентурной работой, не защищать закон, а проводить акции, за которые по декретам советской власти полагалось суровое наказание, вплоть до расстрела.

После отъезда генерала Алексеева руководящая роль в подпольной офицерской организации перешла к бывшему главнокомандующему Кавказским фронтом генералу от инфантерии Николаю Николаевичу Юденичу. Ему-то Орлов и представил первоначальную схему возможной организации работы. Генерал одобрил предложение, однако с одним принципиально важным добавлением. Он порекомендовал встретиться с офицерами английской и французской армий, которые занимались вопросами разведки и контрразведки в военных миссиях союзников России. Некоторых из них начинающий подпольщик знал еще по работе в контрразведке Ставки, о других слышал как о профессионалах своего дела. Без контакта с представителями Антанты затеваемая организация совершенно не мыслилась. Война с Германией и Австро-Венгрией продолжалась, а пришедшие к власти большевики, по крайней мере их вожди, рассматривались не иначе, как исполнители планов врага по развалу России и, следовательно, поражению стран «сердечного согласия» в целом.

Итак, в тесной связке с разведкой союзников Орлов начал действовать.

Первый шаг — легализация. К январю 1918 года этот вопрос удалось решить. В Петрограде появился польский революционер Болеслав Иванович Орлинский, а следователь по особо важным делам при Ставке ВГК бесследно исчез. Тем же, кто вздумал бы его искать, предусмотрительно запущенный слух подсказывал — уехал, мол, на Украину навестить больную жену и детей. Пришлось, однако, на всякий случай изменить внешность — отпустить бороду и усы.

Главной задачей Орлова было устроиться на службу в какое-либо советское учреждение и обеспечить себе тем самым легальный статус, гарантирующий от случайных арестов, обысков и прочих массовых мероприятий, проводившихся в эту смутную пору в целях борьбы с контрреволюционерами. Одновременно солидное должностное положение давало возможность получить доступ к нужной информации, завести полезные знакомства в среде чиновников из властных и партийных структур.

В своей книге Орлов рассказывает, что начал внедрение в советский аппарат с получения рекомендательных писем от своего старого друга Б. «Я не осмеливаюсь, — писал он, — назвать его фамилию, чтобы не скомпрометировать его, учитывая то положение, которое он занимает теперь в Москве».

Эта ремарка — не более чем попытка автора продемонстрировать читателям, прежде всего соотечественникам-эмигрантам, свое отношение к канонам офицерской чести (мол, друзей, даже ставших по другую сторону баррикад, не продаю).

Для советских органов безопасности никакого труда не составило бы «вычислить» таинственного друга Орлова. Достаточно было провести небольшой поиск в архиве Совета народных комиссаров (СНК) или, еще проще, — допросить управделами Совнаркома Владимира Дмитриевича Бонч-Бруевича, задав

единственный вопрос: «Кто рекомендовал вам товарища Орлинского?»

Почему это не было сделано по горячим следам, сразу после бегства Орлова из Петрограда в 1918 году, точно неизвестно. Возможно, что ВЧК не досмотрела. Но, скорее всего, не хотели поднимать излишний шум, поскольку беглец был в близких отношениях с Николаем Николаевичем Крестинским, комиссаром юстиции Союза коммун Северной области, и даже с Феликсом Эдмундовичем Дзержинским, который к моменту ухода Орлова в Финляндию лишь два с небольшим месяца как вновь вернулся на должность председателя Всероссийской ЧК после отставки в связи с прямым участием чекистов, пусть и левых эсеров, в убийстве германского посла. К тому же финские газеты сообщили, что Орлов убит нашими пограничниками при попытке нелегально пересечь охраняемую прикардонную зону.

А вот почему не провели расследование после появления книги Орлова в 1929 году, остается загадкой. Ведь Владимир Бонч-Бруевич после кончины Ленина фактически отошел от активной государственной и партийной работы и мог быть допрошен без особого ущерба для имиджа политической элиты.

Анализ сохранившихся документов из знаменитого архива Орлова и других материалов позволяет нам почти со стопроцентной уверенностью утверждать, что отрекомендовал Орлова-Орлинского для устройства на советскую службу родной брат тогдашнего управделами СНК генерал Михаил Дмитриевич Бонч-Бруевич, неутомимый борец с немецкой агентурой в годы Первой мировой войны, всячески способствовавший деятельности следователя по особо важным делам и комиссии Батюшина. В своих воспоминаниях под заголовком «Вся власть Советам», напечатанных в 1958 году, генерал, естественно, не

упомянул Орлова ни разу, а свои контакты с известным агентом английской разведки Сиднеем Рейли (о котором речь впереди) существенным образом искажил, поскольку отрицать их было невозможно после того, как британский шпион опубликовал свои воспоминания. При этом следует иметь в виду, что литературную запись воспоминаний М. Д. Бонч-Бревича осуществлял известный писатель-идеолог Илья Кремлев, выправивший текст в нужном плане.

Но вернемся к В. Г. Орлову. Из аппарата Совнаркома он был направлен в распоряжение первого наркома юстиции Петра Ивановича Стучки и встречен последним, что называется, с распростертыми объятиями. У наркома с кадрами, тем более имеющими университетское юридическое образование, было туго, и назначение Орлова-Орлинского состоялось без всякой оттяжки, связанной с проверкой нового сотрудника. Да и что проверять — звонка из Совнаркома по тем временам хватало с лихвой.

И вот Орлов во главе 6-й уголовно-следственной комиссии. В первые месяцы советской власти различных следственных органов в столице существовало почти десяток. Работали они независимо друг от друга, зачастую параллельно, без четкого разграничения предмета ведения. Совнарком даже вынужден был принять специальное решение по данному поводу, в котором говорилось следующее: «Ознакомившись с положением дел в разных следственных комиссиях, СНК в целях упорядочения борьбы с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией постановляет: «В Чрезвычайной комиссии концентрируется вся работа розыска, пресечения и предупреждения преступлений, все же дальнейшее ведение дел, ведение следствий и постановка дела на суд предоставляется следственной комиссии при трибунале».

Однако на практике выполнить это решение в первое время не удавалось. Данное обстоятельство здорово помогало Орлову — он мог, не работая официально в ВЧК (а после ее переезда в Москву в Петроградской ЧК), быть в курсе отдельных проводимых ею оперативных и следственных действий, добиваться передачи некоторых дел из Чрезвычайной комиссии в свою Комиссию, спасая тем самым попавших под подозрение своих соратников от возможного расстрела.

Чтобы еще более приблизиться к чекистам, Орлов в различных докладных записках старался поднять в глазах начальников значимость для молодой Республики Советов своей работы. Для примера приведем выдержку из одного составленного им документа: «Производя следствие по этого рода делам (спекулятивным и мошенническим. — А. З.) — я все время обнаруживал систематическую утечку банковских ценностей за границу и устанавливал лиц — обычно крупных капиталистов и банкиров, кои принимали все меры к сокрытию своих капиталов за границу. Заграничные капиталисты шли им в этом отношении широко навстречу и покупали у русских банкиров аннулированные процентные бумаги и другие банковские ценности задним числом, чтобы своевременно от имени своих правительств предъявить их к оплате России. Считая, что подобного рода деяния являются преступлением государственным, я же вправе обследовать только преступления уголовные, все сведения по этого рода делам направлял по принадлежности Чрезвычайным комиссиям по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией». В ВЧК должны были по достоинству оценить уровень понимания проблем опытным следователям.

Но пока чекистов удовлетворяла работа на поприще борьбы со шпионажем, контрабандой и утечкой

валютных ценностей за границу созданного в январе 1918 года Контрразведывательного бюро ВЧК. История возникновения бюро, конкурирующего с руководимой Орловым уголовно-следственной комиссией, была такова.

По мысли ее создателей, изложенной в постановлении Совнаркома от 7 (20) декабря 1917 года, Всероссийская Чрезвычайная комиссия учреждалась с целью борьбы с контрреволюционными проявлениями и, прежде всего, саботажем. Функция контрразведки на Комиссию не возлагалась. По сравнению с другими угрозами для новой власти шпионаж был далеко не на первом месте.

У председателя ВЧК Феликса Дзержинского, как, впрочем, и у других большевистских руководителей, видимо не сложилось понимание того, что враждебные проявления могут инспирироваться, финансироваться и даже непосредственно организовываться иностранными агентами, включая и сотрудников разведслужб тогдашних союзников России в войне.

Кроме того, принимая постановление, в СНК исходили из того, что органы военной контрразведки в стране имелись, хотя особого доверия к ним большевики и не испытывали. Всем была очень памятна развернутая контрразведкой в июле 1917 года кампания по обвинению большевиков в агентурной деятельности в пользу немцев.

Как бывший руководитель Военно-революционного комитета, установившего через своих комиссаров контроль за всеми контрразведывательными подразделениями, Дзержинский имел в виду их скорую реорганизацию или полную ликвидацию вместе со старой армией. Но это должно было произойти только после заключения мира и демобилизации армии.

А пока продолжалась война. Газеты пестрели сообщениями о происках германских шпионов и в

Совнаркомом посчитали целесообразным не трогать систему контрразведки. Однако разговоры на эту тему ходили, и кое-какие сведения даже просачивались на страницы периодических изданий.

В начале января 1918 года, прочитав сообщение корреспондента о якобы намечаемом создании при СНК отделения разведки и контрразведки, на Гороховую, 2, где помещалась тогда ВЧК, явился неизвестный охране человек, который настаивал на личной встрече с председателем.

Предполагая, что беседа может и не состояться, посетитель предусмотрительно имел при себе запечатанное в конверт письмо на имя Дзержинского, помеченное грифом «Совершенно секретно».

Сейчас нет возможности точно установить, принял ли визитера в тот день перегруженный срочными делами Феликс Эдмундович, но письмо оказалось в его руках и сохранилось в архиве Федеральной службы безопасности.

Автором письма был некий Константин Шевара, крупный агент царской разведки и контрразведки. В первой половине своего послания Шевара подробнейшим образом изложил свою оперативную биографию, чем, вероятно, надеялся заинтересовать главу набирающей силу ВЧК.

Оказалось, что он начал действовать на поприще спецслужб еще за пять лет до Первой мировой войны. В качестве секретного агента Шевару завербовал начальник разведывательного отделения штаба Варшавского военного округа генерального штаба полковник Николай Батюшин и использовал его для работы за границей. В период войны Шевара активно трудился над подготовкой и заброской в немецкий тыл русской агентуры, неоднократно сам выполнял рискованные задания за линией фронта по приказанию того же Батюшина. В предреволюционный период

руководство переориентировало его борьбу с немецким шпионажем. Так что Шевара был достаточно подготовленным профессионалом с почти десятилетним стажем секретной деятельности.

Отдавая себе отчет в том, что адресует письмо не просто председателю ВЧК, а одному из виднейших большевистских деятелей, Шевара не преминул упомянуть, что свои политические воззрения считает схожими с марксистскими.

После таких заверений Шевара предложил Дзержинскому свои услуги, указав, что может «принести несомненную пользу не только внутри Советской Республики, но и вовне...»

Письмо с грифом «Совершенно секретно» и личность его автора, несомненно, заинтересовали председателя ВЧК. Привлекло внимание и место последней службы Шевары — он был секретным сотрудником по особо важным поручениям при штабе 42-го армейского корпуса, расквартированного в Финляндии. Обстановка в бывшей провинции Российской империи в то время была крайне запутанной. Вооруженная борьба между финскими красной и белой гвардией, вмешательство германских войск, шведское влияние, брожение в русских гарнизонах и на базах флота, разворовывание военных запасов и стратегического сырья, и все это в непосредственной близости от революционного Петрограда. Поэтому предложение Шевары об организации контрразведки (в том числе и внешней, в Финляндии) в интересах ВЧК, попало на благодатную почву. Совнарком требовал информации, а своих профессионально подготовленных кадров у Дзержинского еще не было.

Вполне вероятно, что поначалу Дзержинский, стремясь добиться конспиративности, не посвятил в существо начинаемого дела даже своих соратников по

президиуму ВЧК. По крайней мере, ни в одном из сохранившихся протоколов заседаний президиума нет даже упоминания о создании контрразведывательного органа в структуре ВЧК.

Судя по обнаруженным в Центральном оперативном архиве ФСБ разрозненным документам, мы можем утверждать, что Контрразведывательное бюро ВЧК (КРБ) начало функционировать не позднее 13 января 1918 года, поскольку в этот день Шевара уже докладывал председателю комиссии о некоторых проведенных мероприятиях.

Перечисленные в докладе акции КРБ показывают, что Дзержинский, в принципе, нашел правильное применение чекистской контрразведке. Бюро предпринимало попытки выйти на иностранный и, что было важно для ВЧК, белогвардейский шпионаж путем обследования деятельности, а также арестов контрабандистов и противостоящих новой власти представителей буржуазной среды. Свою активность Бюро демонстрировало не только в самом Петрограде и его окрестностях, но и в Финляндии, куда направлялась его агентура.

Негласное обследование отдельных лиц и различных организаций, обыски, аресты — вот средства, которыми пользовалось Бюро. Как видим, они выходят за рамки, в которых действовали органы военной контрразведки. Более того, Бюро имело право требовать от контрразведчиков армии и флота выполнения своих заданий. К примеру, в Гельсингфорсе сотрудники Бюро во главе с помощником начальника Юрием Ариным негласно установили, что некий Верещагин за крупное вознаграждение организует освобождение арестованных, кем бы этот арест ни был произведен. Не имея достаточно своих сил, Арин обязал контрразведывательное отделение Свеаборгской

крепости установить наблюдение за Верещагиным и донести о результатах.

При малочисленности персонала других подразделений ВЧК в начале января 1918 года Бюро располагало штатом не менее чем в 35 человек — именно столько удостоверений на право ношения оружия выдал лично Дзержинский начальнику контрразведки Шеваре. 25 агентов Контрразведывательного бюро ВЧК имели специальные удостоверения без указания должности, что было необходимо для конспирации.

Вскоре начальник КРБ представил Дзержинскому подробный доклад по организации контрразведки в более широком масштабе. Предусматривалось усилить работу в столице, развернуть агентурную группу в Москве, создать аппарат наружного наблюдения, независимый от уже функционировавшего в ВЧК, а также насадить специальных агентов в некоторых городах Германии, Польши и в оккупированных немцами областях.

По прикидкам Шевары, финансовые затраты ВЧК составили бы чуть больше 80 тысяч рублей в месяц.

Реакцию Дзержинского на доклад мы не знаем, поскольку каких-либо его резолюций на документе не имеется. Но поскольку вербовка агентуры для КРБ была развернута, как видно из сохранившегося доклада Шевары, можно предположить, что принципиальное согласие он получил.

История, как известно, не терпит сослагательного наклонения. Поэтому и мы не станем гадать, каких результатов достигло бы КРБ во главе с Шеварой, однако заметим: шел он верным путем, апробированным в своей основе еще царской контрразведкой. Так, шеф КРБ предпринял попытку выйти на немецкую агентуру через монархистов германской ориентации, в частности, с помощью

небезызвестного доктора «тибетской медицины» Бадмаева, крестника императора Александра III, близкого в свое время к Распутину и императрице Александре Федоровне. Шевара также восстановил связь со своим бывшим начальником, руководителем контрразведки Северного фронта, а затем в Финляндии полковником Генштаба Иваном Чернышевым.

Изучая отрывочные данные о деятельности Шевары, мы поначалу не могли найти убедительного объяснения внезапному исчезновению его с чекистского горизонта, отсутствию в архивных фондах документов делопроизводства Контрразведывательного бюро ВЧК. Возникали различные версии, например, можно было предположить негативную реакцию членов коллегии и президиума Всероссийской ЧК на инициативу Дзержинского, привлекшего на ответственную должность человека с неясными политическими взглядами. Ведь коллегия ВЧК 21 февраля 1918 года вынесла решение о принятии на работу «только партийных товарищей, а беспартийных как исключение». В соответствии с этим решением, все новые сотрудники должны были проходить собеседование в специально организованной комиссии.

Разрешить наши сомнения мог только дальнейший поиск. И вот, изучив более тысячи пожелтевших от времени папок в архивном фонде уголовных дел, мы нашли материалы на некого Шеваро-Войцицкого Константина Александровича. С первой страницы стало ясно — это и есть первый начальник контрразведки ВЧК. Что явствует из дела? Оказывается, отряд матросов для проведения операции в Петрограде под начало Шеваре был отдан от Наркомата по военным делам во главе с Александром Поляковым. Не понимая, естественно, ничего в агентурной работе и в контрразведке вообще, начальник отряда и его ближайшие соратники заподозрили руководителя КРБ в

контрреволюционном заговоре и арестовали его. В адрес Дзержинского, только что переехавшего с аппаратом ВЧК в Москву, пошла телеграмма: «Шевара нас продал, факты на лицо, жду экстренного разрешения принять самые суровые крайние меры, как к нему, так и к его приспешникам и старым охранникам... Он желает меня убить... Ваш Поляков».

Не дождавшись ответа, группа Полякова сама, без помощи Петроградской чрезвычайной комиссии, провела в течение двух дней следствие, и Шевара был ликвидирован якобы при попытке к бегству. Чтобы подчеркнуть свою решимость «искоренять гидру контрреволюции», Поляков позднее рассказывал, что раненного в голову Шевару добили сорока винтовочными выстрелами в упор.

Обстоятельства дела вызвали сомнения у председателя ВЧК, и он дал указание секретарю Комиссии Якову Петерсу собрать все возможные материалы о Шеваре и обстоятельствах его смерти, а также снять подробные показания с Полякова.

По каким-то причинам разбирательство было начато только 17 июля.

Следователь ВЧК Фогель, опрашивая Полякова, встал на сторону последнего, удовлетворившись его объяснениями. Он даже не обратил внимание на явную подделку подписи Шевары под протоколами допросов и на тот факт, что Поляков все отобранные у начальника КРБ документы передал бывшему заместителю председателя ВЧК Александровичу. Как известно, последний к этому времени был расстрелян, а бумаги бесследно исчезли.

Вместе со смертью первого контрразведчика ВЧК прекратило свое существование и КРБ. Теперь ясно, почему мы не могли практически ничего узнать о двухмесячной деятельности аппарата Всероссийской ЧК по борьбе с немецким шпионажем.

Каковы бы ни были результаты инициированного Дзержинским разбирательства, он понимал — Шевару не воскресить и не восстановить начатые им мероприятия по проникновению в немецкую агентурную сеть. А германская угроза сохранялась. Председатель ВЧК видел ее в экспансионистских планах верховного командования Германии, в том цементирующем и организующем влиянии, которое мог внести «немецкий фактор» в среду противников новой власти. Для такого заключения у Дзержинского были реальные основания.

Еще в первые месяцы существования Комиссии чекисты столкнулись с целым рядом подпольных монархических и чисто офицерских организаций, однозначно ориентированных на Германию. Немецкие штыки для них являлись наиболее подходящей силой, способной восстановить «порядок и спокойствие» в бывшей империи.

К середине февраля немцы практически завершили подготовку к оккупации Белоруссии и Украины. Как докладывал кайзеру главнокомандующий Людендорф, целью операции было нанесение серьезного удара по большевикам, укрепление внутривнутриполитического положения в Германии и высвобождение войск для достижения победы на Западе.

Нависшая германская угроза сблизил в некоторой степени взгляды руководителей ВЧК и военной контрразведки на необходимость усиления борьбы с немецкой агентурой.

К этому их призывал и декрет СНК, озаглавленный «Социалистическое отечество в опасности», где прямо говорилось об активизации германских шпионов, которых предлагалось расстреливать на месте преступления.

Но прежде чем расстреливать шпионов, их надо было выявить. Одного революционного порыва здесь явно было недостаточно. Мало того, что у ВЧК не было

собственного контрразведывательного подразделения, но и следствие по делам о преступлениях против новой власти (контрреволюционных) велось на самом что ни на есть низком уровне, так что установить «германский след» удавалось крайне редко. Мы можем это утверждать на основе изучения более чем двухсот следственных дел ВЧК за первые месяцы 1918 года.

Опытных кадров — вот, прежде всего, чего не доставало ВЧК. И Дзержинский продолжал их настойчиво искать.

В Финляндию, почти одновременно с секретными сотрудниками КРБ Шевары, Дзержинский направляет своего агента Алексея Фроловича Филиппова, который в свое время издавал газеты «Ревельские известия», «Русское слово», «Кубань» и «Черноморское побережье» и слыл скандальным газетчиком. В журнальных кругах за ним закрепилась кличка Банкир, поскольку он обладал обширными связями среди финансовых воротил в России и за границей.

Наряду с выяснением общеполитической ситуации, выявлением контрабандных каналов вывоза из России стратегических материалов и оружия, ему ставится задача — обследовать состояние российской морской контрразведки в Гельсингфорсе. Филиппов по возвращении представил председателю ВЧК неутешительный доклад.

Агент, в частности, отметил, что вокруг толковых руководителей собралась масса тунеядцев и бездарностей, тратящих огромные деньги впустую. Результатов работы никаких. На этом основании Филиппов предлагал Дзержинскому ликвидировать контрразведывательные отделения в Гельсингфорсе и Ревеле. Одновременно в донесении отмечалась полезная и умелая работа, проводимая лично начальниками указанных отделений Бибиковым и Калакуцким.

Однако весьма лестные характеристики не привлекли внимание Дзержинского — ведь оба контрразведчика были кадровыми офицерами и, следовательно, не могли находиться на штатной работе в ВЧК. Тем более что в Комиссии как раз в это время расследовалось дело помощника начальника контрразведки Всероссийского главного штаба Каменского, заподозренного в связях с противниками Советской власти.

Тем временем, уже не бывшему агенту царской спецслужбы, а членам президиума ВЧК большевику Евсееву и левому эсеру Александровичу поручается организовать новый орган контрразведки взамен упраздненного Бюро. Надо полагать, что именно Александрович предложил в конце марта 1918 года выделить 26 тысяч рублей на неизвестно откуда появившееся контрразведывательное отделение при штабе Красно-Советского Финляндского отряда, а проще говоря, отряда Попова, того самого, что активно действовал против самой ВЧК в ходе июльского столкновения большевиков и эсеров. Президиум Комиссии, проявив революционную бережливость, денег для новоявленной контрразведки не дал и постановил выяснить качественный состав ее сотрудников. В отдельном пункте своего решения члены президиума сформулировали принципиально важное положение: «признать необходимым, чтобы борьба со шпионажем и контрразведка находились под наблюдением ВЧК».

Таким образом, коллеги Дзержинского в руководстве ВЧК приняли его идею объединить под эгидой Комиссии контрразведывательную работу, осуществляемую различными военными ведомствами. До полной реализации этой идеи пройдет еще почти год, но с взятого тогда курса чекисты уже не свернут.

Необходимость усиления борьбы со шпионажем диктовалась общим ходом событий весны 1918 года. Развертывалось одно из последних мощных наступлений германских войск на Западном фронте. С выходом революционной России из войны душившая Германию экономическая блокада, казалось, была прорвана. Хлеб и минеральное сырье Украины должны были открыть «второе дыхание» странам Тройственного союза. Между тем на оккупированных восточных территориях разворачивалось вооруженное сопротивление германским частям. Советское правительство негласно оказывало материально-техническое содействие украинским партизанам и подпольщикам. Представители военных миссий Антанты активно поддерживали левых эсеров и большевиков в их боевой работе. Так, при Оперативном отделе Наркомвоена был создан конспиративный партизанский центр, об «учебных» мероприятиях которого докладывалось лично Ленину. Предпринимаемые закулисные действия, явно не вписывающиеся в статьи Брестского договора, должны были быть надежно защищены от германской агентуры.

В начале апреля 1918 года президиум ВЧК поручает чекистам Чернову и Алгасову совместно с представителями от отделов реализовать предыдущее решение и довести до конца проверку личного состава самозванной поповской контрразведки, одновременно проработать все организационные вопросы. Также предусматривалось образовать «специальные курсы и лекции при Комиссии для разведчиков и комиссаров, при участии опытных руководителей, но при обязательном условии недопущения в качестве лекторов на них бывших охранников и жандармов».

Через несколько дней, а именно 9 апреля, в преддверии приезда в Москву германского посольства, член коллегии ВЧК Иван Полукаров представил на

заседании президиума специальный доклад об усилении деятельности немецкой разведки, и в частности, в прифронтовой полосе. Поддержанный Дзержинским и другими присутствующими, Полукаров настаивал на необходимости по согласованию с Львом Троцким взять в ведение Комиссии все существующие контрразведывательные аппараты и создать единый орган под руководством самостоятельного заведующего.

Тщательное изучение материалов секретного делопроизводства ВЧК за 1918 год показывает, что объединения контрразведки не произошло (несомненно, из-за позиции Троцкого, опиравшегося на мнение военных специалистов), и собственное подразделение «по борьбе с германским шпионажем» ВЧК так и не организовала до конца мая.

В те же апрельские дни, когда чекисты еще обживали на Лубянке свое новое здание, ранее принадлежавшее страховому обществу «Якорь», и рассматривали оргвопросы о своей контрразведке, в Петрограде, в громадном кабинете бывшего министра внутренних дел империи уже работал человек — Болеслав Орлинский, — непосредственно приступивший к организации нештатного контрразведывательного пункта ВЧК.

Помимо версии самого Владимира Орлова, существует еще несколько описаний его первой послереволюционной встречи с Феликсом Дзержинским. Они расходятся лишь в незначительных деталях, поэтому мы можем с уверенностью говорить, что произошло это следующим образом.

В начале мая 1918 года Орлов допрашивал в здании революционного суда одного заподозренного в совершении уголовного преступления матроса. В это время в помещение зашли трое мужчин в шинелях, и один из них поинтересовался, как идет расследование.

Орлов готов уже был бурно прореагировать на столь беспардонное вторжение посторонних лиц в следственный кабинет, но сдержался, поскольку узнал польского революционера, с которым в свое время в течение восьми месяцев он вел длинные допросы-беседы. Хотя борода, усы и очки сильно изменили внешность Орлова, голос его Феликс Дзержинский моментально узнал. И понял — судьба вновь свела его с умным, жестким, но объективным бывшим следователем Варшавской судебной палаты. «В какой-то момент, — вспоминал Орлов, — я понял, что игра моя проиграна. Я в руках самого Дзержинского». Однако ничего страшного не случилось. Дзержинский лишь уточнил, не ошибся ли он и действительно ли перед ним его варшавский знакомый. Орлов подтвердил, и далее состоялся разговор, вышедший на тему германского шпионажа и участия Орлова в борьбе с ним при царском режиме.

Возможно, в этот раз или при их следующей встрече состоялась договоренность о совместной работе.

Многие дальнейшие действия нового хозяина бывшего министерского кабинета остались неизвестными главному чекисту Союза Северных Коммун Моисею Урицкому. Истины ради отметим, что и Дзержинский находился в неведении, по крайней мере до конца сентября, относительно «двойного дна» своего протекже, не предполагая, что дал санкцию на работу руководителю тайной белогвардейской организации, тесно связанной с резидентурами англо-французских спецслужб.

О деятельности периферийного контрразведывательного аппарата Всероссийской ЧК, вне рамок Петроградской комиссии, не говоря уже о неординарной личности его руководителя, мы не узнаем из общедоступной и даже специальной литературы. Поэтому считаем необходимым привести

некоторые соображения и факты, проливающие свет на неизвестную страницу истории зарождения аппарата по борьбе со шпионажем в ВЧК.

Итак, почему же штатный орган контрразведки не был напрямую подчинен Петроградской ЧК (ПЧК)?

Чтобы ответить на этот вопрос, надо сделать небольшое, но принципиальное отступление.

В книгах по истории ВЧК мы не найдем упоминания о каких-либо разногласиях, а тем более конфликтах между руководителями Комиссии. И это понятно — создавался определенный псевдореалистический образ и самой организации, и тех, кто стоял во главе ее. На данную тему еще обратят внимание историки, поскольку в обстановке столкновения взглядов, идей, подходов к решению оперативных задач, в конце концов, столкновения характеров, нравственных установок, а порой личных амбиций рождались конкретные пункты приказов и постановлений, за которыми порой стояли человеческие жизни. В этой связи мы лишь отметим, что далеко не всегда были безоблачными отношения ВЧК и ее Петроградского филиала. С момента образования ПЧК в Москве пристально следили за ее деятельностью. Характерно, что в решении президиума ВЧК от 7 марта об организации ПЧК указывалось на необходимость пересылки всех расследуемых ею важных дел во Всероссийскую Комиссию для окончательного решения. ВЧК также забрала из Петрограда всех арестованных и свой архив.

Доверяй, но проверяй — наверное, такими словами можно определить политику ВЧК по отношению к своему филиалу в старой столице. Основное ядро противников большевиков, вне всякого сомнения, находилось в Петрограде. Добавьте сюда наличие остатков персонала иностранных посольств и

консульств, штаб-квартир разного рода миссий, близость к границе, и картина будет ясна.

А лучшие, хоть чему-то научившиеся уже кадры комиссаров, следователей и разведчиков наружного наблюдения ВЧК перевела в Москву, оставив своих коллег, что называется, на голодном пайке. Подбор кадров вел теперь Урицкий, практически без особого влияния Всероссийской ЧК.

Вот тогда-то, видимо, и стал Орлов-Орлинский руководителем Центральной уголовно-следственной комиссии при Совете Комиссаров Союза Коммун Северной области. И тогда-то хозяин бывшего министерского кабинета на Фонтанке совершенно случайно вновь встретился с Дзержинским.

О том, как происходила встреча, мы уже знаем.

Ни в одном издании биографии председателя ВЧК фамилия Орлов или Орлинский нам, естественно, не встретится — упоминание ее могло бросить тень на первого чекиста, а этого партийные редакторы допустить не могли. Политика всегда нависает над правдой истории.

Парадокс состоял в том, что интересы большевика Дзержинского и русского националиста Орлова совпадали, когда речь шла о борьбе с немецким шпионажем.

Прекрасно владея обстановкой, зная обеспокоенность новой власти возможными активными действиями немцев под Петроградом и наличием в городе «пятой колонны» в лице многочисленных монархическим германофильских группировок, Орлов сумел вызвать доверие к себе. Остается открытым лишь один вопрос: от кого исходила инициатива в деле создания под крышей уголовно-следственной комиссии вышеупомянутого нештатного контрразведывательного пункта?

Более вероятно, что предложение последовало со стороны Орлова, а поскольку это не противоречило интересам ВЧК и лежало в русле исканий ее председателя, то Дзержинский поддержал идею и выдал Орлову мандат, уполномочивающий вести борьбу с контрреволюцией, исходящий извне. Тогда становится понятным, почему агентурная сеть Орлова действовала совершенно независимо от ПЧК. С одной стороны, и это, на наш взгляд, главное, он стремился избежать любого контроля петроградских чекистов, а с другой — опасался неконспиративности дилетантов Урицкого, могущих «засветить» его перед немцами. В одном из его конфиденциальных писем к Дзержинскому мы читаем: «Здесь она (контрразведка. — А. З.) еле-еле существует, т. к. все кустарно. Понятно, с таким налаженным аппаратом, каким является германская разведка, бороться нужно техникой и опытом. У меня наклеивается отличная агентура... У здешних властей агентура страшно слаба и ненадежна, поэтому и результатов нет».

Что же касается руководителя ВЧК, он мог рассчитывать, что с помощью Орлова получит в старой столице источник информации, независимый от проявляющего сепаратистские настроения аппарата Урицкого.

Главной задачей контрразведывательного пункта Дзержинскому виделась борьба с немецкой агентурой и связанными с ней контрреволюционными элементами.

Орлов начал действовать энергично. В конце мая вопрос о его работе по заданиям ВЧК рассматривался на одном из заседаний президиума Комиссии, и никаких претензий к нему высказано не было. По крайней мере, в протоколе это не зафиксировано. Более того, руководство ВЧК решило продолжить выделение Орлову финансовых средств.

Своеобразным отчетом о работе стали направленные Орловым Дзержинскому две статьи (из подготовленных двенадцати), в которых раскрывались планы Германии по реставрации свергнутого революцией строя.

На Лубянке тем временем не прекращались попытки создания собственной службы по борьбе со шпионажем и объединения под эгидой Комиссии всех контрразведывательных органов республики. С новой остротой данный вопрос был поставлен на заседании президиума ВЧК 28 апреля 1918 года.

Заседание было экстренным и посвящалось отчетам оперативных отделов.

Первым слово взял заведующий отделом по борьбе с контрреволюцией Полукаров. Он заявил, что отдел ведет работу против внутренних и внешних посягательств на новую власть. Выступающий отметил концентрацию контрреволюционных сил около немецкого посольства. «Приходится сознаться, — добавил Полукаров, — что для наблюдения и разведки за контрреволюцией, надвигающейся извне, нет соответствующего аппарата».

Полукарова поддержал Дзержинский, уже не в первый раз констатировавший необходимость сосредоточить всю контрразведку в руках ВЧК. Аналогичную позицию занял и Евсеев.

По опасности противников расставили в следующем порядке: на первом месте Германия, второе и третье поделили французы и англичане.

Очередное решение по поводу образования контрразведки состоялось. Но что дальше?

Переговоры с военным руководством ни к чему не привели — военспецы, поддерживаемые Троцким, наотрез отказывались передать контрразведку во Всероссийскую ЧК.

Более того, военный руководитель Высшего военного совета (ВВС) Михаил Дмитриевич Бонч-Бруевич с согласия Совнаркома отдал директиву о срочной организации «отделений по борьбе со шпионством» в частях, противостоящих немецкой армии.

К сожалению, не сохранился письменный доклад члена президиума ВЧК Евсеева о его переговорах во Всероссийском Главном штабе, куда он делегировался «для связи». Но результат был тот же, что и с ВВС.

Военспецы, в том числе и контрразведчики, не хотели не только передать борьбу со шпионажем в ведение ВЧК, но даже контактировать с нею в этой работе.

Плачевный итог переговоров заставил чекистов перейти от слов к делу.

Поединок с Яковом Блюмкиным

Именно в мае между Дзержинским и Орловым—Орлинским возникает оживленная переписка по поводу переезда последнего в Москву для того, чтобы, как минимум, читать лекции на курсах ВЧК, а как максимум, возглавить контрразведывательное отделение. В упомянутом уже письме Дзержинскому петроградский борец с «контрреволюцией извне» напрямую обращается с просьбой «забрать к себе для организации работ по борьбе со шпионством». Думается, председатель ВЧК смог бы убедить своих коллег в назначении Орлова — все-таки юрист с университетским образованием, специалист по расследованию шпионских дел, никогда не работавший ни в охранке, ни в жандармерии, организатор нештатного контрразведывательного пункта в Петрограде.

Для членов коллегии ВЧК, вошедших в ее состав от партии левых эсеров и так называемых левых коммунистов (к числу которых, кстати говоря, принадлежал в тот период и сам Дзержинский), немаловажным аргументом являлась откровенная ненависть Орлова к немецкой армии, с агентурой которой он боролся еще в бытность свою следователем Варшавской судебной палаты.

Ведь и контрразведывательное отделение задумывалось как орган, направленный исключительно против кайзеровских шпионов и работающих на них монархистов.

Орлов уже подготовил переселение в Москву жены и детей, но выезду его самого воспрепятствовал комиссар юстиции Союза Коммун Северной области Николай Крестинский. Он крайне неохотно соглашался даже на краткосрочный отъезд Орлова из Петрограда, считая его незаменимым в деле борьбы с уголовной преступностью. В своем письме руководителю ВЧК комиссар юстиции ссылался также на то, что Орлов не является членом большевистской партии, а следовательно, не может занимать ответственный пост во Всероссийской ЧК.

Историческая ткань порой соткана из парадоксов — стремление Крестинского удержать у себя председателя Центральной уголовно-следственной комиссии, первоклассного, по мнению комиссара, специалиста, избавило контрразведку ВЧК от того, чтобы ее организовал и возглавил непримиримый враг Советской власти, монархист и юдофоб.

Несмотря на кадровые трудности, включая помехи, создаваемые Крестинским в отношении Орлова, а также сопротивление Наркомвоена, в конце мая принимается решение создать в структуре ВЧК секретное отделение по противодействию германскому шпионажу, начальником которого был назначен Яков Блюмкин.

Решающую роль в этом назначении сыграли левые эсеры.

В своих показаниях Следственной комиссии при ВЦИК, созданной в связи с попыткой эсеровского мятежа, Дзержинский прямо говорит, что «Блюмкин был принят в комиссию по рекомендации ЦК левых эсеров для организации в отделе по борьбе с контрреволюцией контрразведки по шпионажу».

По некоторым данным можно предположить, что произошло это в самом конце мая, по крайней мере, не ранее 20-го.

Точно установить дату не представляется возможным из-за одного странного и трудно объяснимого факта. В Архиве Федеральной службы безопасности в деле, где сосредоточены протоколы заседания президиума ВЧК, решавшего все основные вопросы ее жизнедеятельности и, естественно, организационные, за протоколом от 20 мая 1918 года следует протокол от 1 октября. Можно было бы посетовать на халатность секретарей-делопроизводителей того времени (отсутствие отдельных протоколов наблюдается и в первые месяцы работы ВЧК), но чтобы исчезли документы за четыре с лишним месяца — это просто невероятно. И каких месяца — данный период отмечен не только созданием контрразведки, назначением Блюмкина, активной работой с Орловым в Петрограде, но и такими исключительно важными для истории нашей страны событиями, как убийство германского посла графа Мирбаха, левоэсеровский мятеж, аресты союзнических дипломатов, включая Локкарта, убийство руководителя Петроградской ЧК Урицкого, покушение на жизнь председателя СНК Ленина, объявление вслед за этим красного террора.

Небезынтересно и сейчас узнать, какие действия предпринимали члены президиума ВЧК с конца мая и до

октября 1918 года.

А что касается создания чекистами контрразведки, то приведенные выше сведения из протокола допроса Дзержинского в связи с убийством Мирбаха являются единственным источником.

Подлинность протокола допроса сомнений не вызывает. Но все ли точно изложил Дзержинский следователю? Возникают сомнения, и вот по каким основаниям.

Как мы знаем, председатель ВЧК долгое время искал подходящего кандидата на должность руководителя контрразведки.

Прояви председатель чуть больше настойчивости, и удалось бы довести до логического конца вопрос о переводе в Москву Орлова-Орлинского. Но если этот претендент не прошел сквозь партийно-кадровое сито, то член коллегии ВЧК старый большевик Евсеев, имя которого не раз упоминалось в протоколах заседаний высшего оперативного органа в связи с рассмотрением вопросов об объединении всей борьбы со шпионажем под эгидой Всероссийской ЧК, напротив, наверняка устраивал своих коллег.

И вдруг всплыла кандидатура не достигшего и 20 лет юноши, еще недавно командира небольшого отряда на Украине, а в руководящих московских сферах никому не известного. Этим молодым человеком был левый эсер Яков Блюмкин. Получается, что Дзержинский без какого-либо сопротивления отдал на откуп эсерам такой важный кадровый вопрос.

На наш взгляд, объяснение произошедшему нужно искать не на уровне борьбы позиций в руководстве ВЧК, а в сфере высокой политики. Вероятно, в данном случае большевики уступили своим оппонентам в немецком вопросе, чтобы снять с себя подозрения в заигрывании и закулисных контактах с германским послом Мирбахом и кайзеровским правительством.

Блюмкина назначили, не наведя даже справки о нравственных и деловых качествах этого эсеровского выдвиженца. По словам Дзержинского, он буквально за несколько дней до террористического акта против немецкого посла получил компрометирующие Блюмкина материалы. Это якобы и послужило поводом к устранению последнего с ответственного поста. Кстати говоря, о негативных сведениях на Блюмкина и факте снятия его с должности историки узнали только в 1989 году, когда увидело свет 2-е издание «Красной книги ВЧК», поскольку составители 1-го упустили фрагмент показаний Дзержинского, связанный с его отношением к начальнику чекистской контрразведки.

Упущенный текст — еще одно основание для некоторых сомнений в правдивости приводимых председателем ВЧК на допросе сведениях. Читаем: «В тот же день (т. е. когда стало известно о неблагоприятном поведении Блюмкина в служебной командировке в Петрограде. — А. З.) на собрании комиссии было решено по моему предложению нашу контрразведку распустить...»

Вероятно, члены коллегии удивились такому повороту дела. Они-то прекрасно знали, что Дзержинский несколько месяцев лично сам занимался организацией службы по борьбе со шпионажем, на заседаниях неизменно голосовал «за», если обсуждался вопрос об объединении под крышей ВЧК всех контрразведывательных органов в Советской Республике. И вдруг предлагает ликвидировать секретное отделение. Надо учесть и то, что руководитель чекистского аппарата, выступая на коллегии, даже не упомянул о сигналах в отношении Блюмкина.

Так что же могло повлиять на решение Дзержинского? Может быть, предварительный доклад начальника отдела по борьбе с контрреволюцией

Мартина Лациса? «Блюмкин обнаружил большое стремление к расширению отделения в центр Всероссийской контрразведки, — говорил Лацис, — и не раз подавал в Комиссию свои предложения».

Но ведь это полностью соответствовало намерениям Дзержинского и его коллег в руководстве ВЧК.

А Лацис настаивает в своих показаниях Следственной комиссии, что все предложения отвергались членами президиума — большевиками. «Блюмкину не давал ходу, — продолжает Лацис, — даже решил его от работы удалить». Позволительно задать вопрос — а где он был, когда утверждали будущего террориста в должности?

Нам представляется, что и Дзержинский, и Лацис отреклись на следствии не от контрразведки и планов Блюмкина по ее расширению, а от самого Блюмкина, стараясь всячески дистанцироваться от сотрудника, поставившего (пусть и по решению эсеровского ЦК) хрупкий, но необходимый стране мир с Германией под реальную угрозу.

Наверное, следовало бы составителям «Красной книги ВЧК» подкорректировать протокол допроса Блюмкина от апреля 1919 года после его добровольной явки с повинной в Киеве к своему бывшему шефу Лацису — в то время руководителю Всеукраинской ЧК, и привести показания находившегося в бегах начальника чекисткой контрразведки в соответствие с показаниями руководителя Всероссийской ЧК и начальника ее ведущего отдела. Они этого по какой-то причине не сделали, и мы имеем возможность прочитать категорическое утверждение раскаявшегося террориста, что «вся моя работа в ВЧК по борьбе с немецким шпионажем, очевидно, в силу своего значения, проходила под непрерывным (подчеркнуто мною. — А. З.) наблюдением председателя Комиссии т. Дзержинского и т. Лациса. О всех своих мероприятиях

(как, например, внутренняя разведка в посольстве) я постоянно советовался с президиумом Комиссии...»

Следовательно, и значение борьбы с агентурой иностранных спецслужб понимали, и действия Блюмкина одобряли.

Но факт остается фактом — контрразведку ВЧК ликвидировали. Конкретное решение коллегии ВЧК, по утверждению Лациса, запротоколировано «в первых числах июля или последних числах июня». Более точной даты мы не знаем. Как уже отмечалось, протоколы заседаний коллегии и президиума ВЧК за лето и начало осени 1918 года не сохранилось. Странно, но не сохранились также упомянутые проекты Блюмкина и вообще какие-либо бумаги секретного отделения, громко именовавшегося его руководителем «отделом по борьбе с международным шпионажем».

Лишь дело родственника германского посла, завербованного Блюмкиным для работы в пользу ВЧК, осталось в портфеле террориста на месте преступления, а затем перекочевало на полку в лубянском архиве.

В материалах дела о восстании левых эсеров удалось отыскать документы, из которых явствует, что председатель ВЧК связал Блюмкина с Орловым, и они совместно провели ряд операций по немецкой линии. Ясно, что «питерский контрразведчик» не столько взаимодействовал с Блюмкиным, сколько занимался компрометацией последнего как своего конкурента, еще надеясь занять его место в ВЧК.

Примером тому является дело Богданова и Мальма, левых эсеров, направленных Центральным комитетом их партии на работу в ВЧК для укрепления блюмкинского отделения. В конце второй декады июня они принесли соответствующие рекомендации, и Блюмкин зачислил их в отделение, но перевел на негласное положение, выдал паспорта на другие

фамилии. Затем посвятил в свой план. Суть его сводилась к следующему: следует ехать в Петроград, прибыть там к председателю Центральной следственной комиссии Орлинскому, с его помощью проникнуть в монархические круги в северной столице, а затем войти в контакт с германским консульством и предложить свои услуги в качестве агентов.

И вот «бывшие офицеры» Черкасов (Богданов) и Татищев (Мальм) появились в Петрограде. Был день похорон Володарского, и поэтому их никто не встретил. Тогда они решили пойти в здание ЧК на Гороховой. Дождались Урицкого, и тот дал им адрес уголовно-следственной комиссии.

В ходе беседы Орлинский (Орлов) заявил, что окажет чекистам полное содействие, но предложил свою схему выполнения задания. Он организует публикацию в газете о том, что два бывших офицера, члена опасной монархической организации, были задержаны властями, однако, воспользовавшись невнимательностью конвоя, бежали. Затем они явятся в «рассадник шпионажа» — германскую миссию по делам военнопленных, станут агентами немцев и с их помощью установят контакты с реальными подпольщиками-монархистами.

На этом и порешили. 25 июня соответствующее сообщение появилось в одном из периодических изданий, а через четыре дня в «Новом вечернем часе», на первой полосе, скрывшийся под псевдонимом автор разоблачил планы посланцев с Лубянки, причем назвал реальные фамилии всех действующих лиц, за исключением, конечно, Орлова. Последний, эмитируя бурную деятельность, занялся исследованием случившегося. В итоге он сообщил неудачливым конспираторам, что автор статьи — Виктор Финк, бывший секретарь Бурцева, а все сведения стали ему

известны не от кого другого, как от болтливого Блюмкина.

Все это сотрудники уже ликвидированного к тому времени отделения по борьбе с германским шпионажем изложили под протокол на допросах в Особой следственной комиссии по расследованию мятежа левых эсеров.

Эсеровское выступление Орлов, конечно же, не мог предвидеть. Но, даже не произойди этих событий, Блюмкин все равно был бы дискредитирован в глазах руководителей ВЧК. Он явно мешал дальнейшим планам Орлова. Пройдя мучительное испытание при встрече с Дзержинским в Петрограде, наладив затем по заданию ВЧК работу против немцев, почти договорившись с «железным» Феликсом о переходе во Всероссийскую ЧК, он не желал из-за какого-то мальчишки-эсера отказаться от своих замыслов.

А почву для проникновения в ВЧК удалось создать. В архиве сохранилось одно из писем Орлова Дзержинскому. Читая его, убеждаешься в целеустремленности бывшего следователя по особо важным делам:

«Многоуважаемый тов. Феликс Эдмундович!

По просьбе Крестинского я остался на время здесь. Он почему-то считает, что из его окружающих лиц я один могу наладить дело борьбы с уголовным элементом. Однако он меня отпустит на время к Вам. Я тут так завален мелкой, пустяковой работой, что буду очень благодарен, если Вы меня хоть на месяц заберете к себе для организации работ по борьбе со шпионажем. Здесь она еле-еле существует, т. к. все кустарно. Понятно, с таким налаженным аппаратом, каким является

германская разведка, — бороться нужно техникой и опытом. У меня наклеывается отличная агентура:

- 1) среди пленных;
- 2) в германофильских кругах аристократии;
- 3) в германофильских кругах финансовых и
- 4) в германской миссии (дом Юсупова).

Но для работы нужны деньги. Агентура. Бесплатная же агентура очень опасна, и я их брать не могу. Не найдете ли возможность из сумм по контрразведке ассигновать на эту агентуру что-либо нам. Тогда можно работать и глубже. У здешних властей агентура страшно слаба и ненадежна, поэтому и результатов нет.

Если будете вызывать меня, то телеграфируйте Крестинскому — комиссару юстиции.

Жму Вашу руку.

Б. Орлинский

Из Петрограда в ВЧК Дзержинскому 5.VI.18».

Приведем также одну из телеграмм комиссара юстиции Союза коммун Северной области:

«Согласно личным переговорам моим с Дзержинским Орлинский будет командирован Москву распоряжение ВЧК по окончании важнейших производимых им следствий.

Крестинский».

Подпольная работа в Петрограде

Успехи на советской службе позволяли Орлову самым активным образом вести свою подпольную деятельность. Еще в начале февраля 1918 года он вошел в контакт с заместителем резидента

французской разведки в России капитаном Фо-Па и офицером этой же службы Эдуардом Вакье, с которыми активно обменивался информацией и от которых получал субсидии на разведывательную работу. С англичанами — разведчиками Ватсоном и Бойсом поначалу дело не клеилось. Они хотели использовать возможности Орлова для организации разведработы исключительно в отношении немцев в прифронтовой и зафронтовой полосе. Политические вопросы, включая развитие коммунистического движения и большевистской пропаганды, их тогда интересовали меньше.

Организация, как сам Орлов называл разведывательный центр, насчитывала почти восемь десятков сотрудников, проникших во многие советские учреждения. Некоторые из них использовались «втемную», не догадываясь, кому и зачем они дают сведения. Не исключено, что к числу таких агентов относился, к примеру, генерал Михаил Бонч-Бруевич. О других «источниках», как и о самом «центре», до сегодняшнего дня почти ничего не известно. Даже в книге Давида Голенкова «Крушение антисоветского подполья в СССР», которую считают насквозь идеологизированной и недостаточно объективной, но, тем не менее, наиболее полной с точки зрения опубликованных в ней сведений из истории тайной борьбы в первое десятилетие советской власти, мы не найдем указания на орловскую организацию. Сам же Орлов упомянут в ней не единожды, однако в связи с другими эпизодами своей биографии, о которых мы еще скажем. Отрывочные сведения о подпольной работе Орлинского имеются в делах, заведенных чекистами на шпионские группы Жижина-Экеспаре и Стояновского, сохранившимися в архиве ФСБ. Обе группы были раскрыты в октябре—декабре 1918 года, когда Владимир Орлов уже находился в Финляндии.

При допросе Стояновского выяснилось, в частности, что в мае он «поступил в качестве разведчика к председателю уголовно-следственной комиссии Орлинскому, который в то же время служил в разведке во французской миссии». Орлинский поручил своему новому агенту сбор сведений в интересах французов и англичан.

Штаб-ротмистр Александр Экеспаре утверждал, что прибыл в Петроград по заданию генерала Алексеева и по его же указанию связался с Орловым, знакомым ему еще по службе в Ставке верховного главнокомандующего. Одновременно Экеспаре установил контакт с английским резидентом Бойсом. «Орлинский был посвящен во многое, — утверждал в ЧК на допросе Экеспаре, — чего я совершенно не знал, так как не старался заглянуть в верхи организаций... наоборот, Орлинскому были, очевидно, известны серьезные связи и крупные имена».

Не входя в более тесный контакт с резидентурой английской разведки, а действуя через Экеспаре, Орлов снабжал союзников сведениями о действиях немцев в Петрограде и на фронте, освещая заодно и работу некоторых советских органов. Согласно приказу (еще в ноябре 1917 года) генерала Алексеева, разведцентр Орлова обеспечивал устойчивую связь с районами формирования Белой армии и переправлял туда офицеров. В докладной записке в штаб Деникина, представленной Орловым после прибытия на контролируемую белыми войсками территорию, он указывал, что таких офицеров было отправлено свыше 800 человек.

В конце весны 1918 года состоялось знакомство Орлова с нелегалом английской «Сикрет интеллидженс сервис» (СИС) Сиднеем Рейли, приятельские отношения с которым он поддерживал вплоть до ареста английского агента чекистами в 1925 году. Несколько

лет спустя жена Рейли — Пипита Бабадилля опубликовала записки супруга. Поскольку на русском языке они пока не изданы, познакомим читателя с небольшим отрывком, где говорится об Орлове:

«Между тем мне было нужно довольно часто ездить в Петроград, чтобы отвозить донесения, полученные от полковника Фриде, и встречаться с друзьями, живущими в этом городе. Поэтому я попросил полковника достать мне пропуск. Полковник посоветовал последовать его примеру и поступить на службу в одно из советских учреждений и помимо пропуска дал мне рекомендательное письмо к Орлинскому, председателю Петроградской ЧК по уголовным делам, который, как и Фриде, был антикоммунистом.

ЧК состоит из двух частей — политической тайной полиции под началом Дзержинского, самой дьявольской организации за всю историю человечества, и уголовной, соответствующей полиции в цивилизованной стране. Председателем последней и был Орлинский, бывший следователь, и именно к нему направился я по прибытии в Петроград.

Я в полном смысле слова лез в логово льва, но другого выхода не было. Чтобы получить постоянный пропуск, я должен был пойти к Орлинскому. В Москву я вернулся товарищем Релинским, сотрудником ЧК.

Разумеется, я поспешил воспользоваться своей новой должностью. Она давала мне ценнейшие возможности, которые я быстро реализовал, получив очень важную информацию.

Орлинский был человеком сардонического склада. Я помню рассказ Грамматикова о его первой встрече с господином председателем. Однажды он, к своему полному ужасу, был вызван в ЧК по уголовным делам. Дрожа от страха, Грамматиков явился в ЧК, расположенную в здании бывшего Министерства

внутренних дел на набережной Фонтанки. Его тут же провели в роскошные апартаменты старого министерства, в которых разместился председатель. Тот сидел за столом, вместе с ним в кабинете находилась стенографистка.

Когда Грамматиков вошел, председатель представился и говорил с сильным польским акцентом.

Затем, отпустив стенографистку и повернувшись к Грамматикову, он произнес на чистом русском языке: «Что же, господин Грамматиков. Вижу, что вы меня не узнаете».

Грамматиков понял, что человек, сидящий напротив, знаком с ним, но вспомнить его не мог. Председатель напоминал ему кого-то, но кого?..

— Помните Орлова, — продолжил председатель, — судебного следователя из Варшавы?

Грамматиков был адвокатом и работал в том же суде. Теперь он узнал в сидевшем перед ним господине знаменитого судебного следователя по делам о шпионаже. Как он стал председателем ЧК? Об этом не спрашивают.

— Я знаю, — сказал Орлов, — что вы должны ехать в Москву, но все передвижение между Петроградом и Москвой для обычных граждан запрещено. Вот билет туда и обратно. Поедете как мой сотрудник. А теперь — до свидания. Зайдите ко мне снова сразу же, как вернетесь из Москвы.

Таким образом, мы с Грамматиковым очень просто решили чрезвычайно сложный вопрос о поездках из Петрограда в Москву и обратно. Мы ездили как сотрудники ЧК по уголовным делам».

У Орлова и Рейли были очень схожие взгляды на перспективы развития европейских и других стран в случае неокказания сопротивления международной коммунистической пропаганде, деятельности организаторов коммунистического движения и

агитаторов, направляемых из Советской России. По их мнению, именно на этом направлении необходимо было сосредотачивать усилия разведывательных и полицейских служб различных государств, не забывая, естественно, о помощи белым армиям и подпольным контрреволюционным группам для свержения власти большевиков — первоисточника угрозы в виде мировой революции.

Поэтому, на наш взгляд, нельзя сводить, как это делалось во многих изданиях советского периода, совместную работу Орлова с Рейли и другими представителями спецслужб Антанты к банальному шпионажу. Кстати говоря, добываемую информацию о замыслах немцев в Петрограде и на фронтах и Орлов, и союзнические разведчики доводили до советских государственных и военных деятелей. Шла война, и кайзеровская Германия была общим врагом, в противодействии ей сходились, пусть и временно, интересы советских властей, антантовских специалистов по тайной борьбе и подпольных организаций, подобных орловской.

Владимир Орлов не кривил душой, когда сообщал Дзержинскому об активной работе по немецкой линии.

Ориентировочно с марта 1918 года на основе связей присланного от генерала Алексеева бывшего ротмистра драгунского полка (освоившего в свое время и специальность военного летчика) Александра Николаевича Экеспаре (псевдонимы Плотников и Эльц) была создана группа офицеров, занимавшихся разведкой на русско-германском фронте и непосредственно в Петрограде. Основным агентом, а вернее подрезидентом являлся бывший корнет гусарского полка Николай Николаевич Жижин, работавший под псевдонимом Балашов. У него на связи находилось еще три человека, добывавшие необходимую прежде всего союзникам информацию о

действиях немцев в Финляндии и на карельском боевом участке.

Жижин смог лично войти в контакт с лейтенантом Зегерсом, ведавшим вопросами разведки и контрразведки в германской военной миссии.

По указанию Орлова, Экеспаре и Жижин поддерживали связь с резидентом английской секретной службы в России капитаном Бойсом. Эта связь нужна была не столько для информирования англичан, сколько для получения от них финансовых средств на содержание других сотрудников Орлова и развития агентурной сети.

Согласно полученным позднее чекистами данным, при всей своей скупости англичане, тем не менее, выплачивали ежемесячно до 250 тысяч рублей. Экеспаре сознался на допросе в Петроградском отделении Военного контроля (военная контрразведка Красной Армии, подчиненная Троцкому), что, «так как Орлинский вел почти всю работу моей группы, то я и отдавал ему почти все суммы, поступавшие в мои руки».

Когда английская миссия была арестована чекистами после высадки десанта генерала Пуля в Архангельске, денежные вливания прекратились, и Экеспаре отошел от работы с Орлинским-Орловым.

А Жижин продолжал действовать. Немцы ему доверяли, так как он хорошо знал немецкий язык, поскольку несколько лет учился до войны в Берлине, — короче говоря, был человеком явно «германской ориентации».

Приемник Бойса на посту резидента СИС Макларен выдал Жижину 50 тысяч рублей и велел расширить работу на немецком направлении. Вскоре сотрудник английской резидентуры Гиллеспи принес еще столько же.

Однако вскоре все сотрудники британской разведки покинули Петроград и выехали в Мурманск и

Архангельск. Связь оборвалась.

В ноябре 1918 года Экеспаре, Жижин и некоторые их осведомители были арестованы Петроградской ЧК совместно с отделением Военного контроля и по приговору ПЧК расстреляны. На следствии они не могли не упомянуть Орлинского-Орлова, но дали о нем весьма фрагментарные сведения.

Второй агентурной группой руководил Иван Николаевич Стояновский, официально зачисленный Орловым в штат Центральной уголовно-следственной комиссии, что давало ему определенную свободу действий.

Через Стояновского поддерживалась связь с офицерами французских спецслужб, действовавших под прикрытием сотрудников военной миссии, причем Стояновский был завербован французами и выполнял их задания, не входящие в круг интересов орловского разведцентра. Из-за этого несколько раз организация оказывалась на грани провала, и только неопытность петроградских чекистов позволяла подпольщикам выбраться из кризисных ситуаций.

К примеру, по заданию французов Стояновский поехал в качестве курьера в Гельсингфорс. На границе его задержали и обнаружили зашифрованную переписку. На допросе в Петроградской ЧК он не скрывая заявил, что работал в интересах союзников и выполнял их поручение.

В группу Стояновского входил и бывший чиновник Департамента полиции Георгий Александрович Загвоздин, внедренный в качестве агента в германскую миссию. Он предоставлял разведцентру Орлова некоторые данные, однако из-за подозрения в двойничестве ему не слишком доверяли.

Особая роль в организации Орлова принадлежала скандально известному в Петрограде Ивану Федоровичу Манасевичу-Мануйлову. Его Орлов знал еще со времени

работы в комиссии генерала Батюшина, где Иван Федорович состоял негласным осведомителем по Распутину и некоторым финансовым дельцам, хотя и занимал должность секретаря председателя Совета министров Штюмера.

Манасевич являл собой классический тип опытного агента.

Со времен длительной командировки во Францию по линии заграничной агентуры департамента полиции Манасевич был знаком с отдельными чинами парижской полиции. И вот в Петрограде в 1917 году он вновь встретился с опытным сыщиком — призванным из запаса и направленным в Россию в составе военной миссии капитаном Фо-Па-Биде. Будучи руководителем контрразведывательной службы миссии Фо-Па настойчиво искал подходящих для этой работы агентов из числа русских подданных. Манасевич, с его связями в различных слоях общества, умением поставить добывание нужной информации на поток, идеально подходил на такую роль. Вопрос был только в том, какова будет планка оплаты услуг. В деньгах резидентура французской разведки недостатка не испытывала.

Орлов и французы оценили и то, что Манасевич уже внедрился в агентурную сеть Всероссийской ЧК, а после отъезда аппарата Дзержинского в Москву остался на связи в его петроградском филиале, имел доступ на Гороховую, 2, и, следовательно, потенциальную возможность выявлять угрозы в отношении подпольной организации и резидентуры союзников.

С помощью Манасевича удалось завербовать агента ВЧК Бориса Ржевского. Впрочем, последний готов был работать на кого угодно. Вот характеристика этого типа, данная Орловым: «Эlegantный молодой альфонс, носивший золотой браслет, делавший маникюр и всегда одетый по последней моде. Он был

гомосексуалистом, нюхал кокаин, но, тем не менее, оказался хорошим и надежным источником. Ржевский немного занимался журналистикой и писал не так уж плохо. Раньше был отличным агентом на службе последнего царского министра внутренних дел. Теперь он работал в ЧК и приносил мне все самые свежие новости... Он был заметной личностью в Петрограде».

Для освобождения арестованных бывших офицеров Орлов завербовал некоего Моделя, эсера, эмигрировавшего в свое время в Америку и до Февральской революции торговавшего газетами в Нью-Йорке. Как гонимый царскими властями революционер, он сумел по возвращении в Петроград выхлопотать себе синекуру — пост председателя следственной комиссии в тюрьме. Явно надуманная должность давала возможность, не утруждая себя службой, вымогать взятки за «положительное рассмотрение жалоб заключенных и их родственников». «Модель брал столько, сколько мог получить, — отмечал Орлов, — и не испытывал никакого угрызения совести. Все, за что он брался, быстро выполнялось».

Орлов не гнушался использовать и прожженного авантюриста, спекулянта и вымогателя Вейнберга, который якобы одно время был секретарем Максима Горького, а в 1918 году нашел подход к Надежде Константиновне Крупской.

Ржевский, Модель и Вейсберг доставляли главе разведцентра Добровольческой Армии не только устную информацию, но и, пополняя архив Орлова, большое количество документов, которые они похищали (или снимали копии) в различных советских учреждениях Петрограда.

Благодаря Манасевичу-Мануйлову была установлена связь с сотрудником германской дипломатической миссии Вальтером Генриховичем Бартельсом. Через своих доверенных лиц он, помимо исполнения

служебных обязанностей по линии разведки, занимался скупкой русских ценных бумаг и ювелирных изделий, памятуя о необходимости создать себе достойные условия жизни после возвращения на родину. На одной из сделок его «подцепил» Мануйлов и, вероятно, под угрозой разоблачения завербовал, а затем передал на связь непосредственно Орлову.

Поскольку некоторые групповоды и агенты Орлова являлись одновременно и информаторами союзных военных миссий, контакты с Бартельсом не остались для последних тайной. И с этого времени «борца с немецким шпионажем» стали подозревать в работе на кайзеровскую разведку. Все последующие годы Орлову припоминали конспиративные отношения с Бартельсом. Это, в частности, послужило основанием для отказа французских разведчиков ходатайствовать перед своим правительством о награждении Орлова, как ему это было официально обещано, орденом «Почетного легиона» — знаком высшего отличия в деле служения Французской Республике.

Орлов так и остался в глазах французских спецслужб агентом немецкой разведки, причем агентурный стаж его в Париже насчитывали по какой-то причине с 1917 года, когда о Бартельсе еще никто не знал.

Единственный раз Орлов смог лишь проездом в Англию побывать во Франции — в визе ему систематически отказывали. И даже за предоставление транзитной визы сотрудник французского консульства в Варшаве был строго наказан. И все из-за того, что с самого начала Бартельс не был передан Орловым на связь Фо-Па-Биде и его коллеге капитану Вакье как ценный источник по немецкой линии.

Возможно, начальник белогвардейского разведцентра приберегал связь с сотрудником германского консульства, а на самом деле разведчиком,

для укрепления своих позиций в ВЧК, лично у Феликса Дзержинского. Стать главой лубянской контрразведывательной службы — было идеей фикс для Орлова. В связи с этим напомним несколько строк из его июньского письма председателю ВЧК: «У меня наклеывается отличная агентура (...) в германской линии (дом Юсупова)». Именно там работал Бартельс.

Поскольку, по определению «зажигателей» мировой революции, Германия являлась наиболее слабым звеном в империалистической цепи, основные усилия пропагандистов и агитаторов были направлены на Берлин и некоторые другие крупные города проигрывающей войну страны. Используя связь с Бартельсом, белогвардейский разведчик доводил через него добытую из партийных сфер информацию о конкретных коммунистических работниках, развернувших свою деятельность в Германии.

Выступая на судебном процессе над Орловым в 1929 году, Бартельс свидетельствовал, что Орлов снабдил его информацией об агитационной работе советской миссии в Берлине и никакой оплаты за это не требовал.

Конец советской карьеры

После убийства председателя Петроградской ЧК Моисея Урицкого на его место был назначен Глеб Иванович Бокий. В отличие от своего предшественника, он отличался прагматизмом, жесткостью, в том числе и в отношении своих подчиненных, стремлением стать «диктатором» в смысле подчинения чекистам разного рода следственных комиссий, занимающихся уголовными и тем более политическими делами.

Вероятно, его не устраивала излишняя самостоятельность Орлова, напрямую докладывавшего в Москву лично Дзержинскому о своей работе. Тем

более что после начала военной интервенции союзников на Севере именно антантовские резидентуры и их агентура стали основным объектом внимания. Борьба с германским шпионажем, чем, в основном, и занимался Орлов, отошла на второй план. Операция, связанная с английским посольством, и ликвидация во время ее проведения руководителя военно-морской разведки капитана Кроми, арест резидента СИС Эрнста Бойса и некоторых его сотрудников говорили о многом.

Финансовые вливания, обеспечивавшие во многом нужды белогвардейского разведцентра, прекратились. Опасаясь ареста, покинули Петроград или затаились в городе наиболее тесно связанные с англичанами агенты Орлинского-Орлова, такие, как Александр Экеспаре («Плотников»). На допросе в ноябре 1918 года он рассказывал об этом периоде следующее: «...была арестована английская миссия, и работа оборвалась окончательно, так как у меня не было на руках денег, а получить их было неоткуда. Я попробовал вначале найти кого-нибудь из оставшихся на свободе английских деятелей, но это было очень трудно, ввиду усиленного наблюдения во всех районах. А вскоре я почувствовал озлобление против безграмотной работы «союзников», выразившейся в глупейшем провале миссий, после которого не осталось никаких связей... Я ожидал освобождения англичан, несколько раз звонил по телефону Томсу, но всегда получал ответ — вся миссия арестована и Томс находится в Петропавловской крепости».

После освобождения англичане срочно уехали в Мурманск, не предприняв мер по спасению и материальной поддержке своей агентуры, бросив ее на произвол судьбы, как отработанный материал.

Под угрозой ареста оказался и нелегальный резидент, личный представитель главы «Сикрет

интеллект-сервис» адмирала Каминга Сидней Рейли.

Напомним, что именно с Рейли, как ни с кем другим из англичан, у Орлова установились тесные контакты на почве борьбы с немецкой разведкой. Не исключено, что именно Орлов оказал английскому разведчику помощь в конспиративном выезде из Петрограда.

Практически одновременно с британской чекисты арестовали и французскую миссию, включая тех, кто непосредственно находился в связи с орловской организацией, — капитанов Эдуарда Вакье и Шарля Фо-Па-Биде.

На предварительном следствии в ВЧК они оказались отвечать на вопросы комиссара Деляфара, заявив лишь, что вели работу исключительно против немцев и находились в официальных контактах с убитым председателем ПЧК Моисеем Урицким.

Французы просидели на Лубянке до февраля 1919 года, не подавая никаких надежд чекистам, а затем, по соглашению Совнаркома и правительства Франции, были освобождены из тюрьмы и отправлены на родину в обмен на русских солдат, сражавшихся на стороне союзников в период мировой войны.

Оценив обстановку, сложившуюся после свертывания работы легальных резидентур англичан и французов, бегства Сиднея Рейли и ареста ряда его агентов, включая и полковника Фриде — сподвижника Орлинского, а также жестко проводимый Глебом Бокием курс на централизацию в ПЧК всех расследований, в том числе по крупным уголовным делам, Орлов начинает готовить своего ухода в Финляндию.

В это время, по настоянию комиссариата юстиции Союза коммун Северной области, Орлова лишают единоличного управления Центральной уголовно-следственной комиссией — создается Коллегия, куда,

кроме председателя, вошли два комиссара, Филиппов и Горин.

Присланные по разнарядке учетно-распределительного отдела Петроградского комитета большевистской партии, а фактически самого Григория Зиновьева, они постепенно устраняют Орлова от дел. Во второй половине сентября 1918 года он подает прошение об отставке. А тут еще комиссия по расследованию мятежа левых эсеров усомнилась в данных Орловым показаниях относительно провала операции ВЧК по внедрению в монархическое подполье упомянутых ранее Богданова и Мальма.

Комиссариат юстиции направил в Москву телеграмму с просьбой сообщить, «признаны ли объяснения, данные Орлинским... удовлетворительными и устраняющими сомнения относительно деятельности Б. И. Орлинского, или же по отношению к нему должны быть приняты какие-либо меры дисциплинарного характера и какие именно».

Рассчитывать на поддержку Феликса Дзержинского в этом деле не приходилось, тем более что председатель ВЧК к тому времени уже утратил былой интерес к развитию контрразведки вообще и по немецкой линии, в частности. У него появилось много других забот в связи с разгорающейся гражданской войной.

В конце сентября комиссары посчитали, что уже освоили новый для них участок. Горин и Филиппов направляют председателю Петроградского окружного народного суда следующее послание: «Коллегия Центральной уголовной Следственной комиссии сим удостоверяет, что в работе гражданина Орлинского она больше не нуждается. Дел на руках у него нет, таковые находятся у членов и сотрудников, печати им отданы...»

Итак, с советской службой было покончено. В запасе у Орлова еще имелись заранее заготовленные пропуска

на въезд во фронтовую зону, и он решил переправить последнюю группу офицеров к англичанам в Мурманск.

Всего отбывающих из Петрограда набралось 12 человек. Старший группы, бывший офицер лейб-гвардии, отказался из осторожности назвать Орлову фамилии своих попутчиков и сам вызвался заполнить соответствующие документы. Орлов исполнил просьбу, не зная еще, что этим он приблизил свое бегство из страны Советов.

Ошибки, допущенные в документах, привлекли внимание красноармейского патруля. А при обыске оказалось, что под старые солдатские шинели «командированные» надели свои мундиры с орденами и эполетами.

В Петроград ушла срочная телеграмма, в которой военному комиссару Позерну предлагалось установить личность «председателя Центральной следственной комиссии Союза коммун Северной области Болеслава Орлинского, который снабдил шпионов фальшивыми документами».

На счастье Орлова, послание перехватила работавшая на телеграфе гражданская жена заместителя резидента французской разведки капитана Вакье, ранее арестованного чекистами. Она знала о связи мужа с Орловым и оповестила последнего о нависшей угрозе.

Это был провал. Но поднаторевший в нелегальной работе белогвардейский разведчик заранее подготовил все, чтобы незаметно скрыться из города. В своей книге он отмечает: «Я никогда не держал что-либо изобличающее меня в своей комнате: никакого оружия, бомб, документов, фотографий, фальшивых паспортов, фотоаппаратов. Все это было спрятано в тайнике под подоконником в комнате моей жены, чтобы в случае опасности она могла выбросить все эти вещи в соседний двор. Документы были подвешены на тонкой

веревке в печке. Рядом лежали ножницы, чтобы в случае опасности перерезать эту веревку: документы упадут в огонь и сгорят».

Однако Орлов сделал один опрометчивый шаг, чуть было не стоивший ему жизни. Он решил в последний раз зайти в здание комиссии и забрать кое-какие бумаги. А в его кабинете уже шел обыск. Тут ему действительно пришлось бежать.

До консульства Германии было не так далеко. К счастью, Бартельс оказался на месте. Переодевание в форму немецкого солдата много времени не заняло. Парик и наклеенные усы дополнили маскировку. Бартельс вызвал к консульству своего доверенного человека — финна, тот подъехал на автомашине одного из советских ведомств. Недалеко от границы проводник и Орлов отблагодарили шофера и пешком двинулись к берегу реки Сестры. Пришлось переходить ее в брод. Пограничники засекли нарушителей и открыли шквальный огонь. Когда до финского берега оставалось несколько метров, Орлов был ранен в живот. Пуля угодила и в проводника, и раненому Орлову пришлось тащить за собой охромевшего спутника. Вскоре их подобрала и оказали первую медицинскую помощь.

Больше в Петроград и вообще на территорию Советской России он никогда не вернется.

Болеслав Иванович Орлинский, он же доктор Адлер, он же Мюллер, перестал существовать.

Схватка с коминтерновцами

Немного оправившись от ранения, Орлов перебрался в Польшу, где наконец смог получить в имении отца под крепостью Новогеоргиевск качественное лечение и уютное убежище.

Однако безмятежное времяпровождение, прерываемое лишь медицинскими процедурами, тяготило его деятельную натуру. Как только врачи разрешили свободно передвигаться, Орлов распрощался с родными и друзьями. Он спешил на юг России, в Добровольческую армию. Весть о том, что генерала Алексеева уже нет в живых, дошла до него еще в Петрограде, а генерал единственный знал, почему Орлов почти весь 1918 год служил у большевиков. Теперь, как многим офицерам и генералам, мобилизованным в Красную Армию, а потом перебежавшим на сторону белых, ему предстояло оправдываться. А ведь Орлов служил не в армии, а в следственной комиссии, что для не знавших многие советские реалии белогвардейских следователей было все равно, что служить в ЧК. Дело могло закончиться плохо, не исключался и самый суровый финал — «стенка».

Проработав в уме различные варианты развития событий, Орлов принимает решение не пробираться покав расположение главного штаба, а остаться работать в Одессе, тем более, что встретил там бывшего коллегу по комиссии Батюшина прапорщика Логвинского. Уж если он, мало разбирающийся в борьбе со шпионажем, занимает пост начальника контрразведки одной из многочисленных в Одессе военных структур, то с опытом Орлова, наверное, можно было надеяться на получение соответствующей должности.

Процедура проверки, к удовлетворению новоиспеченного добровольца, закончилась довольно быстро. Нашлись даже те офицеры, которых он когда-то переправлял через фронт и тем самым спас от неминуемого расстрела или тюремной камеры.

Командующий войсками Добровольческой армии Одесского района генерал Александр Сергеевич

Санников 6 февраля 1919 года назначил Орлова начальником контрразведывательного отделения своего штаба.

До вступления Орлова в должность аппарата контрразведки у Санникова фактически не существовало. На агентурную работу, основу деятельности любой спецслужбы, отпускались столь незначительные суммы, что говорить о реальных и успешных действиях вообще не приходилось. К этому следует добавить почти полное отсутствие опытных кадров.

В армейских штабах и не помышляли о том, чтобы брать на службу контрразведчиков царской армии — выходцев из охранных отделений или Корпуса жандармов. Эффект, порожденный кампанией дискредитации политической полиции в период нахождения у власти Временного правительства, продолжал действовать, настолько мощная волна недоверия зародилась тогда даже в умах военных. Единичные случаи зачисления в Добровольческую армию жандармов, конечно, были, но они, в основном, служили не по своей основной специальности.

Как видим, в этом вопросе и белые, и красные власти придерживались единой точки зрения.

Что уж говорить о жандармах, если сам генерал Батюшин, бежавший из Петрограда 25 декабря 1917 года и в начале января уже прибывший в Новочеркасск, не получил должного назначения. И это при том, что он обратился напрямую к своему патрону — генералу Алексееву, а затем Антону Ивановичу Деникину, преемнику умершего организатора Добровольческой армии, однокашнику Батюшина по академии Генерального штаба. Самое большее, что ему могли предложить, — это должность управляющего делами Комитета снабжения армии, а вскоре прогнали и оттуда. Господа Рубинштейны, Гепнеры и К° умели

мстить. К работе в контрразведке Батюшин уже никогда не возвратится.

Присяжные поверенные, бывшие студенты юридических факультетов, учителя и инженеры, надевшие погоны в Первую мировую войну, а также строевые офицеры — вот кто составил костяк белогвардейских спецслужб. Их спасало только то, что профессионалов не было и на противоположной стороне.

Реальной силой в Одессе обладали французские интервенты и, соответственно, их спецслужбы, возглавляемые майором Порталем.

Естественно, почва для сотрудничества между белогвардейской и французской контрразведками была. Они, что называется, на своей шкуре убедились в действенности большевистской пропаганды, на которую коммунистический центр в Москве не жалел денег. Поток воззваний к французским и греческим солдатам шел и из Константинополя, где большевикам удалось создать неплохую полиграфическую базу и наладить транспортировку печатной продукции в Одессу.

На 2-й областной большевистской партийной конференции секретарь обкома Иван Смирнов-Ласточкин призвал удесятить усилия по разложению войск противника, и все присутствующие поддержали докладчика. Еще в Москве, перед убытием на подпольную работу, Ласточкину указали, что следует создать специальную организацию для работы в войсках интервентов. Так появилась воспетая в историко-революционной литературе Иностранная коллегия, состоящая из национальных секций: французской, сербской, польской, румынской и греческой. В Одессу по заданию ЦК РКП(б) прибыла французская коммунистка Жанна Лябурб и энергично включилась в пропагандистскую работу. Под влиянием

большевистской агитации французские войска действительно стали постепенно разлагаться, что в высшей степени нервировало их командование.

Начальник штаба французского контингента полковник Фрейденберг и начальник 2-го бюро (разведка и контрразведка) майор Порталь непрерывно посылали в Париж донесения об усилении брожения среди военнослужащих.

Имея опыт совместной работы с резидентурой 2-го бюро французского Генштаба в Петрограде, Орлов быстро наладил контакт с руководителями разведки и контрразведки интервентов. Последние, надо полагать, навели справки в своей штаб-квартире об Орлове и, несмотря на то что в Париже его подозревали в работе на немцев, согласились на совместные действия против большевиков. Им просто некуда было деваться, поскольку угроза восстания французских воинских частей была совершенно реальной.

Руководитель подполья Иван Федорович Смирнов (псевдоним Ласточкин) докладывал командованию Красной Армии на Украине: «В городе выходит газета «Коммунист» на русском, французском и польском языках. Предполагается выпустить сербскую газету (для нее собирается материал)». Тираж французского издания — 5–6 тысяч. Массовым тиражом печатаются листовки. Авторами многих статей зачастую являлись сами французские матросы и солдаты, распропагандированные подпольщиками. Газета «Ле Коммунист» выходила под лозунгом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь?», и в ней пестрели заголовки «Протестуйте против интервенции», «Братайтесь с нашей Красной Армией, которая не желает войны», «Требуйте вашего возвращения на родину!»

Французская секция Иностранной коллегии становится главным объектом для контрразведки интервентов. В этом ей усиленно помогает и Орлов, но

круг его интересов значительно шире — в него входит также Ласточкин, подпольный обком и его отдельные структуры, включая упомянутую Иностранную коллегию и большевистскую контрразведку.

Да и как могло быть иначе? До Орлова дошла информация, что работники коллегии уже поговаривают о восстании сухопутных и военно-морских частей оккупантов. К чему могло привести восстание, если дать ему произойти, ни белогвардейскому командованию, ни французским военным чинам объяснять было не нужно.

И Орлов активизирует работу. Благо, что новый обер-квартирмейстер штаба полковник Неймирон понимает нужды контрразведки. В соответствии с подробным докладом начальника КРО, согласованным с полковником, командующий утвердил новое штатное расписание. Число сотрудников наружного наблюдения увеличивалось более чем в четыре раза. Выделялись также дополнительные деньги на агентурные потребности.

Однако разработка подполья — дело не простое. Только 1 марта совместными усилиями Орлова и французской контрразведки удалось установить явочную квартиру Жанны Лябурб и арестовать ее. Одновременно были задержаны еще несколько деятельных членов Иностранной коллегии. Десять человек после допросов с пристрастием французы расстреляли, поскольку они являлись военнослужащими, нарушившими присягу, и перешли фактически на сторону врага.

Белогвардейская контрразведка *провела подставу* подпольщикам офицера Ройтмана, который получил у них кличку Барин. Руководитель подпольного обкома «клянул» на него и решил столь ценного источника взять на личную связь.

Ласточкин докладывал в советские руководящие органы: «Имеем теперь связь с главным штабом Добровольческой армии...» 15 марта руководитель большевистского подполья должен был получить от Барина список офицеров Добровольческой армии, сочувствующих Советской власти и готовых примкнуть к подпольщикам в случае вооруженного восстания. Однако контрразведчики на подходе к месту встречи арестовали Ласточкина и, боясь попыток со стороны большевиков отбить своего вождя, передали под охрану французов.

Расследование, предпринятое подпольной разведкой, подтвердило худшие опасения. Председатель партийного обкома содержался на одном из судов, отогнанном на рейд. Все меры по спасению руководителя результатов не дали. Вскоре стало известно, что плавучая тюрьма со всеми, кто в ней содержался, утоплена французами. В отместку подпольщики ликвидировали Барина и организовали покушение на Орлова.

Несмотря на интенсивную работу, остановить ход событий он не мог. Да, большевистского руководителя Одессы выявили, арестовали и уничтожили. Иностранную коллегия разгромили. Но в итоге все равно и белым, и французским интервентам пришлось стремительно покинуть стратегически важный город и порт. Даже не успев полностью уничтожить архив, начальник контрразведки на одном из последних пароходов ушел в Константинополь.

Обладая большим объемом информации об обстановке на фронте и в тылу Орлов, вероятно, просчитывал и такой вариант развития обстановки: коммунистические идеи захватывают массы, Красная Армия быстро пополняется, а силы раздираемых внутренними противоречиями белых постепенно тают. Итог — ясен. Эвакуация из Одессы явилась лишь

прологом предстоящего исхода за границу тысяч солдат, офицеров, генералов, гражданских чиновников белогвардейской власти, их жен и детей.

Чтобы завершить описание работы Орлова в Одессе, следует отметить следующее важное для дальнейшей жизни и деятельности начальника контрразведки обстоятельство.

Помогая французским спецслужбам в борьбе с коммунистической агитацией и пропагандой в интервенционистских войсках, сдерживании нараставшего разложения их, Орлов одновременно пытался, как горячий сторонник и активный защитник идеи сохранения «единой и неделимой», противостоять едва прикрытому заигрыванию французов с украинскими сепаратистами. В этой связи примечателен факт, когда отряд интервентов буквально отбил у своих русских коллег двух украинских военных — полковников Зленко и Янева, причастных к расстрелу 32 офицеров Добровольческой армии на станции Дачная под Одессой в декабре 1918 года. Орлов пытался урегулировать инцидент, буквально оборвал телефоны майора Порталю, но тот словно нарочно исчез. Тогда пришлось обратиться к вновь назначенному начальнику штаба французского контингента полковнику Жермену, однако последний в грубой форме заявил Орлову, что украинцы находятся под защитой его солдат.

Орлов, как мог, противодействовал генералу Секира-Яхонтову формировать с разрешения союзников под лозунгом самостийной Украины военные отряды, которые в любой момент могли ударить не по красным, а по добровольцам.

В докладной записке начальника КРО читаем: «Одним из наиболее вредных офицеров штаба генерала Д. Ансен (командующего французскими войсками в одесском районе. — А. З.) был капитан Ланжерон,

находившийся в связи с украинцами и германскими банкирскими кругами, а также лейтенант Бертелло. Оба эти офицеры систематически ездили в штаб Директории и писали там под диктовку Петлюры и Грекова свои доклады для командования... Приехали они в Одессу без всяких средств, очень скромно одетые. В Одессе же сразу стали вести чрезвычайно широкий образ жизни... Агентура установила тесную связь их с доктором Галипа, представителем Директории в Одессе».

Расстроить «унию» французов и украинцев Орлов попытался в ходе операции по продвижению офицера Ройтмана к руководителю большевистского подполья Ласточкину-Смирнову. Начальник контрразведки вручил своему агенту для передачи подпольщикам добытую ранее копию договора буржуазно-националистической Директории с французским командованием. Смирнов незамедлительно переслал документ в Киев, где его опубликовали все советские газеты. В договоре речь шла о передаче французам контроля над финансами, железными дорогами и вооруженными силами на Украине на 50 лет. Публикации сыграли свою роль в ослаблении социальной базы поддержки петлюровского правительства и, в конечном счете, ее военном поражении.

Нельзя исключать, что это был лишь первый, но далеко не последний опыт Орлова в подготовке и проведении активных дезинформационных мероприятий с использованием сфабрикованных документов.

Конечно же, предполагать — не значит доказать данный факт. Возможно, и Ройтман не был агентом Орлова, а действительно перешел на сторону большевиков, хотя бывший начальник подпольной контрразведки при Одесском обкоме Иосиф Эммануилович Южный-Горенюк в своих

неопубликованных воспоминаниях, хранящихся в архиве автора данной книги, был уверен в обратном.

Как бы там ни было, но твердо можно говорить об одном — Орлов не принадлежал ни тогда, ни после к той части антикоммунистов, которые могли торговаться с союзниками или противниками России за счет нашей великой страны, пусть даже в обмен на услуги и помощь в свержении большевиков.

Французы, несомненно, отдавали себе отчет в настрое и действиях Орлова. Выводы, сделанные в Париже государственными и военными властями, оказались далеко не в его пользу.

В то же время начальник контрразведки пытался убедить своих французских коллег смотреть шире и выстраивать единый фронт против общего врага — Коммунистического Интернационала, поскольку искры от идей Карла Маркса, развитых Владимиром Лениным и глашатаем мировой революции Львом Троцким, грозят поджечь всю Европу.

Организуя борьбу с нелегальными организациями, в том числе и нацеленными на пропаганду коммунистических идей в иностранных войсках, предвидя, что посеянные большевиками семена, несомненно, дадут всходы далеко за пределами бывшей Российской империи, Орлов укрепился в мысли о необходимости противодействия большевизму не только в своей стране, но и там, где революционные процессы уже набирают силу, и прежде всего в Европе.

Еще до эвакуации из Одессы, в феврале 1919 года он пишет недавно назначенному деникинским Особым совещанием военному представителю русских армий при союзных правительствах и союзном верховном командовании генералу от инфантерии Дмитрию Григорьевичу Щербачеву: «Считая, что в настоящий момент следует не только интенсивно продолжать мою работу по регистрации и тщательному надзору за

выезжающими из Совдепии агентами, а развить деятельность ее до масштаба международной организации, я предложил представителям Союзных и нейтральных держав принять участие в созданной мною организации, сделав ее международной. Имея принципиальное согласие начальника штаба Французского отряда, начальника греческого отряда, представителей Англии, Сербии, Польши и Финляндии, я отправил доклад с прилагаемым приложением генералу Бертело в Париж и Лондон для окончательного утверждения предложенного проекта. Не считая возможным прекратить работу мирового значения, я испрашиваю санкцию Вашего Превосходительства на продолжение моей деятельности на Юге России, имея Центральное Бюро в Одессе до тех пор, пока представители держав, входящие в международную организацию, не подберут другого места».

Далее Орлов указывает: «Одним из способов борьбы с мировым большевизмом Державы Согласия наметили блокаду большевистского очага. Необходимо не дать этой заразе просачиваться в другие страны Европы, для чего все страны, стремящиеся предохранить себя от большевизма, должны объединить и координировать свои действия в этом направлении». Международное бюро, по замыслу автора записки, должно действовать по директивам Главного союзного командования, с тем, чтобы каждая страна, вошедшая в соглашение, имела бы своего представителя в центральном аппарате бюро.

Среди архивных бумаг, захваченных красными войсками и подпольщиками в одесской контрразведке, оказалась и копия Положения об указанном в записке Орлова Международном бюро. Основная задача данной организации, в соответствии с проектом, заключалась в регистрации и сборе материалов о лицах, «прикосновенных к деятельности большевистского

правительства, действующего на территории России, как очаге большевистской заразы, чтобы уберечь от их деятельности страны, участвующие в создании Бюро».

Проект Положения с соответствующими комментариями был активно использован в советской пропаганде, а Орлов заклеен как наймит всех капиталистов мира, стремящийся сконцентрировать тайные силы для удушения новой власти, подавления пролетариев в Европе и Североамериканских соединенных штатах.

Со своим проектом Орлов, в первую очередь, конечно же, ознакомил французов, рассчитывая, что уж они-то, на собственном примере убедившиеся в действенности большевистских мероприятий, прежде всего в области пропаганды, пойдут ему навстречу. Позднее он вспоминал: «Принимая во внимание большевистское проникновение в союзные страны, Порталь направил в Париж план моей работы по наблюдению за большевистскими агентами за рубежом с отдельной припиской. Было даже решено направить меня в Париж для организации «Центрального бюро регистрации» и установления связей с Советской Россией и различными зарубежными резидентурами».

Для Феликса Дзержинского и руководителей закордонной деятельности ВЧК стало ясно, что Орлов-Орлинский не убит при переходе советско-финской границы, а продолжает свою антибольшевистскую деятельность. Следовательно, с ним следует *поработать*, дабы устранить от политической жизни и лишить какого-либо влияния среди своих, то есть белых, а также иностранцев.

Как ни странно, но интересы чекистов в действиях против Орлова совпали с интересами французских спецслужб. В подтверждение этого приведем ответ руководителя «Сюрте женераль» — главного

контрразведывательного органа, на запрос министра внутренних дел Франции об оценке предложений Орлова. «Имею честь сообщить, — писал директор «Сюрте», — что не могу дать положительного отзыва на создание организации, которая, по всей вероятности, будет состоять из русских и ответвления которой будут в соседних странах и, в частности, в Берлине, поскольку, как мне кажется, есть опасения, что проектируемая организация будет служить не тем целям, которые заложены в проект для оправдания целесообразности ее создания».

Далее отмечается, что деятельность Орлова не внушает доверия ввиду его связей с Германией.

Коллеги директора «Сюрте женераль» из военной разведки высказались еще жестче: «деятельность Орлова была направлена непосредственно против Франции... Она очень подозрительна, и потому за Орловым надо установить плотное наблюдение».

Идея создания международной организации по борьбе с большевизмом не оставит Орлова многие годы, но все его усилия разобьются о каменные лбы политиков и руководителей национальных спецслужб.

Но это будет потом, а тогда, в Одессе, он искренне полагал, что буржуазные деятели верно оценили состоявшийся в Москве в начале марта 1919 года учредительный конгресс Коминтерна, осознали, какими методами Интернационал будет действовать, что он будет опираться не на слегка ожиревших от спокойной жизни членов социал-демократических партий, а на преданных коммунистической идее фанатиков, готовых на все ради ее воплощения в жизнь во всемирном масштабе.

Попытка начальника одесской контрразведки объединить работу и базы данных всех заинтересованных сторон в отношении Советской России и Коммунистического Интернационала, конечно

же, была утопической. Ни одна страна не желала открывать добытую ее спецслужбами информацию или совместно использовать агентурные возможности.

Однако осознал Орлов это значительно позже, а пока готовил *заделы* в виде контактов с представителями разведок и контрразведок многих европейских государств. Соответствующие досье на него имелись у французов, англичан, поляков, немцев.

4 апреля 1919 года вооруженные рабочие отряды заняли банк, телеграф, помещения полиции, а через два дня красные войска вошли в Одессу. На борту одного из последних пароходов, покидающих одесский порт, находился и Орлов, теперь уже бывший начальник контрразведывательного отделения. Штурман взял курс на Константинополь.

Константинопольская передышка

Не дождавшись ответа на разосланный проект создания Международного бюро, Орлов принял решение возвращаться в Россию и действовать самостоятельно, опираясь на штабные структуры Добровольческой армии.

Однако еще в Константинополе, не имея официального статуса, он продолжал некоторые из разработок одесской контрразведки, в частности по выявлению заграничной базы Иностранной коллегии подпольного большевистского обкома. Помогал Орлову его бывший заместитель полковник Томас.

Они выяснили, что в Константинополе активно разворачивает свою работу английская разведка, в структуре резидентуры которой создана специальная «русская секция» во главе с капитаном Хенкиным. Не имея до этих пор агентурной сети, капитан приступил к ее формированию, опираясь на офицеров и военных

чиновников, эвакуированных из Одессы. Таким образом, в числе нанятых англичанами лиц оказался агент Одесского контрразведывательного отделения Дмитрий Петрович Вальтер, человек с интересной, но темной биографией.

Сын известного в Одессе профессора медицины, немца по происхождению, он рано окунулся в революционное движение. Вступив в партию социал-революционеров, Вальтер проявил себя в террористической группе, участвовал в организации покушения на коменданта Севастопольской крепости генерала Неплюева. Был арестован полицией, однако сумел бежать из-под стражи и эмигрировал. В Германии получил высшее техническое образование и возвратился в Россию только когда началась Первая мировая война. Эсеровское прошлое и длительное проживание в воюющей против России стране не остались без внимания контрразведки, поэтому Вальтеру пришлось проходить службу только в тыловых частях и на рядовых должностях, несмотря на хорошее образование.

Февральская революция вынесла его в верхи новых одесских властных структур. Взамен упраздненного и разогнанного охранного отделения создается Бюро общественной безопасности (БОБ), главой которого, а одновременно и членом Совета рабочих и солдатских депутатов, становится «товарищ Вальтер».

Контрразведывательное отделение Румынского фронта установило, что БОБ не дает информации о большевиках, хотя из Петрограда уже прислали оперативную ориентировку относительно связи их вождей с немецким Генеральным штабом. После оккупации Одессы германскими войсками шеф БОБ тайно сотрудничал с ними, по крайней мере, так доносила агентура белогвардейских подпольщиков.

Когда же части Добровольческой армии, опираясь на десант французов, взяли власть в городе, Вальтер выказал настойчивое желание устроиться в какой-либо из многочисленных контрразведывательных органов и в итоге оказался платным секретным осведомителем в КРО штаба генерала Гришина-Алмазова, заведовать которым вскоре пришлось Орлову.

Мы уже упоминали о подставленном большевистскому подполью агенте по кличке Барон. Этот агент, так же как и Вальтер, был немцем по национальности, соприкасался в период работы в аппарате комиссара Временного правительства в Одессе с Бюро общественной безопасности и, естественно, прежде всего, с его руководителем.

Орлов и Томас зафиксировали, что Вальтер конспиративно опрашивал других известных ему агентов и служащих КРО, пытаясь выяснить, кто выдал подпольный обком большевиков и конкретно его руководителя Ивана Смирнова (Ласточкина). В итоге он установил, что это, скорее всего, дело рук Барона.

То, что произошло дальше, описал в своих воспоминаниях один из руководителей подпольной контрразведки при Одесском обкоме Иосиф Южный-Горенюк: «Само собой, разумеется, была предпринята попытка с помощью Ройтмана установить местонахождение и освободить Николая (Ласточкина. — А. З.)... Ройтман заметно волновался. Он говорил — «Я понимаю, что подозрение не может не затронуть меня. Поэтому я должен себя реабилитировать. Я Ваню спасу, но это будет стоить денег тысяч 200–300». Такую сумму подпольщики ему и выдали, поскольку речь шла об освобождении крупного партийного работника, стоявшего на пороге смерти.

Однако дело не двигалось «...Ройтман рассчитывал соблазнить контрразведчиков крупным выкупом, — продолжает Южный-Горенюк, — что его очень

устраивало. Ройтману были безразличны и подпольная организация и добровольческая контрразведка, его интересовали деньги, он готов был служить тому, кто больше заплатит. В данном случае он попал в положение между молотом и наковальней».

Вероятно, в эти дни Вальтер сообщил подпольщикам о невозможности спасти Ласточкина и о принадлежности Ройтмана к контрразведке Орлова. Ройтман был подпольщиками приговорен, а террористическая подпольная группа во главе с Самуилом Зехцером привела приговор в исполнение. Незадолго до эвакуации французов и белогвардейцев из Одессы «Барона» демонстративно застрелили — в дневное время, прямо на улице.

Подозрения в отношении Вальтера резко усилились, и не избежать бы ему участи Ройтмана, с той лишь разницей, что застрелили бы его подчиненные Орлова, если бы он не сумел заранее перебраться в Константинополь.

Конечно, мы не можем однозначно утверждать, что внедрение Вальтера в «русскую секцию английской резидентуры» — результат реализации продуманного замысла чекистов или разведки Красной Армии. Но факт имел место, пусть и в результате стихийного стечения обстоятельств.

Капитан Хенкин не сразу поверил Орлову и Томасу и в итоге просчитался. Вальтер успел «навербовать» для англичан нескольких «ярых антибольшевиков» и фактически стал руководителем группы, концентрируя свои усилия на разведке в красной Одессе. Таким образом, Хенкин своими руками создал канал связи для Коминтерна, что выяснилось уже после ареста Вальтера и его сотрудников. В Константинополе был обнаружен большой склад большевистской литературы на английском языке. Дальше следы повели к подпольной коммунистической группе и ее руководителю, некоему

Арно — бывшему представителю Иностранной коллегии, разгромленной контрразведкой Орлова и французами в начале 1919 года...

Как видим, Владимир Орлов не расслаблялся и в Турции. Он еще раз попытался на примере Вальтера убедить союзников в необходимости координации, а в идеале — и объединения усилий европейских спецслужб для борьбы с Коминтерном, а также заграничной активностью ВЧК и Разведупра Красной Армии.

Положительного ответа он так и не услышал.

В штабе Деникина и Врангеля

В начале мая 1919 года Владимир Орлов прибыл в Новороссийск, а оттуда напрямик в Екатеринодар, где дислоцировался штаб Антона Ивановича Деникина.

В штабе Добровольческой армии конкретной должности ему поначалу не подыскали, а может стали наводить справки о предыдущей деятельности, включая подпольную работу в Петрограде. В документах Орлова сохранилось несколько его отчетов, представленных командованию, с описанием всех его действий по линии разведки на территории Советской России и в оккупированной французами Одессе. И в каждом документе содержалось предложение использовать его опыт и накопленные знания для противодействия большевистским спецслужбам.

Наконец Орлову предложили поучаствовать в работе комиссии по реформе органов контрразведки в Добровольческой армии, состояние которой нельзя было определить другим эпитетом, кроме как плачевное.

Российский исследователь истории спецслужб белых армий Виктор Бортневский даже утверждал, что

в первый год существования Добровольческой армии специального органа контрразведки вообще не имелось, вся конспиративная работа проводилась на базе так называемых политических центров, созданных в крупных городах на юге России и на Украине.

Формальный приказ о создании центров и положение о них были подписаны только 10 октября 1918 года. В соответствии с приказом учреждались должности начальников контрразведывательных отделений и штатных агентов. Фактически же КРО политических центров не образовывались, так как начали функционировать штабы частей и соединений Добровольческой армии, при которых, по аналогии с царской, создавались контрразведывательные структуры.

Начальник всех армейских контрразведчиков Генерального штаба полковник Александр Титович Гаевский пытался ввести «самостоятельные» организации в единое русло работы, выстроить систему вертикального подчинения, но это давалось ему с большим трудом. Отсюда неразбериха, серьезные изъяны в подборе кадров, многочисленные преступления по должности и просто уголовные деяния под флагом борьбы с большевиками. И это не идеологический штамп, придуманный в советские времена. Вот, к примеру, что говорил о своей контрразведке Антон Деникин: «За войсками следом шла контрразведка. Никогда еще этот институт не получал такого широкого применения, как в минувший период гражданской войны. Его создавали у себя не только высшие штабы, военные губернаторы, почти каждая воинская часть, политические организации, донское, кубанское или терское правительство, даже (...) отдел пропаганды... Это было какое-то поветрие, болезненная мания, созданная разлитым по стране взаимным недоверием и подозрительностью.

Я не хотел бы обидеть многих праведников, изнывавших морально в тяжелой атмосфере контрразведывательных учреждений, но должен сказать, что эти органы, покрыв густой сетью территории юга, были иногда очагами провокации и организованного грабежа. Особенно прославились в этом отношении контрразведки Киева, Харькова, Одессы, Ростова (донская). Борьба с ними шла одновременно по двум направлениям — против самозванных учреждений и против отдельных лиц. Последняя дала мало результата, тем более что они умели скрывать свои преступления и зачастую пользовались защитой своих доверявших им начальников. Надо было или упразднить весь институт, оставив власть слепой и беззащитной в атмосфере, насыщенной шпионством, брожением, изменой, большевистской агитацией и организованной работой разложения, или же совершенно изменить бытовой материал, комплектовавший контрразведку. Генерал-квартирмейстер штаба, ведавший в порядке надзора контрразведывательными органами армий, настоятельно советовал привлечь на эту службу бывший жандармский корпус. Я на это не пошел и решил оздоровить больной институт, влив в него новую струю в лице чинов судебного ведомства. К сожалению, практически это можно было осуществить только тогда, когда отступление армий подняло волны беженства и вызвало наплыв «безработных» юристов. Тогда, когда было уже поздно...»

Вот еще одно свидетельство состояния контрразведки Белого Юга. Известный жандармский генерал, опытейший агентурист-розыскник Константин Иванович Глобачев вспоминал: «В среде офицерства, выброшенного на улицу, в это время начинает вырабатываться весьма недостойный тип агента политического и уголовного розыска, который в

большинстве случаев, не имея под собой никакой идейной подкладки, является просто профессией. Впоследствии этот тип перерабатывается в контрразведчика для белого движения и чекиста для красного. Многим из такого рода агентов полная беспринципность позволяет в равной степени служить обеим сторонам и продавать ту, которая в данный момент менее опасна и выгодна. Таким образом, создавались целые контингенты офицеров-контрразведчиков, которые своим поведением позорили контрразведывательные органы белого движения во время гражданской войны»²³.

Не лучше, чем в войсках, обстояло дело с контрразведкой в тыловых районах. Создавать соответствующие структуры попытался Военно-политический отдел (ВПО) при Главнокомандующем, причем ставка делалась на опытных в борьбе со шпионажем офицеров. Первым руководителем контрразведывательной части особого отделения ВПО стал капитан Алексей Сергеевич Дмитриев, юрист по образованию, имевший за плечами 12 лет следственного и прокурорского стажа, с августа 1917 года помощник начальника КРО штаба Румынского фронта. Следует отметить, что он хорошо знал Владимира Орлова по работе еще при царской власти и в период Временного правительства.

Вновь они пересеклись по службе, когда Дмитриев для изучения дел на местах объехал все крупные центры на территории, контролируемой Добровольческой армией к концу февраля 1919 года. По личным впечатлениям и докладам Орлова он подготовил отчет в вышестоящие штабные инстанции, раскрывающий реальное положение дел в контрразведывательных службах. А их было, ни много, ни мало, 12, включая такие экзотические, как КРО националистической организации «Союз Русских

людей» и осведомительный отдел князя Кочубея, претендовавшего одно время на роль гетмана Украины.

«Клубок змей» — иначе не назовешь то, что творилось в спецслужбах, поскольку все их начальники поголовно претендовали на лидерство, преследуя далеко не государственные интересы.

Орлов не скрыл от ревизора, что и структура, возглавляемая им самим, далека от совершенства и в плане внутренней организации, и по подбору личного состава, и в деятельности.

Еще до приезда Орлова в Одессу контрразведкой штаба Добровольческой армии Одесского района заправлял прапорщик Павел Яковлевич Логвинский, с которым новому начальнику КРО пришлось работать еще в царской армии, в комиссии генерала Батюшина. И когда мы отмечали, что среди ее сотрудников оказались лица с далекими от привычного понимания моральными принципами, то прежде всего имели в виду Логвинского. Из-за его невероятной тяги к деньгам и в силу этого участия в разного рода комбинациях по вымоганию взяток была скомпрометирована вся комиссия.

Будучи арестован в марте 1917 года, он сумел после Октябрьской революции освободиться из тюрьмы, в конце года уехал в Одессу и как бывший офицер, окончивший юридический факультет Московского университета, вновь очутился в контрразведке.

Кроме дела, заведенного на известного румынского коммуниста Бужора, в производстве КРО ничего при Логвинском не было. Зато бесследно исчезла крупная сумма царских денег, отобранных у подпольщика при аресте. Этот факт Орлов вынужден был констатировать, когда принимал «хозяйство» от предшественника, скрывшегося от возможного суда в Константинополе. Там Логвинский поступил на службу в английскую контрразведку и постарался всячески

скомпрометировать Орлова, приписывая ему свои грехи по части взяток и добросовестную работу на большевиков в Петрограде. Все это отразится в соответствующих досье и аукнется Орлову в эмигрантские годы.

Однако вернемся к генштабовской контрразведке Добровольческой армии.

В отличие от армейских аппаратов она наделялась правом вести агентурную работу не только в тыловых районах, но и на территории Советской Республики и даже в европейских странах. Однако все это оставалось только на бумаге.

Орлов, работая в комиссии по реформе контрразведки, как мог, помогал капитану Дмитриеву. Начальники же его, похоже, мало интересовались состоянием дел в сфере борьбы со шпионажем вне фронтовой полосы. Лучшей иллюстрацией тому может служить обнаруженное нами в Государственном архиве Российской Федерации письмо капитана на имя своего начальника полковника Петра Григорьевича Архангельского, обосновывающее уход Дмитриева в отставку. На наш взгляд, есть смысл познакомить читателей с этим документальным свидетельством состояния контрразведки в отделе Генерального штаба Военного управления при Главнокомандующем войсками Юга России.

«22/VIII, 1919 года.

Ростов-на-Дону.

ГЛУБОКОУВАЖАЕМЫЙ ПЕТР ГРИГОРЬЕВИЧ,

Сейчас я подал рапорт об освобождении меня, ввиду переутомления, от занимаемой должности. Переутомление — это не предлог, а действительная причина, побуждающая меня сложить с себя обязанности, — явилось же оно следствием следующих условий:

Как Вы знаете, я был приглашен в ноябре минувшего года на большую и ответственную должность Начальника Контрразведывательной Части Генерального Штаба, причем раньше принятия должности изложил свой взгляд на организацию и постановку дела. После принципиального одобрения моего проекта по всем восходящим инстанциям я принял должность, имея в виду приложить все мои познания, большой запас энергии и специальные средства связи для постановки К. Р. дела на надлежащую высоту. Прошло 6 месяцев со дня вступления моего в должность, и я с грустью должен констатировать, что все мои старания, все усилия организовать К. Р. аппарат ни к чему не привели. Все просьбы, все доклады, встречая повсюду отзывчивость и одобрение, в конечном счете наталкивались где-то на какую-то невидимую преграду, что на практике сводило их к нулю. Главная причина — отсутствие денег для постановки дела и, как следствие, — отсутствие служащих.

Прибыл я сюда из Одессы, имея целую сеть сотрудников, освещающих Киев, Одессу и Крым. Все это были люди опытные, весьма интеллигентные и, главное, преданные делу и любящие свою Родину. Не получая в течение нескольких месяцев никакой материальной поддержки, они вынуждены были искать себе службу на стороне и перестали обслуживать меня. Таким образом, освещение указанных выше областей прекратилось.

Привезенные мною с собой служащие, изнуренные непосильной, весьма неблагодарной и плохо оплачиваемой работой, удерживались лишь благодаря личным хорошим отношениям и надеждой на лучшее будущее. Но, видимо, они потеряли и надежду, и сердце, ибо часть уже ушли, а оставшиеся два чиновника усиленно просят о переводе их в другие,

конкурирующие со мною и окладом и положением учреждения. Таким образом, аппарат автоматически прекращает свое существование.

Здесь нельзя не задуматься над последствиями смерти К. Р. части Генштаба. Думается мне, что не только с моим уходом, но вообще с упразднением К. Р. Генштаба, потенциал последнего не изменится.

И, действительно, за все время своего существования К. Р. не имела возможности выполнять свои задачи и, таким образом, не отвечала своему назначению. Главный орган ее — агентура — глаза и уши организма — совершенно отсутствовал. Моя мысль об устройстве контрольных пунктов, регулирующих и регистрирующих лиц, переходящих границу возрождающегося государства, была всеми подхвачена и, видимо, всех заинтересовала, так как для насаждения этих пунктов не жалелись даже никакие деньги. Между тем, пункты эти, призванные для того, чтобы обслуживать нужды К. Р. части Генштаба, на практике выродились во что-то настолько уродливое, более похожее на частно-комиссионную контору, нежели на учреждение Генштаба. И, в сущности, никому не нужное, что, кроме нареканий в широкой публике и различных грязных намеков вокруг имён тех лиц, которые так или иначе прикасаются к этому делу, ничего не вызывает. Причина та же — отсутствие служащих.

Трудно найти служащего, умеющего обсудить ту или иную поездку или массовое передвижение с точки зрения пользы и нужд Генерального Штаба и соображений государственного характера, и, таким образом при наличном составе эта работа превращается в машинальное штемпелевание паспортов. А, между тем, пунктам этим почему-то придают такое значение, что они совершенно затмили всю контрразведывательную часть, при которой, по

существо, они должны быть лишь вспомогательными органами, этим же вопросом уже занимается половина Особого Отделения, и много отнимает времени у других начальствующих лиц.

Меньше всех интересуюсь этим делом я, по должности своей имеющий к нему ближайшее отношение. Не могу же я, после прежнего следственного и прокурорского стажа, имея 12 лет специальной практики по борьбе со шпионажем, которым сейчас нельзя пренебрегать, на склоне четвертого десятка лет, превратиться в участкового паспортиста.

И вообще, считаю себя достойным иной котировки, нежели армейский капитан выпуска 1917 года.

Этим вопросом личного самолюбия можно было бы пренебречь, чему не раз уже были с моей стороны примеры, если бы я видел, если бы я знал истинный взгляд на мою деятельность моего начальства. Однако на всю мою деятельность я ни разу не получил ни указаний, ни направлений работы, ни критики её по существу, — были лишь нарекания, жалобы и скорое суждение по ним, даже без объяснения с моей стороны, даже без объявлений мне об этом. Вспомните случай с НОВАКОМ, наветы на меня Генерала ВЕНЗЕНГРА и Капитана РАЛИГА, до сих пор, между прочим, мне не предъявленные, что лишило меня даже права оправдаться по существу до осуждения моего поведения. Эти и другие случаи, которые лучше не вспоминать, показали мне, что не только на благодарность или поощрение, но даже на простую поддержку в нужную минуту мне надеяться нечего. Согласитесь, что при сознании бесцельности работы и беспомощности своего положения дальнейшее пребывание в этой должности для одного лишь получения жалования нельзя признать честным.

Добавьте к этому еще, что через мои руки ежедневно проходит масса дел и лиц, вроде русского генерала А. ФИЛИМОНОВА, участвующего или способствующего еврею ПОЛЯКОВУ, распродающему иностранцам Россию в розницу, масса дел, над которыми нельзя не призадуматься: что это, глупость или измена. Не имея возможности воспрепятствовать этому, я тем самым становлюсь невольным участником в этих делах в качестве попустителя. Конечно, при теперешнем беззаконии и общем растлении меня никто не осудит, но это не успокаивает моей совести и не создает мне славы.

Есть и другие соображения, вынуждающие меня оставить службу в Отделении — это чисто материальные. Как Вам известно, за все время существования Контрразведывательной части, я не только на агентуру, но даже на оборудование канцелярии не получил ни копейки денег и ни одного предмета, а, между тем, Часть существовала и не только работала, но даже получала, сплошь и рядом, серьезные за. Объяснялось это тем, что у меня свои личные средства, которые я вложил в любимое мною дело. Сейчас эти средства иссякли, а на жалованье можно лишь самому прожить, а не благотворительствовать.

С грустью расставаясь с Вами, Глубокоуважаемый Петр Григорьевич, прошу принять глубокую признательность за неизменно хорошее Ваше ко мне отношение и извинить меня за причиняемое моим уходом беспокойство».

На основе рекомендаций комиссии, в которых было учтено и письменно зафиксировано мнение Орлова, произошла реорганизация белогвардейских спецслужб. Общее руководство разведкой и контрразведкой вне зоны боевых действий возлагалось теперь на отдел

Генерального штаба Военного управления при главнокомандующем генерале Антоне Ивановиче Деникине. В указанном отделе Орлов стал заведовать «особо секретной разведывательной политической сетью на западной границе Совдепии» в районе Финляндии, Прибалтики, Польши, Украины и Румынии. Слова «политическая сеть» означали, что ему удалось, пусть и частично, реализовать давно созревшие замыслы. В своем письме Владимиру Бурцеву он сообщал, что еще надеется на контакт с французами и даже намечает поездку в Париж. В связи с этим просит отыскать бывшего начальника французской контрразведки в Одессе майора Порталья, который обещал представить его к награждению орденом Почетного легиона за оказанные союзникам услуги. Напомним, что аналогичное обещание давали и офицеры Вакье и Фо-Па в период работы Орлова в Петрограде. Вполне вероятно, что они, так же как и Порталь, сдержали слово, однако руководители спецслужб в Париже принимали иные решения.

Как уже отмечалось, Орлову удалось лишь однажды побывать в столице Франции. Транзитную визу ему выдали в Варшаве, во французской миссии, за что ответственного за это чиновника отстранили от должности. Ведь врангелевского контрразведчика зачислили не только в немецкие, но уже и в английские шпионы! В одном из архивных документов читаем: «Владимир Григорьевич Орлов недавно прибыл в Париж...Занимая важный официальный пост в правительстве Врангеля, Орлов в то же время являлся английским агентом. Деятельность Орлова была направлена непосредственно против Франции... Как он сам говорит, деятельность Орлова направлена против немцев и большевиков, но она очень подозрительная, и поэтому за Орловым надо установить плотное наблюдение».

Французы не поддержат — к такому выводу Орлов приходит к концу 1919 года. Остаются англичане, и в частности Сидней Рейли. Последний побывал в Одессе со специальной военной миссией, повстречался там с «товарищем Орлинским», не раз выручавшим его в 1918 году в Петрограде. «Я все надеюсь, — писал Орлов через год Рейли, — что и Вы не оставляете мысли об организации того Международного регистрационного бюро, о котором мы с Вами мечтали. Теперь это больше нужно, чем когда-нибудь. Делаете ли Вы по этому поводу что-либо? У меня в Совдепии работа кипит. Остается только санкция цивилизованных государств».

Всплеск активности действительного статского советника (это звание было пожаловано Орлову главнокомандующим Деникиным) зафиксировали и в ВЧК. Соприкасавшийся с ним офицер, перейдя на сторону красных, рассказал чекистам о деятельности особого разведывательного отдела и сообщил, что Орлов занимается установлением и прослеживанием деятельности лиц, посланных из Советской России за границу, а также за теми, кто вредит интересам Добровольческой армии, включая А. Ф. Керенского. Сотрудники Орлова выезжали в европейские страны, снабженные ценностями и иностранной валютой. Им удалось, по сведениям нового агента ВЧК, завербовать даже одного из секретарей советского полпреда в Эстонии Максима Максимовича Литвинова. На советской территории имеются явочные квартиры в Москве и Харькове, куда прибывают привлеченные Орловым офицеры, имеющие задания на внедрение в государственные и партийные структуры. Через своих коллег-контрразведчиков Орлов также внедрял агентов в подпольные большевистские организации, и после отступления белогвардейских войск те занимали официальные посты при новой власти.

Чтобы сориентировать военных представителей белых армий за границами России на организацию негласной антибольшевистской работы, Орлов подготовил и разослал им специальную директиву:

**«Совершенно секретно
ВОЕННЫМ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМ И ВОЕННЫМ
АГЕНТАМ**

В циркулярном предписании от 24 января содержалось требование наладить планомерную и систематическую борьбу с большевистскими организациями, отдельными советскими деятелями и другими политическими группами и лицами, являющимися противниками идей, руководящих Главным Командованием Вооруженных Сил Юга России. Подтверждая необходимость периодического представления упоминаемых в этом циркуляре сводок по контрразведывательной части, Отдел Генерального Штаба обращает Ваше внимание, что в настоящее время за границей одни Военные Представители и Военные Агенты в состоянии работать в этой области. Между тем зло, наносимое нам заграничной деятельностью противников, чрезвычайно велико. Необходимо поэтому принимать все меры, чтобы воспрепятствовать им в этом, с другой же стороны, не давать враждебным элементам возможности проникать на территорию В. С. Ю. Р. и продолжать здесь свою опасную деятельность. Борьба может дать результаты лишь в том случае — если, с одной стороны, Отдел Генерального Штаба будет полно и своевременно осведомлен в отношении — политическом так — и в частности, о работе противников. Для этого надлежит возможно лучше и шире поставить политическую разведку и контрразведку. Последняя должна обращать особое внимание на выяснение самой конструкции враждебных организаций, их центры и лиц, их

возглавляющих, а также им сочувствующих и их поддерживающих, затем конкретные задачи, ими преследуемые, существо их деятельности, методы работы, способы сношений этих организаций со своими центрами и центральными органами (правительствами). Для того чтобы достигать успеха в этой области, необходимо, с одной стороны, широко использовать все элементы, нам сочувствующие, но в то же время принять все меры, чтобы поставить на должную высоту секретную агентуру, чтобы сведения, доставляемые Вами в этой области, не носили случайного характера и являлись, главным образом, результатом систематического внутреннего совещания упомянутых организаций и действий отдельных лиц. В итоге этой работы, с одной стороны, возможно будет хотя бы отчасти предоставить или парализовать на месте действия, направленные против В. С. Ю. Р., с другой, должно явиться получение документальных данных, вещественных доказательств и, если это нужно, свидетельских показаний. Тогда изобличенные деятели и агенты враждебных нам сил, оказавшись в пределах досягаемости, могут быть переданы в распоряжение судебных властей и понести заслуженное наказание. При этом, памятуя, что главным врагом является советская власть, нельзя упускать из виду работу всех новообразований, как то: Грузии, Азербайджана, Эстонии, Латвии, Финляндии, особенно же самостоятельной Украины и Кубани. Помимо того, необходимо следить за деятельностью А. Ф. Керенского и ему сочувствующих, а равно за германофильской пропагандой и враждебными нам течениями среди стран Антанты. Во всех этих случаях должно устанавливать связи, организации и лиц с таковыми же, работающими как на территории советской России, так и в особенности В. С. Ю. Р., своевременно сообщая эти сведения в Отдел Генерального Штаба, чем сильно облегчится их

раскрытие по прибытии в Россию. Для достижения наибольшего успеха в этой области необходимо развить вышеуказанное секретное осведомление, а равным образом вести работу в постоянном единении военными агентами в прилегающих странах, всячески стремиться к возможно полному использованию всех им достигнутых средств, применяясь к местной обстановке и условиям. Для облегчения возможности ориентироваться, в дополнение к вышеупомянутому циркуляру, прилагается еще особый список вопросов по каждой стране в отдельности, связанных общей идеей выяснения сущности отношения данной страны к воссозданию России и борьбе с ее врагами: большевиками, самостийниками и «керенщиной», а равно тех элементов, которые работают активно против нас. Обследование это надлежит вести самым интенсивным образом и приступить к нему по возможности: немедленно, принимая во внимание, что Отдел Генерального Штаба по самому своему существу, помимо точного и полного осведомления по разведывательным и контрразведывательным заданиям, нуждается и в постоянном освещении с мест широкой мировой политики, а равно местных политических, экономических, финансовых и особенно социальных вопросов. В «Общей части» приложения приведены те из них, которые наиболее сейчас интересуют Отдел.

При этом надлежит помимо периодически посылаемых обзоров, куда помещается проверенный материал и обоснования заключения по упомянутым вопросам и заданиям, выделять в особую группу данные, добытые о деятельности враждебных нам организаций и лиц, систематизируя их по отдельным категориям. Относительно последних нельзя ограничиться сведениями, почерпнутыми из печати. Вообще же, пользуясь прессой, необходимо присылать

по возможности весь подлинный номер или, ограничиваясь вырезкой или точной копией, указывать название газеты, номер, дату, место издания. То же самое относится к большевистским воззваниям, брошюрам и т. д. Сообщая данные, добытые агентурой, нужно препровождать копии или подлинник агентурной записки, отмечая степень достоверности изложенных в ней сведений.

*Генерал-лейтенант **ВЯЗЬМИТИНОВ.***

*Начальник Контрразведывательной части Отдела Генерального Штаба, Статский Советник **Орлов**».*

К середине 1919 года для многих генералов и офицеров Белой армии стало ясно, что победа будет не за ними. Учитывая, что Орлов владел более полной информацией, чем большинство военных, он мог составить наиболее точный прогноз. Несомненно, предстояло продолжать борьбу за Россию, находясь в эмиграции, а следовательно, подлежало укрепить разведывательную работу с позиций иностранных государств.

Летом 1920 года Владимир Григорьевич Орлов покинул родину, не зная еще, как и большинство будущих эмигрантов, что не вернется сюда никогда. До отъезда он с надеждой на победу писал Владимиру Бурцеву: «С приходом нас в Москву Вам необходимо приехать в Россию — все объединимся, силы хватит». Надеждой жив человек.

Секретный вояж по Европе

Начальник военного управления вооруженных сил на Юге России генерал-майор Никольский еще 19 мая 1920 года подписал шифртелеграмму своим военным агентам. В ней, в частности, говорилось: «Мною

командирован в Западную Европу начальник разведывательной части отдела Генерального штаба действительный статский советник Орлов для выяснения постановки агентурного дела в военных агентствах, организации тайной противобольшевистской разведывательной сети за границей и связи ее с Генеральным штабом».

Военные агенты обязывались предоставить Владимиру Орлову все сведения о находящихся на связи тайных сотрудниках и оказывать ему полное содействие в переброске, в случае необходимости, агентуры из одной страны в другую либо на территорию Советской России. Ему также позволялось устанавливать от имени русского Генерального штаба прямые контакты с руководством иностранных разведывательных и контрразведывательных органов.

Получив, по сути дела, беспрецедентные по меркам спецслужб полномочия, Орлов 23 мая 1920 года погрузился на пароход, взявший курс из Севастополя в Константинополь.

Из Турции, кружным путем, будущий креатор антикоминтерновской разведки добрался до милой его сердцу Польши. Именно здесь Орлов намеревался создать один из крупнейших нелегальных центров, опираясь на старых знакомых по судебной и военной службе.

В Варшаве его встретили без большого энтузиазма. Многие, к кому пришлось обращаться, не желали рисковать своим положением ради призрачной цели полной победы над большевиками и их соратниками в Европе. Тем более что и оплату Орлов мог гарантировать небольшую. Принцип — максимум сведений и минимум расходов, не срабатывал.

И все же, упорный в достижении поставленной цели, Орлов сумел сколотить небольшую, но потенциально эффективную группу. Ее главной

фигурой стал бывший агент Главного управления Генерального штаба русской императорской армии, известный варшавский литератор Владислав Залевский.

Он работал против немцев еще до начала Первой мировой войны. Тайному ремеслу его учил замечательный теоретик полковник Рябиков, позднее возглавлявший информационную службу у адмирала Колчака, автор фундаментальной работы «Разведывательная служба в мирное и военное время».

К моменту прибытия Орлова секретный сотрудник Залевский уже сумел зарекомендовать себя перед пилсудчиками опытным специалистом и был назначен руководителем всей агентурной работы второго отдела польского военного министерства.

Пользуясь предоставленными полномочиями, Орлов заключил со старым приятелем соглашение, согласно которому Генеральный штаб обязался передавать добытые поляками материалы о Советской России в обмен на аналогичную информацию из разведки Врангеля.

Личное денежное вознаграждение Залевского определялось в 2 тысячи франков ежемесячно. По 500 франков получили несколько русских офицеров, устроенных Залевским на работу в польскую разведку.

Одновременно Орлов связался со своим соучеником по гимназии Борисом Савинковым и договорился с ним об обмене разведданными о Красной Армии и Коминтерне.

За самым же главным эсеровским террористом-политиком стал наблюдать Борис Гершельман, товарищ прокурора Варшавской судебной палаты в предвоенный период.

Пригодился и бывший член подпольной организации Орлинского в 1918 году в Петрограде Бронеслав Контеша-Контецкий, который за небольшую плату

взялся освещать изнутри деятельность польской разведки и контрразведки.

При посредстве секретаря российской дипломатической миссии в Польше Виктора Коростовца удалось войти в контакт с руководителем американского разведцентра в Польше полковником Тейлором и начальником штаба французской военной миссии полковником Форманом, который, как отмечал Орлов в своем докладе, «очень горячо принял проект организации международного тайного противобольшевистского центра». Французскому консулу было приказано незамедлительно дать негласному представителю врангелевской разведки визу в Париж.

Точки соприкосновения в планируемых «мероприятиях» Орлов нашел и с военным представителем Латвийской республики. Последний снабдил его латышским дипломатическим паспортом даже без предварительного запроса в свой МИД.

Создав польский центр Владимир Григорьевич двинулся в Прибалтику.

В Риге его главным доверенным лицом стал бывший офицер русской армии, а в 1920 году уже начальник политической разведки латвийского генерального штаба Владимир Альп. Он же рекомендовал Орлову двух вице-консулов (один в Москве, другой в Петрограде) для использования в качестве информаторов и организаторов связи с агентурой в России.

Родственник Орлова профессор Рижского университета Константин Арабажин и начальник латвийской контрразведки капитан Беккер также вошли в состав «корреспондентской сети».

Была предпринята и попытка завербовать перешедшего на службу к большевикам царского генерала Федора Федоровича Новицкого. В августе

1920 года он являлся экспертом советской военной делегации в Риге на мирных переговорах с Польшей. Занимая такое положение, генерал мог бы стать важным источником информации. Состоялась ли вербовка — неизвестно. По крайней мере, в более поздних отчетах Орлова о лицах, получающих вознаграждение, он не значится.

Далее маршрут руководителя антибольшевистской разведки пролегал через Эстонию, Литву, потом снова Польшу — во Францию.

Несмотря на подозрительное отношение к своей персоне со стороны французских специальных служб, Орлов надеялся развернуть активную работу из Парижа. Еще в конце марта 1920 года он направил туда своего лучшего разведчика Александра Ступенулова, ориентируя на связь с Владимиром Бурцевым. К последнему должен был обратиться и полковник Александр Резанов, работавший, как мы помним, вместе с Орловым в батюшинской комиссии. В период правления генерала Деникина полковник не отсиживался на безответственных, но «хлебных» должностях. К познаниям в юридических вопросах борьбы со шпионажем он прибавил практический опыт руководства контрразведывательным аппаратом в Кисловодске. Так же, как и ранее Орлов, полковник рассчитывал на французов. О предполагаемом приезде Резанова контрразведка узнала заранее из перлюстрированных писем Бурцева и сразу же взяла его в изучение. В одном из донесений читаем: «В сентябре 1920 года Резанов, получив разрешение на въезд во Францию, прибыл в Париж и 11 марта 1921 года обратился в службу разведки, которая располагает на него соответствующим этому визиту досье». «Сюрте Женераль» (контрразведка) перехватила у Орлова инициативу в активном использовании бывшего военного юриста. Будучи завербованным французами и

выполняя их задания (в том числе по изучению русских эмигрантов), Резанов несколько позже был вовлечен в разработку своего давнего приятеля, подозреваемого в сотрудничестве с немцами.

С опаской в спецслужбах Франции отнеслись и к прожекам Орлова, направленным инициативным русским эмигрантом в их центральные органы. Вот какую оценку дал им глава контрразведки в одном из документов, адресованном военному министру:

«Письмом от 13 августа 1920 г. (№ 6594 2/11) Вы запросили мое мнение о проекте г-на Орлова Вальдемара, русского государственного советника, по поводу создания антибольшевистской разведывательной службы.

Имею честь сообщить Вам, что не могу дать положительного отзыва на создание организации, которая, по всей вероятности, будет состоять из русских и ответвления которой будут в соседних странах, и в частности в Берлине, поскольку, как мне кажется, есть опасения, что проектируемая организация будет служить не тем целям, которые заложены в проект для оправдания целесообразности ее создания.

В ноте, приложенной к Вашему письму, Вы указываете, что государственный советник Орлов в 1919-1920 гг. создал на специальном заседании деникинского генерального штаба бюро германской пропаганды. Эта его прошлая деятельность не внушает нам доверия.

С другой стороны, деятельность разведывательной службы повлечет за собой постоянные передвижения русских агентов между Россией и Францией, а это, на мой взгляд, доставит нам больше неудобств, нежели выгоды».

Обо всем этом Орлов, естественно, не знал и уверовал в то, что создал в Париже активную

резидентуру во главе с Бурцевым. Обмен информацией с французами им подразумевался и поощрялся, однако банальный шпионаж в пользу бывших союзников России в мировой войне не входил в планы статского советника.

Передав все нити управления агентурой в Париже Владимиру Бурцеву, «ксендз Орбанский» (Орлов) покинул неприветливую к нему Францию и устремился на пароходе к берегам «туманного Альбиона». Именно там, в Англии, он нашел полное взаимопонимание. В подтверждение этого приведем фрагмент его донесения в штаб Врангеля: «Удалось достичь согласия с начальниками разведывательных органов военного и морского министерств, в также МВД и МИД по принципу «разведывательного товарообмена». Как самостоятельных информаторов и для контроля внедрил в секретную службу английского МИД бывшего начальника петроградской сыскной полиции статского советника Мечислава Николаевича Кунцевича, в МВД, к директору высшей полиции Базильо Томсену — давно мне известного с лучшей стороны поручика Стаховского. Кроме того, мною заключено соглашение с двумя видными руководителями английских газет: «Таймс» — Вильянсом и Вильтоном и крупным корреспондентом «Дейли экспресс» — Хиллом, по которому они мне дают те материалы, которые имеются у них в редакциях, но не подлежат оглашению, а я должен им давать такой противобольшевистский материал, который они могли бы оглашать в своих газетах».

В Лондоне Орлов заключил соглашение о совместной работе против большевиков и со старшим лейтенантом русского императорского флота Александром Абазой. Последний руководил разветвленной нелегальной разведывательной организацией под кодовым названием «ОК».

Чтобы объяснить заинтересованность Орлова, приведем небольшую историческую справку о данной структуре.

Будучи патриотами своей страны, морские разведчики и контрразведчики понимали слабость Временного правительства и предвидели возможность прихода к власти более радикальных партий, в частности большевиков. Последних они считали, как и подавляющая масса офицеров армии и флота, врагами России и если не прямыми немецкими агентами, то опорной базой врага. Антибольшевистский накал в среде флотских офицеров был значительно сильнее, чем в сухопутных частях. В отличие от армейских частей, в которых офицерский корпус на третьем году войны представляли в большинстве своем вчерашние студенты, учителя, инженеры, государственные служащие, на флоте доминировали кадровые офицеры — выходцы из дворянских семей, потомственные военные. Многие из них знали друг друга лично по учебе в морском кадетском корпусе или службе на кораблях. Поэтому лишь небольшая часть офицеров оказалась зараженной революционным духом. Однако и они зачастую не рисковали открыто обозначать свои идеи, заранее зная реакцию окружающих. В массе своей флотские офицеры имели монархические взгляды, готовы были сражаться за Российскую империю и вести борьбу до полного разгрома немцев. Это, в свою очередь, предопределяло их проантантовскую, а точнее проанглийскую ориентацию. Именно с англичанами моряки поддерживали на протяжении Первой мировой войны наиболее тесные связи.

С приходом к власти большевиков Регистрационная служба Морского Генштаба активизировала свои контакты с английской морской разведкой. При самой деятельной поддержке последней и по инициативе

секретаря российского посольства в Англии В. Д. Набокова в апреле—мае 1918 года была создана строго законспирированная организация «ОК». Ее костяк составили офицеры флотской разведки и контрразведки. Первым ее начальником стал лейтенант Рогнар Окерлунд, возглавлявший в 1915–1917 годах морскую контрразведку в Скандинавии и уволенный со службы советскими властями. Прибыв в Советскую Россию в мае 1918 года под предлогом сдачи дел и доклада о проделанной работе, Окерлунд установил связь с офицерами Морского генштаба, в том числе с начальником Регистрационной службы В. А. Виноградовым, его заместителем, а затем преемником А. И. Левицким, начальником военно-морского контроля (бывшего контрразведывательного отделения) А. К. Абрамовичем и некоторыми другими сотрудниками разведки и контрразведки. Все они дали согласие работать в организации «ОК», зная, что она является антибольшевистской и действует фактически под контролем англичан. Окерлунд поддерживал личную связь с военно-морским атташе Англии капитаном Френсисом Кроми. Таким образом, центральный орган флотских спецслужб фактически начал работать против советской власти. ВЧК вряд ли смогла бы вскрыть враждебную деятельность моряков, поскольку ее розыскные аппараты в тот период еще не находились на должном уровне. Помог случай. Из Скандинавии возвратился крупный агент флотской контрразведки Ланко, который в октябре 1918 года довел до сведения ВЧК и лично Дзержинского данные о шпионской работе сотрудников Морской Регистрационной службы. В результате проведенной чекистами операции почти все руководители и ответственные работники Регистрационной службы были арестованы.

Подозрение пало и на начальника Морского генштаба (МГШ) Е. А. Беренса, поскольку именно он

подписывал телеграммы в адрес военно-морского агента в Швеции Сташевского, в текст которых члены «ОК» вносили развединформацию. Кроме того, следователям было известно, что Беренс работал во флотской разведке с 1910 года, а после Февральской революции руководил иностранным отделением МГШ и лично знал арестованных. Нарушая установленные правила, Беренс неоднократно перепоручал подписывать телеграммы некоторым сотрудникам Регистрационной службы. Выступая на заседании Верховного трибунала, он признал свои упущения, но заявил, что никакого отношения к преступной деятельности подследственных не имел. Более того, он уже давно намеревался реорганизовать контрразведку — Военно-морской контроль, однако достойной замены имевшимся сотрудникам не нашлось». Политический контролер МГШ Лукашевич, стремясь всячески отмежеваться от подследственных, заявил, что «контрразведка была умирающим учреждением, но реорганизация ее представлялась делом сложным». Следствие доказало, что комиссар не только самоустранился от контроля за деятельностью Регистрационной службы и Военно-морского контроля, но и выдал Окерлунду удостоверение для «служебных» поездок из Петрограда в Москву.

По приговору Верховного трибунала в апреле 1919 года Р. А. Окерлунд и начальник ВМК А. К. Абрамович были расстреляны за шпионаж в пользу союзников. Начальник Регистрационной службы А. И. Левицкий и его помощник А. М. Сыробоярский заключены в концентрационный лагерь до окончания гражданской войны. Понесли наказание и другие офицеры, работавшие в спецслужбах флота.

Преемником Окерлунда стал лейтенант Абаза — помощник военно-морского агента в Лондоне. Он сумел восстановить нелегальную сеть в Советской России,

прежде всего из числа сотрудников военных ведомств, и добывал в интересах адмирала Колчака и, конечно же, англичан, необходимую информацию. Организация активно действовала против Германии и ее союзников в Первой мировой войне. Неудачи белых армий и резко сократившееся финансирование самым серьезным образом отразилось на работе «ОК». Большую часть агентуры пришлось законсервировать.

Абаза предложил Орлову задействовать свои источники в Германии, которая пошла на сближение с Советской Республикой, не принимала жестких мер к немецким коммунистам и обосновавшимся в Берлине коминтерновским представителям. Абаза писал своему confidentу: «В упомянутом направлении возможно немедленное возобновление работы организации без особых подготовительных работ и сопряженных с ними затрат. Что касается новых заданий, то полагаю, что агенты, получив за долговременную работу большой опыт, справятся и с ними...»

К концу 1920 года Владимир Орлов создал опорные пункты также в Финляндии, Чехословакии и Швеции.

Свою главную базу он решил основать в Германии. И тому имелись веские причины.

В Берлинской резиденции

Главным эмигрантским центром в первой половине 20-х годов была, несомненно, Германия. Наибольшее число беженцев из России концентрировалось в ее столице — Берлине.

Такое положение сложилось, конечно же, не случайно. Важную роль сыграло не только быстрое восстановление отношений между Советской Россией и Германией, но и их относительная географическая близость. На выборе пристанища для эмигрантов

сказалась также непритязательность жизни в Германии той поры. «В 1920 году, — вспоминал известный писатель Роман Гуль, — вся Германия была нищая, аккуратно-обтрепанная, полуголодная».

Подписание Раппальского договора означало для Германии прорыв внешнеполитической изоляции, в которой она оказалась после окончания Первой мировой войны. Уже можно было вести речь об установлении полномасштабных дипломатических отношений и обмене полномочными представителями с Москвой.

Все это учитывалось штабом генерала Врангеля.

По данным, собранным Всероссийской ЧК на 1921 год, врангелевская разведка предстает в следующем виде. Главный ее орган пока оставался в Константинополе, и руководил им полковник Генерального штаба Александр Игнатьевич Гаевский. Своей задачей он считал не только организацию «чистой» разведки и контрразведки, но и проведение активных акций против большевиков в самой России и в европейских странах, контакты с различными антисоветскими организациями и правительственными структурами. Наиболее активной подчиненной Гаевскому резидентурой была берлинская. Она состояла почти из десятка бывших офицеров и военных чиновников во главе с Орловым, который действовал под псевдонимами Орбанский и Боровой.

Интересную, на наш взгляд, оценку в этот период времени дал бывшему следователю и его работе один из первых советских закордонных секретных сотрудников: «После развала армии Врангеля руководитель его заграничной разведывательной агентуры действительный статский советник Владимир Григорьевич Орлов не ликвидировал своей организации, а продолжает ею руководить, располагая весьма большими средствами и полномочиями, данными ему французским правительством (тут чекистский

информатор явно заблуждался. — А. З.). Личность и значение деятельности Орлова всеми, с кем мне приходилось сталкиваться, характеризовалась в качестве первоклассной по своему разведывательно-политическому значению. В. Г. Орлов, будучи скрытой пружиной, которой приводились в исполнение и движение разного рода начала дел разведывательного характера, потом махинации политического свойства, с течением времени стал автономным исполнителем своих собственных планов..., поставив себе целью борьбу с коммунистами и советской властью... Особенно интенсивной была работа Орлова в Польше. Здесь его задачей было управление работой Савинкова. Последний никак не мог сговориться с представителем Врангеля генералом Махровым, и Орлов, приехав в Варшаву, добился того, что Савинков подчинился Врангелю. В настоящее время Орлов подготавливает новый план атаки на Советскую Россию. В основание этого плана положен польско-румынский военный договор относительно совместных действий против России. Считается лишь необходимым спровоцировать войну России, и тогда Польша автоматически начинает войну».

Добавим к этому, что Орлов принял действенное участие в организации Петроградской боевой организации, во главе которой стоял профессор В. Н. Таганцев.

Реально осознав, что объединить усилия спецслужб европейских государств, вряд ли удастся, Орлов изменил свою тактику, но остался в глазах многих эмигрантов и ВЧК разработчиком проекта и ярким сторонником создания так называемого Белого Интернационала.

На сводке, из которой мы выше процитировали характеристику бывшего следователя и его акций, рукой заместителя начальника Особого отдела ВЧК

Артура Христиановича Артузова начертано указание: «Завести агентурное дело на Орлова и разведку Врангеля». Это уже не просто учетная карточка. Далеко не на всех деятелей эмиграции чекисты собирали досье, на основе которых планировались и проводились специальные мероприятия. Орлов попал в разряд наиболее опасных врагов Советской власти.

После гражданской войны ВЧК-ОГПУ — это уже не машина, перемалывающая в рамках объявленной политики «красного террора» противоправительственные элементы и всех заподозренных в принадлежности к ним. Быстрыми темпами укреплялся и расширялся агентурный аппарат органов безопасности, в том числе и за границей, росло мастерство контрразведчиков и разведчиков, оттачивались новые приемы борьбы.

Орлов еще ощутит на себе деятельность агентуры чекистов, а пока он напряженно трудился над созданием своей негласной сети.

В докладе, составленном действительным статским советником, читаем: «До приезда своего в Берлин мне пришлось провести очень тщательную подготовку... В результате детального и всестороннего обследования многих учреждений и лиц, кои могли бы принести пользу русскому генеральному штабу, я остановился на нижеследующих лицах, с которыми и вошел в согласие по совместной работе по установленному мною принципу «разведывательного товарообмена». Далее следовал перечень имен.

Будучи еще в Варшаве, Орлов провел небольшую комбинацию, в результате которой установил личный контакт с советником Германской миссии в Польше Дирксеном. Последний после соответствующих переговоров дал рекомендательное письмо для передачи в Берлине Вальтеру Бартельсу — помощнику начальника русского отдела германского министерства

иностранных дел. Дирксен доверительно сообщил, что именно Бартельс является «центральной фигурой по русской и большевистской политике в Берлине и... большим русофилом».

Дирксен не мог даже предположить, что Орлова и Бартельса связывала совместная нелегальная работа еще в Петрограде. То, что Бартельс жив-здоров, да к тому же неплохо устроился, не могло не обрадовать врангелевского разведчика. Еще больше он повеселел, когда, прибыв в германскую столицу, узнал о перемещении своего спасителя от большевиков в 1918 году на должность начальника иностранного отдела вновь образованного органа — Комиссариата по охране общественной безопасности (КОБ), выполнявшего роль политической полиции. Выявление и разработка конспиративных структур коммунистической партии Германии, а также деятельности посланцев исполкома Коминтерна являлось прямой задачей КОБа.

Лучшего и желать было нельзя. Как старые приятели, Орлов и Бартельс крепко обнялись при встрече, вспомнили былое и сговорились о будущих делах. Дружеские отношения сохранились у них до последних дней пребывания бывшего следователя в Германии. Забегая далеко вперед, отметим, что Бартельс практически в одиночку защищал Владимира Орлова на суде.

Итак, главным источником информации для Орлова стал КОБ. Кроме Бартельса на контакт с берлинским представителем барона Врангеля вышли директор Комиссариата доктор Вейсман и его ближайший помощник Шварц.

«С ними у меня по приезде моем в Берлин сразу установились доброжелательные отношения, особенно в связи с резким изменением в лучшую сторону отношения немцев к белым русским, — писал Орлов. —

Все эти три лица, особенно консул Бартельс, совершенно открыто стоящий на стороне белых русских, предоставляют мне все текущие материалы и архивы Штатс-Комиссариата... Тот же Бартельс предоставил для нашей агентуры возможность пользоваться германской дипломатической вализой. В обмен на это я сообщал Бартельсу имеющиеся у меня материалы о деятельности коммунистов в России и за границей».

Интересующие врангелевскую спецслужбу материалы из различных правительственных учреждений Германии получал Орлов и от привлеченных им к разведработе эмигрантов — товарищей его по службе в прокурорском надзоре в Польше в предвоенный период Петра Александровича Аккермана и Николая Дмитриевича Тальберга. Через Аккермана удалось установить контакт с одним из руководителей германской военной разведки капитаном Рау. Он был заметной фигурой на тайном фронте, хотя работал достаточно осторожно, дабы не дать повод антантовским наблюдателям в Германии обвинить власти в воссоздании тайной службы.

«Карл Отто Рау, — вспоминал соратник Орлова по товарообмену фальсифицированными документами, бывший офицер царской армии Александр Феофилович Гуманский, — типичный, образцовый и талантливый представитель немецкой школы шпионажа...» С 1904 года он работал в России, хорошо освоил русский язык, приобрел необходимые навыки сбора конкретной информации и встретил начало войны на должности начальника подсектора немецкой разведки с местом пребывания в Финляндии.

После разгрома Германии по заданию военного министерства Рау создал службу «Юбер зее динст», официально предназначенную для изучения рынков сбыта продукции, производимой на заводах Стиннеса, а

фактически представлявшую собой законспирированный орган военной разведки. Основные усилия Рау направил на Польшу и, конечно же, на Советскую Россию.

С таким партнером Орлову, безусловно, стоило иметь дело.

Без внимания руководителя «берлинской базы» не остались и созданные эмигрантами так называемые информационные бюро, за невинными названиями которых скрывались частные сыскные конторы, выполнявшие задания на деньги отдела 1 А берлинского Полицей-Президиума — органа, наблюдавшего за иностранными гражданами и экстремистскими элементами из числа соотечественников.

Одним из основных контактеров Орлова первоначально стал бывший царский контрразведчик прибалтийский немец Геральд Зиверт. В середине 20-х годов пути их разойдутся, и более того — последний станет на судебном процессе над Орловым главным свидетелем со стороны обвинения.

Кроме агентуры, предполагалось сформировать в Берлине группу постоянных работников — 15 человек — для обработки добываемых материалов, составления сводок, организации курьерской связи с филиалами в других европейских странах. Первоначальный бюджет на месяц выделялся в размере почти 17 тысяч франков, что для Германии тех лет являлось значительной суммой. Врангель не поскупился, и работа закипела.

Представитель барона в Берлине генерал-лейтенант Иван Алексеевич Хольмсен докладывал руководству, что действительный статский советник работает не покладая рук, и деятельность его «заслуживает быть отмеченной по своей интенсивности и плодотворности в части, касающейся обследования деятельности большевиков и III Интернационала». Хольмсен

высказался против создания дублирующего разведцентра неким полковником Поляковым, стремившимся не столько протянуть агентурные линии на Россию, сколько потратить деньги в Европе, и, прежде всего, в Берлине. А Орлов, как отмечал Хольмсен, «отлично ориентированный в круге возложенных на него задач, дает блестящие результаты...» Секрета здесь не было — работали экономно расходуемые резидентом деньги.

Но дальше положение стало меняться к худшему. Орлов принужден был заняться «разведывательным товарообменом». Он писал неустановленному лицу, будучи в командировке в Лондоне: «Меня интересуют только следующие данные: 1) внешняя политика московского правительства; 2) организация, состав, расположение и передвижение Красной Армии и 3) работа III Интернационала в Западной Европе и в Польше. Такие же материалы и я могу давать Вам. Если Вы сговоритесь с Генеральным штабом о таком «товарообмене», то я с удовольствием устрою его».

В начале 1924 года, отчитываясь за истраченные на разведку средства, Орлов убеждал своих шефов, что дороговизна в Германии растет, естественно, что платная агентура повышает свои требования, а количество присылаемых денег уменьшилось почти в два раза. «Я сократил до минимума количество работающих у меня лиц, — сообщал он из Берлина, — и сократил всем содержание».

Еще через год Орлов уведомляет своего конфиденанта Бурцева, что вообще не получает жалованья уже много месяцев, и добавляет:

«Мало того, работая юрисконсультom, приходится часть своего заработка приплачивать на противобольшевистскую работу, и это Кутепову хорошо известно, так как он является моим контролером. Можете себе представить, что мне приходится

приплачивать до 100 долларов в месяц. Конечно, напрягаешь все силы и тратишь массу времени на побочные заработки, сам живешь как истинный пролетарий, но все свои денежные возможности расходуешь на борьбу с большевиками». А ведь на руках у Орлова в ту пору была почти недвижимая после неудачной операции жена и дети.

Скорее всего, к 1923 году Орлов окончательно отказался от своей идеи по созданию «Белого Интернационала». Денег ни одна страна на это не выделила, а тем более не захотела ставить свои национальные контрразведывательные и полицейские органы в зависимость от какого-то Международного бюро. Орлов соглашался уже и на меньшее. Он готов был давать информацию от своих источников в России в обмен на сведения о всех лицах, прибывающих из Республики Советов. Предполагалось, что он будет регистрировать указанных лиц, и, когда восстановится монархический строй, ни один из зарегистрированных не возвратится в Россию, не пройдя процедуру специальной проверки на причастность к деяниям большевистского режима. Заниматься этим, по мысли Орлова, станет верховная следственная комиссия во главе с ним самим.

Но все призывы тонули в пустоте. Во Франции его сторонниками были лишь некоторые, пусть даже известные, эмигранты, такие, как Владимир Бурцев и великий князь Дмитрий Павлович. По сведениям чекистской агентуры, Орлов остался в восторге от приема в Лондоне, где с ним встретился руководитель британской контрразведки. На дело регистрации большевистских деятелей Орлов даже получил некоторые финансовые средства. Но дальше этого дело не пошло. Немного лучше складывалась обстановка в самой Германии — установились и окрепли связи с берлинским Полицай-президиумом и

Статскомиссариатом — Государственным комитетом по охране общественной безопасности, где заведующим иностранным отделом пока еще состоял Бартельс. Германские власти усиленно конспирировали свои контакты с русским эмигрантом, поскольку избегали в тот период негативных моментов в развивающихся отношениях с РСФСР, а затем СССР. В то же время они ощущали приближение «красной опасности» и готовы были использовать любые источники информации из коммунистических кругов, а тем более получать сведения о замыслах руководства Коминтерна. Орлов представлялся им очень важным осведомителем и наиболее квалифицированным экспертом. История показала, что эксперт не ошибся, когда громче других говорил о планах коммунистов взять власть путем вооруженного восстания. Так и произошло осенью 1923 года. Орлов также сигнализировал о том, что при участии прибывших из Москвы лиц создаются террористические группы, и их наличие действительно подтвердил судебный процесс в Лейпциге по так называемому делу «германской ЧК». Основным обвиняемым был некий «Скоблевский» — в действительности Вольдемар Розе, командир Красной Армии.

Как утверждал позднее чиновник тайной полиции Бартельс, денег за работу эксперта и предоставленные сведения Орлов не получал, действовал исключительно из идейных соображений. Единственное, что его интересовало, — это материалы полиции и контрразведки для пополнения своего обширного архива.

Некоторым деятелям эмиграции картотека и прочие орловские бумаги казались складом забытых вещей, а их хранитель — маньяком, сдвинувшимся на идее документирования большевистской деятельности в области внешней политики, подрывных действий,

пропаганды и шпионажа, в том числе и в эмигрантской среде.

В ОГПУ, однако, так не считали. Когда агенту иностранного отдела эмигранту Николаю Крошко удалось подобраться к архивам Орлова, а последний продемонстрировал ему фото резидента советской разведки, с которым Крошко и был связан, все слухи о запыленных и никому не нужных архивных папках рассеялась. Резидент вынужден был срочно покинуть Германию, но чекисты с удвоенной энергией принялись за Орлова.

К 1925 году окончательно выяснилось, что бывший следователь в разведывательном «товарообмене» использует фальшивые документы. Сведения об этом стали поступать из разных источников. По большому счету, это было даже выгодно сотрудникам ОГПУ — дурил-то Орлов враждебные Москве спецслужбы, отвлекая их на ложный объект, заставляя раскошелиться на «пустышку». Но фальшивки — вещь обоюдоострая, рано или поздно они могут ударить по самому их изготовителю. Чекисты решили лишь ускорить «полет бумеранга».

В 20-е годы в европейских столицах, и особенно в Берлине, объявилась масса людей из так называемых Информационных бюро, продукция которых, внешне очень правдоподобная, поглощалась разведками, контрразведками и полицейскими службами многих стран. Порой заведомо зная, что покупают подделку, «бойцы невидимого фронта» не скупилась на деньги, поставляя правительственным либо партийным структурам материал для серьезных шагов в отношении своих оппонентов и откровенных противников. Есть спрос — расширяется и предложение.

В этой связи уместно вспомнить нашумевшее «письмо Зиновьева», в котором содержались инструкции для коммунистических деятелей в Англии.

Опубликование «письма» привело осенью 1924 года к падению лейбористского правительства и приходу к власти консерваторов.

Коммунистическая пропаганда уже тогда приписала Орлову и некоторым другим эмигрантам авторство этого письма, присоединив к ним для пущей убедительности Сиднея Рейли. О его переписке и встречах с Орловым чекистам было доподлинно известно, и они не преминули уведомить об этом коминтерновских и наркоминдельских пропагандистов.

Даже много лет спустя литературный адвокат Коминтерна Эрнст Генри с определенностью утверждал, что «Рейли был автором подложного «письма», а «Орлов и его берлинские сотрудники — техническими исполнителями фальсификации». Такое объяснение и упоминание известных фамилий вполне устраивало и советских и зарубежных агитаторов.

Чекисты же, проникшие к тому времени в самое близкое окружение Орлова, знали о его непричастности к злополучному письму. Более того, они провели свое негласное расследование, результаты которого подтвердили и в Разведупре Красной Армии, основываясь на сведениях своих секретных информаторов.

Версия отечественных спецслужб выглядела следующим образом. В Риге работала группа русских эмигрантов, возглавляемая бывшим офицером Покровским. Эти люди не раз фабриковали (и довольно качественно) советские документы, продавая их заинтересованным лицам, включая сотрудников английской разведки и Орлова, с которым Покровский поддерживал связь и считался его информатором. Среди покупателей был и бывший генерал Корнев, получивший британское гражданство и обосновавшийся в Лондоне. В конце лета 1924 года он запросил Покровского, не мог бы последний достать

большевистский документ, который реально давал бы возможность навредить английской рабочей партии во время предстоящих выборов. Так родилось «письмо Зиновьева». Дальнейшее — дело техники. Конверт с «письмом» направили в советское посольство в Лондоне, уведомив об этом британскую полицию. Та перехватила послание, ознакомила с его текстом специально приглашенных свидетелей, а в конверт был вложен чистый лист бумаги. Курьер доставил предварительно занесенное в реестр «письмо» по назначению. Затем власти потребовали от советских дипломатов сообщить текст зарегистрированной корреспонденции. Естественно, ответные слова о чистом листе могли вызвать только смех. Провокация удалась. А самого Покровского английская разведка, с которой Корнев имел тесные связи, срочно переселила из Риги в Южную Америку.

Так что Орлов в действительности не имел никакого отношения к этой фальсификации. Однако это вовсе не означает самоустранения его с рынка «достоверной документальной информации». Наоборот, эмигрантское житье подталкивало его в эту сферу. Влиятельный в берлинской русской колонии эмигрант С. Боткин описал председателю совещания бывших русских послов М. Гирсе довольно объективно, на наш взгляд, логику поступков бывшего следователя: «К сожалению, с Орловым случилось то, что часто бывает с тайными агентами, — не имея возможности, отчасти из-за отсутствия материальных средств, добывать верный материал, он стал доставлять сведения, основанные на непроверенных слухах, а в конце концов, уже под влиянием денежной нужды, он ступил на скользкий путь пользования, а затем, вероятно, и фабрикации, фальшивых документов... Тем не менее, лица, хорошо и давно его знающие, уверены, что его работа никогда не будет на пользу большевикам».

Первый беглец

Дорога, которой идут спецслужбы во всем мире, не бывает устлана цветами. Успехи и даже победы перемежаются, к сожалению, разного рода разоблачениями и провалами. Последние же вызывают серьезный общественный резонанс. Оно и понятно. Ведь о достижениях соотечественники если и узнают, то через многие годы, иногда десятилетия после того, как событие совершилось. А поражения мгновенно становятся известны, поскольку они касаются дел насущных в политической, военной и социально-экономической сферах. Провал во много раз страшнее, если связан не с неудачной единичной операцией, а с предательством своего же разведчика или контрразведчика. События последних лет, как это ни печально, дали нам немало подобных примеров.

Если же обратить взгляд в 20-е годы, то прежде всего вспоминается бегство в Финляндию основного агента по ставшей уже легендарной операции «Трест» — Эдуарда Стауница-Селянинова-Опперпутта.

Позднее изменили своей стране и строю, на который работали, резидент в Турции Агабеков и чекист из Закавказья Думбадзе. О них много писали за границей. Книгу Агабекова в девяностые годы не раз издавали большими тиражами и в России.

А вот о предательстве сотрудника резидентуры Иностранного отдела ОГПУ в Берлине в 1924 году мало кто знает. Возможно, историки раскопают еще более ранние факты из деятельности советских органов госбезопасности, но пока мы будем говорить о первом чекисте-невозвращенце.

Событие, которое произошло 24 августа 1924 года и последствия которого проявились через несколько лет, стало роковым для Владимира Григорьевича Орлова и

фактически привело к полному устранению его как деятельного и многоопытного фигуранта тайных поединков с ОГПУ и спецслужбами некоторых стран Европы. В этот день на квартиру к белоэмигранту, бывшему полковнику Дмитрию Васильеву явился ничем не примечательный человек. Как оказалось, он был русским и работал в советском Полномочном представительстве в Берлине. В подтверждение своих слов он предъявил дипломатический паспорт на фамилию Сумароков с соответствующими отметками германского министерства иностранных дел. Звали его Михаил Георгиевич.

Каково же было удивление Васильева, когда непрошенный гость заявил, что является сотрудником Берлинской резидентуры иностранного отдела ОГПУ и занимается агентурной работой в среде белых эмигрантов, почему и знал о бывшем полковнике. Знал он и о принадлежности Васильева к группе другого бывшего офицера — Герольда Зиверта, состоявшего на службе в отделе 1 А Полицай-президиума.

Первоначально хозяин дома подумал, что это попытка его завербовать, однако быстро уяснил действительные намерения Сумарокова. Михаил рассказал, что оформил отпускные документы, но в Советский Союз не выехал, а остался в Берлине, не поставив об этом в известность свое руководство. 1 августа срок отпуска истек, однако в посольстве он не появился, скрываясь на квартире своей любовницы немки Дюмер. Мотивы своего «невозвращенчества» Сумароков определил прозаически — мол, сплели вокруг него интриги и хотели откомандировать на родину для применения к нему репрессивных мер с перспективой возможности расстрела.

Васильев уловил главное: на беглеце можно неплохо заработать. Поэтому уже на следующий день он привел бывшего дипломата к своему полицейскому

начальнику Зиверту, который, что называется, выпотрошил гостя полностью.

То, что рассказал о себе Сумароков, мы можем подтвердить лишь частично. Биографические заметки его сохранились в коллекции видного эмигранта-историка Бориса Николаевского в Архиве Гуверовского института войны, революции и мира в Стенфорде (США). Обнаружил их российский исследователь, основатель историко-документального альманаха Борис Бортневский и опубликовал в 1996 году в 7-й книге данного издания.

По оценке Бортневского, материалы Сумарокова — это «интереснейшее» описание его деятельности во Всеукраинской ЧК в годы гражданской войны, в иностранном отделе ГПУ Украины, а затем в резидентуре в Берлине. Даже если бы нелепая смерть историка в расцвете лет не прервала его работу над комментариями к «биографии» Сумарокова, все равно ее, на наш взгляд, не стоило публиковать до самой тщательной, буквально по строчке, проверки, если, конечно, не задаться целью дать тенденциозную картину работы советской разведки в начале 20-х годов. Вольно или невольно, но Бортневский, вводя в научный оборот записки невозвращенца, именно указанной цели и достиг.

Усомнившись в точности описания Сумароковым своего жизненного пути и, особенно, своей деятельности в органах ВЧК—ОГПУ, мы предприняли то, что, хотелось бы верить, не успел Бортневский.

Первым делом, провели проверку по сохранившейся картотеке Департамента полиции МВД царской России, где учтены все, кто проходил по материалам жандармских управлений и охранных отделений в связи с участием в революционном движении, и уж, конечно, социал-революционеры из подпольных организаций, осужденные за это к принудительным работам.

Соответствующую карточку на эсера Михаила Карпова, а, как утверждал бывший чекист, это была его настоящая фамилия, мы не обнаружили. На всякий случай просмотрели учеты и на фамилию Якшин, под которой он поступил работать в Петроградскую ЧК. Результат также отрицательный. Но идем дальше.

Автор биографических записок указывает, что в Первую мировую войну он был на фронте, а сразу после Февральской революции, как «старый эсер», Керенский лично привлек его к работе в Смольном «по охранению революционного порядка».

Опять неувязка. Историки из Санкт-Петербурга сообщили нам, что в Смольном никакие учреждения Временного правительства не располагались.

Сумароков сообщает, что сразу после Октябрьской революции, сменив фамилию Карпов на Якшин, он поступает в Петроградскую ЧК на должность «помощника уполномоченного Особой группы» по борьбе с контрреволюцией. Это также не соответствует действительности, поскольку ВЧК была создана, как известно, 20 декабря 1917 года, и лишь после ее переезда вместе с Совнаркомом в Москву в марте 1918 года образовалась Петроградская ЧК. В ее штате не имелось каких-либо особых групп, так же, как не учреждалась и должность «помощника уполномоченного». В списках сотрудников ПЧК за тот период фамилии Якшина нет.

Правда, писатель Брешко-Брешковский, сын известной революционерки и, кстати говоря, участницы нелегальной организации Владимира Орлова (Орлинского), вспоминал в 1929 году, что под видом офицера к нему пытался втереться в доверие некий секретный сотрудник ПЧК Якшин. Вспомнил он об этом в связи с процессом в Берлинском суде над Орловым и Сумароковым (Карповым, Якшиным), но, проживая в Париже, не видел последнего в лицо. Так что,

возможно, речь шла о другом человеке, хотя исключить сотрудничества Якшина с ПЧК на негласной основе полностью нельзя.

Эсеровский «крот» в чекистском ведомстве был якобы в марте 1919 года переведен по службе в Московскую ЧК и здорово отличился при раскрытии знаменитого взрыва в Леонтьевском переулке, за что получил от Реввоенсовета Республики золотые часы с надписью «Тов. Якшину за борьбу с контрреволюцией».

В архиве ФСБ мы просмотрели следственное производство по факту взрыва, но, как и ожидали, вновь не обнаружили в документах фамилию Якшин. Опять же допускаем, что он был секретным осведомителем, а их настоящие фамилии не раскрывались.

Впервые Якшин обнаруживается среди личного состава Управления особых отделов Южного и Юго-Западного фронтов, образованного по распоряжению ВЧК в 1920 году в Харькове. Начальником Управления назначили бывшего до этого руководителем особого отдела МЧК Ефима Георгиевича Евдокимова. По исторической литературе и архивным документам мы знаем, что он выехал к новому месту службы, забрав из МЧК и ВЧК группу сотрудников, в числе которых мог оказаться и Якшин.

Для организации закордонной, а точнее зафронтовой, работы Евдокимов создал в своем управлении специальное подразделение, первым и единственным начальником которого становится Михаил Якшин. Это мы установили документально.

Поскольку именно работа на Украине наиболее подробно, особенно в сравнении с другими эпизодами, описана в биографической справке, можно предположить, что Якшин попал в аппарат Евдокимова в Харькове из какой-нибудь местной чрезвычайной комиссии.

Здесь следует иметь в виду, что ЧК на Украине была засорена разного рода темными элементами. Многие левые эсеры и анархисты, порвав к тому времени со своими единомышленниками, вступили в ряды большевиков и уже как коммунисты поступали на работу в чекистские органы.

В 1921 году Якшин возглавляет пятое (закордонное) отделение Особого отдела ГПУ Украинской Советской республики и участвует в «разложенческой» работе среди белых, эвакуировавшихся в Турцию и Болгарию. В записках Якшина фигурирует, например, Виленский, который был направлен им, Якшиным, в Константинополь и организовывал возвращение на родину многих врангелевцев, включая и генерала Якова Александровича Слащёва. Уточнить что-либо о самом Якшине и проверить соответствие написанного им о работе чекистов Украины в других государствах не представляется возможным, поскольку архив ГПУ УССР теперь принадлежит иностранной спецслужбе — СБУ Украины.

Остается рассчитывать на то, что местные историки прочтут эту книгу, заинтересуются Сумароковым (Якшиным) и их поиск будет удачным.

По той информации, которая имеется в нашем распоряжении, можно утвердительно говорить лишь о назначении его на разведработу в Берлине под прикрытием заведующего репатриационным отделом Полномочного Представительства УССР в Германии.

По рецепту доктора Гольденштейна

В апреле 1927 года произошло событие, круто поменявшее тактический рисунок деятельности ОГПУ. Я имею в виду бегство за кордон уже упоминавшегося нами Опперпута-Стауница. Вместе с известной

террористкой Марией Захарченко-Шульц он нелегально пересек советско-финскую границу и рассказал представителям местных спецслужб и английским разведчикам, что «Трест» является мистификацией чекистов. К сожалению, работавшие с Опперпутом сотрудники ОГПУ излишне доверились своему агенту, и оказалось так, что он не только сообщил иностранцам о разработке, но и дал массу других сведений, включая данные на отдельных негласных осведомителей.

Для контрразведчиков с Лубянки предательство Опперпута явилось сигналом к пересмотру некоторых форм деятельности, необходимости применять новые приемы. Поскольку Опперпут выступил с разоблачениями в зарубежной прессе, было решено скомпрометировать его перед новыми хозяевами также через средства массовой информации. С помощью оперативных возможностей КРО и ИНО ОГПУ удалось опубликовать ряд статей в Эстонии и других европейских странах, что привело к возобновлению проверочных процедур в отношении перебежчика спецслужбами и эмигрантскими организациями. Опперпут был поставлен в безвыходное положение и решил делом доказать свою лояльность, непричастность к провалу Сиднея Рейли и арестам белогвардейских разведчиков в Москве и Ленинграде.

Как известно, с группой террористов он нелегально прибыл в СССР, совместно со своей любовницей Захарченко-Шульц предпринял попытку взорвать здание ОГПУ и, настигнутый чекистами, застрелился.

Оперативники уловили тот эффект, который дали публикации в газетах, хотя компрометационные кампании через прессу не являлись чем-то новым и многие годы использовались в практике спецслужб.

Думается, именно в 1927 году в ОГПУ созрела идея использовать «журналистское расследование» для

устранения Владимира Орлова с передовой фронта тайной борьбы.

В январе, холодным по берлинским меркам днем в столицу Германии прибыл Ефраим Соломонович Гольденштейн, назначенный Наркоминделом на должность второго секретаря Полпредства СССР. Высокий, худощавый, с золоченым пенсне на крючковатом носу человек неторопливо вышел из машины на улице Унтер ден Линден, поднялся по ступенькам здания полпредства и скрылся за массивной дверью.

Сотрудники наружного наблюдения германской контрразведки поспешили отчитаться о проделанной работе, отметив, что никаких контактов в городе у подопечного не состоялось.

В Полицай-президиуме временно успокоились. Ведь они еще не знали о предстоящей работе «дипломата».

На самом деле в Берлин прибыл новый резидент Иностранного отдела ВЧК, ранее возглавлявший закордонные аппараты ОГПУ в Австрии и Турции.

В своей книге «Секретный террор», опубликованной после бегства на Запад, высокопоставленный сотрудник советской разведки Георгий Агабеков вспоминал о берлинском резиденте следующее:

«Гольденштейн, по кличке Александр или Доктор, по национальности еврей, является одним из самых старых и заслуженных сотрудников ИНО ОГПУ. До 1924 года он работал на Балканах и был очень близок с македонскими революционными деятелями, среди которых и сейчас пользуется большим авторитетом.

Гольденштейн в свои сорок пять лет женился на молодой женщине, и в последнее время было заметно, что работать он устал и хочет уйти на покой. Несколько раз он ставил вопрос о своем отозвании, но только осенью 1929 года получил разрешение выехать в Москву. Трилиссер собирался назначить его своим

помощником. Однако приезд Гольденштейна в Москву совпал с уходом Трилиссера, и дальнейшая его судьба мне неизвестна».

Оперативный псевдоним Доктор соответствовал полученному Гольденштейном образованию — он окончил в Вене медицинский факультет по специальности гинеколог. Однако лавры Гиппократы его не прельщали, и со студенческих лет он увлекся революционной деятельностью, длительное время провел на нелегальном положении. Конспиративные навыки он активно применял и после установления в России советской власти, поскольку с 1922 года занимался разведработой.

Именно такой опытный чекист и нужен был в Германии. Согласно данным, приведенным в «Очерках истории российской внешней разведки», личный состав резидентуры составлял уже 8 человек. Количество агентов только по Берлину — 39. За 1927 год из резидентуры в Москву поступило 4947 информационных материалов и из них 626 касались исключительно белогвардейской эмиграции.

Наиболее ценными источниками среди обитателей «русского Берлина», были бывшие офицеры, значившиеся под номерами А/1, А/2 и А/3.

К сожалению, о работе первых двух еще не пришло время рассказать. Что же касается последнего, то мы уже упоминали о нем — это Николай Николаевич Крошко-Кейт. Завербовали его еще в 1922 году в Варшаве, а затем передали на связь в берлинскую резидентуру.

Именно А/3 внедрился в окружение Владимира Орлова и к моменту приезда Доктора уже несколько лет давал подробные сведения о врангелевском разведчике. О своей работе агент А/3 рассказал позднее в воспоминаниях. Выдержки из них, на наш взгляд, стоит здесь привести.

«Под предлогом установления контактов я познакомился сначала с полковником Кольбергом, а затем и с Орловым, который знал обо мне как об одном из руководителей «Братства белого креста» и о моих связях в Советском Союзе через Польшу. Поэтому Орлов охотно пошел на знакомство со мной. Начались встречи, беседы о совместной борьбе с большевиками, о связях «по ту сторону». Последние больше всего интересовали Орлова. (...)

Постепенно я начал входить в доверие к Орлову, но к своей фабрике фальшивок он меня долго не подпускал. Для этого потребовалось приложить усилия. Это был не недоверчивый аристократ лейтенант Павлов, не болтун Брешко-Брешковский, не «министр» Гучков, от которого выуживал интересующую нашу разведку информацию, не восторженный секретарь «блюстителя престола» Казым-Бек, а умный и хитрый разведчик, бывший следователь по особо важным делам...

Мои связи с «Братством русской правды» и Орловым постепенно укреплялись, я стал получать все более и более обширную информацию о его деятельности и связях с берлинским Полицай-президиумом и разведкой рейхсвера майорами Лизером и Рау, Бартельсом из Полицей-Президиума и Зивертом из рейхскомиссариата общественного порядка и безопасности, а также о его финляндских связях. Однако к своей фабрике фальшивок Орлов меня все еще не допускал...

На одной из встреч на квартире Орлова, изрядно выпив, он потерял свою обычную осторожность, начал хвалиться своими связями. Орлов заявил, что деятельность агентов ОГПУ в Берлине находится под наблюдением полиции и разведки рейхсвера и что ему предоставлена возможность знакомиться с этими материалами, и, в частности, он знает, кто сейчас является резидентом ОГПУ в Берлине. Я подзадорил

Орлова, выразив свои сомнения. Тогда он заявил, что покажет мне кое-что и это рассеет мои сомнения. Можно представить себе мое удивление и беспокойство, когда Орлов показал мне фотокарточку товарища Михаила и заявил, что это Червяков — секретарь советского Полпредства и резидент ОГПУ. Из дальнейших разговоров я понял, что многого Орлов не знает и, во всяком случае, я не расшифрован, иначе Орлов не стал бы мне об этом рассказывать. В дальнейшем я выяснил, что Полицией-Президиум снабжает Орлова фотокарточками и данными на всех ответственных сотрудников берлинского Полпредства и торгпредства, официально регистрируемых в германском министерстве иностранных дел и Полицией-Президиуме.

На следующий же день я срочно по условленному паролю позвонил в Полпредство, вызвал своего товарища Михаила на внеочередную встречу. По тому, что я не подошел к нему, товарищ Михаил понял, что произошло что-то серьезное. Мы долго колесили по городу и, наконец, запутав следы, встретились. Я рассказал ему о том, что слышал от Орлова. Вскоре, в связи с явным провалом, Михаил был отозван в Москву...»

К 1927 году Крошко настолько завоевал доверие Орлова, что последний стал оставлять его одного в своей квартире, разрешать пользоваться добытой информацией.

Поэтому резидент Гольденштейн дал следующие указания своим сотрудникам Игорю Лебединскому (оперативный псевдоним Игорь) и Дмитрию Смирнову (фамилия по прикрытию Козловский): провести обстоятельную встречу с агентом А/З и поручить ему снять слепки с ключей от квартиры Орлова, шкафов и сейфа, где хранились важные для чекистов материалы.

Агент сработал как всегда отлично. Дождавшись очередного отъезда Орлова к жене в Макленбургское имение, он открыл изготовленными в резидентуре ключами все хранилища с бумагами и изъясил все, что могло уличить хозяина дома в изготовлении фальшивок. Среди доставленных к Доктору материалов имелись заготовки писем, изобличающих американских сенаторов Уильяма Бора и Джорджа Нарриса в получении денег от советского правительства.

Именно эти «документы» резидент ИНО ОГПУ и его ближайшие сотрудники положили в основу информационной базы операции «Фальсификатор».

Можно предположить, что последняя фаза операции была бы реализована еще осенью 1928 года, однако этому помешал провал агента А/З.

Следует отметить, что агент далеко не всегда выполнял рекомендации работников резидентуры по соблюдению мер безопасности, действовал подчас на свой страх и риск, надеясь на приобретенный опыт тайной борьбы и актерские способности.

А/З самостоятельно организовал и провел ряд мероприятий по дискредитации Орлова и дал серьезные поводы последнему для обвинений в связи с советской разведкой.

Получив тревожные сигналы, резидент срочно вызвал из отпуска Дмитрия Смирнова, у которого А/З находился на связи, и после его прибытия они разработали схему вывода агента в СССР.

Вскоре Крошко-Кейт уже садился на пароход «Герцен», предъявив пограничному наряду паспорт на имя советского гражданина Сидорова.

В конце сентября 1928 года А/З благополучно добрался до Ленинграда.

Операция «Фальсификатор» была приостановлена, но, как оказалось, ненадолго.

Чуть больше месяца прошло со времени бегства Крошко, и вот, совершенно неожиданно для чекистов, в приемную Полпредства СССР в Берлине пришла молодая немка и, не говоря ни слова, передала дежурному конверт. В нем оказалось письмо бывшего сотрудника резидентуры, невозвращенца Михаила Якшина (он же Карпов, он же Повлановский).

Предатель сообщал, что оказался в тяжелом финансовом положении, раскаивается в содеянном и с целью реабилитации, а также получения от «коллег» денежных средств готов публично разоблачить Владимира Орлова.

Через несколько дней сам Якшин вышел на связь и состоялась его встреча с сотрудником посольской резидентуры Алексеем Никульцевым.

После короткой беседы договорились встретиться еще раз. Однако Якшин как в воду канул. Агенты резидентуры, конечно же, отыскивали беглого разведчика и выяснили, что он раздобыл немного денег, временно отбил от кредиторов и намерен, шантажируя Орлова, вынудить того оплатить все векселя.

Доктор решил завершить разработку Орлова, используя сложившуюся ситуацию.

Мы уже упоминали, что Владимир Григорьевич хранил несколько материалов, компрометирующих американских конгрессменов.

Кстати говоря, даже в ходе следствия и судебного процесса над Орловым не удалось доказать его причастность к изготовлению этих фальшивок, и немецкие власти остановились на том, что он приобрел «документы» у других лиц.

Скорее всего, информация о сенаторах-коррупционерах дошла до Орлова из Парижа, где еще в 1927 году публиковались в эмигрантской и французской прессе сведения о контактах представителей Кремля с американскими законодателями, и те, вероятно получив

значительные суммы, стали лоббировать установление дипломатических отношений между СССР и США.

Через одного из агентов резидентуры удалось создать ситуацию, когда Якшин познакомился с американским журналистом Кникербоккером и предложил ему «документы», подтверждающие связь сенаторов с советскими властями.

Первоначально корреспондент не «клюнул на удочку» беглого чекиста, но решил посоветоваться с некоторыми своими знакомыми. Сначала он переговорил с пресс-атташе советского Полпредства Штерном, не зная, естественно, что тот привлечен Доктором к операции по Орлову.

Штерн посоветовал Кникербоккеру провести журналистское расследование и публично разоблачить шайку фальсификаторов во главе с Орловым и Якшиным.

Вторым контактером американского репортера оказался заблаговременно подведенный к нему агент резидентуры А/1 — бывший гвардейский полковник. Кникербоккер получил «исчерпывающую» информацию относительно деятельности Орлова в эмиграции по изготовлению фальшивок и торговле ими. Кроме того, агент «конфиденциально» сообщил о разведывательных акциях бывшего следователя против Германии по заданиям французских спецслужб. Расчет резидентуры был прост — Кникербоккер доведет полученные от А/1 сведения до немцев и при их поддержке осуществит свое расследование, а затем и разоблачение Орлова.

Так и произошло.

Одновременно А/1 подготовил и направил в Полицай-президиум доклад от имени монархистов, приверженцев великого князя Кирилла Владимировича.

В докладе отмечалось, что Орлов, будучи последователем франкофила великого князя Николая

Николаевича, ведет работу не только по дискредитации кирилловцев — сторонников Германии, но и занимается разведкой в пользу французского генерального штаба.

Так страсть Орлова к пополнению своего архива, фабрикация основанных на ложной информации документов для французской и польской спецслужб, участие в склоках между эмигрантскими группировками создали благоприятную базу для чекистской операции. При попытке продать порочащую американского сенатора фальшивку и другие сфабрикованные материалы криминальная полиция арестовала Сумарокова. Вслед за этим был проведен обыск на квартире Орлова, найдена часть его архива, а в газетах появились сообщения об обнаружении «фабрики фальшивок». Владельца архива взяли под стражу в тот же день.

С марта по начало июля 1929 года длилось предварительное расследование. Советская и германская коммунистическая пресса подняли страшный шум, требуя от властей примерно наказать «фальсификаторов», эмигрантские газеты были несколько сдержаннее, но четко обозначили свою позицию — подделыватели документов действовали только на свой страх и риск, опозорили идейную эмиграцию, и поддержки им ждать не следует. Заметим при этом, что в газетах русского зарубежья тоже работали связанные с ОГПУ люди. Но это к слову, а не в оправдание Орлова. В борьбе с советской властью и Коминтерном он в последние перед арестом годы считал возможным использовать любые приемы. На изменение Орловым методов деятельности повлияло расцененное как предательство раскаяние перед советским судом давнего знакомого и соратника Бориса Савинкова, исчезновение в России партнера и близкого приятеля Сиднея Рейли, компрометация коммунистами и уход с поста в Государственном комитете по

обеспечению общественной безопасности Вальтера Бартельса. И, конечно же, финансовые трудности, далеко не личного характера.

Приведем фрагмент из письма Орлова Бурцеву, написанного в конце зимы 1925 года: «Я тут собираюсь действовать методами большевиков и оттолкнуть в сторону все рассуждения об этичности или неэтичности моих действий, почему и перехожу на активизм и выхожу из комнатной работы на улицу. Посмотрим, что выйдет. Несомненно, в газетах скоро появятся описания некоторых событий, и я, после совершения некоторых действий, сообщу Вам подробности. Я вполне уверен, что Вы по ознакомлении с делом станете на мою сторону, т. к. предполагаемые и разрабатываемые действия подрежут большевикам корни в Европе».

А подрезанными оказались корни у Орлова. Он решил в одиночку или пусть даже с группой единомышленников (если таковые у него были) переиграть ОГПУ, которое уже провело операцию «Синдикат-2», сковало наиболее активную часть эмиграции по операции «Трест», но самое главное, что его сотрудники имели за собой поддержку государства, основы которого чекисты защищали в большинстве своем идейно.

Десять дней длился суд. Сумароков пытался поначалу валить все на Орлова, но потом сник и признал, что надумал продать фальшивки американскому журналисту лично, без влияния «содельника». Дело рушилось. В последний день суда прокурор вынужден был признать, что отказывается от основной части обвинений. Суд учел, что Орлов не использовал фальшивки для публичных целей, вреда они не нанесли (разумеется, для Германии). Его признали виновным только в попытке совершить мошенничество и так же, как и Сумарокова, приговорили к четырем месяцам тюрьмы, которые

поглощались заключением в период предварительного следствия. Из зала суда Орлов направился домой, а защитник по его просьбе обжаловал судебное решение. Самого страшного с Орловым не произошло, поскольку, не имея немецкого подданства, проживая на «птичьих» правах по так называемому нансеновскому паспорту, он мог быть выдворен из Германии и выдан советским властям, чего тайно добивались чекисты.

На задворках эмиграции

Все немецкие газеты пристально следили за ходом процесса над Орловым. Как сообщали репортеры, в зале суда яблоку негде было упасть. И это немудрено. Дело из чисто уголовного, вне всяких сомнений, превратилось в политическое. Ясно, что германские власти испытывали определенное давление со стороны советского посольства и, не желая повредить пока еще успешно развивающимся отношениям с Москвой, довели расследование до судебной стадии. А тут началось — защита потребовала вызова в качестве свидетелей сотрудников берлинского Полицай-президиума и чинов Государственного комитета по охране общественной безопасности. Обнаружились интереснейшие подробности оказания безвозмездной помощи Орловым в выявлении нелегальной деятельности Германской компартии и представителей Коминтерна. Одновременно было установлено, что Сумароков-Павлуновский тоже работал на тайную полицию, но за деньги, причем снабжал ее в последнее время чистой «липой». Вскрылась неприглядная картина нечистоплотной конкуренции германских спецслужб между собой. О разгоревшемся скандале наверняка детально знали чекисты, поскольку опубликованные в последнее время факты свидетельствуют о наличии в

Полицай-президиуме их агента — Вилли Лемана (Брайтенбах). Это давало возможность корректировать проводимые мероприятия, нагнетать обстановку вокруг процесса.

То, что Орлова хотя и осудили, но выпустили в зале суда, не расстроило работников ОГПУ. Своей цели они достигли: Орлов теперь уже в судебном порядке признан мошенником, у него конфискована часть злополучного архива. Но самое главное — от осужденного отвернулись многие эмигранты, для сохранения своего реноме считавшие за благо открыто не общаться с ним. Эмигрантская пресса сразу отделила Орлова от «добропорядочной и высоконравственной» беженской публики.

Имелся и побочный эффект, на который чекисты, может быть, и не рассчитывали, — решением высших германских властей был упразднен Государственный комитет по охране общественной безопасности: одним органом, надзиравшим за работой резидентур советских спецслужб, стало меньше.

Многие немецкие газеты, не имея конкретных фактов, но исходя из анализа обстановки на процессе и оглашенных в зале суда сведений, пришли к правильному, по сути, выводу, что без «руки Москвы» здесь не обошлось. В одной из статей говорилось: «Сражен Чекой с помощью американского журналиста Кникербокера по приговору берлинского суда самый опасный и неумолимый противник большевиков». Другой журналист выразился еще более определенно: «Процесс против Орлова является победой Чеки в Германии».

Ну а что же сам Орлов? Через адвоката он подал прошение о повторном рассмотрении его дела судом высшей инстанции, но, предчувствуя, что изменений добиться будет крайне сложно, решил не форсировать рассмотрение ходатайства, засел в своем загородном

доме и закончил свою первую книгу. Естественно, Орлов торопился, судя по некоторым подготовительным материалам, книга должна была быть полнее, точнее и, если хотите, лучше литературно обработана. Но, не успей он издать свой труд до повторного рассмотрения дела в суде, книга могла вообще не увидеть свет. Ярлык фальсификатора прочно уже приклеился к Орлову, и хозяева типографий явно не горели желанием печатать заклеяменного судом мошенника. Позднее с большими трудами, при помощи старых знакомых удалось протолкнуть в печать, пусть и в существенно сокращенных вариантах, еще две книги: в Англии — «Секретное досье», а в США — «Подполье и Советы». К концу 30-х годов, по имеющимся у нас сведениям, уже были готовы два объемных тома о красных дипломатах, но они так и остались в архиве Орлова.

Как и ожидалось, повторное рассмотрение дела ничего не дало. Приговор был оставлен в силе. Кроме того, германские власти принудили его покинуть страну. При поддержке Владимира Бурцева Орлов получил разрешение на проживание в Бельгии по нансеновскому паспорту.

Брюссель — далеко не самый оживленный эмигрантский центр. Представителей активного крыла здесь практически не было, а те, кто относился к их числу, не интересовались знаниями и опытом Орлова. Все последующие годы он занимался лишь писанием антибольшевистских статей да обличением устно и через печать некоторых эмигрантов и целых их организаций в сотрудничестве с Советской властью.

Как ни странно, он, не ведая о том, действовал в русле чекистских мероприятий, выступал в роли незавербованного агента. Чего, например, стоит его жесткая позиция в отношении «Братства русской правды», (БРП) разработку которого усиленно вели иностранный и контрразведывательный отделы ОГПУ.

В составленной им справке «О деятельности Верховного круга БРП» Орлов изобразил эту организацию как чисто разведывательную, служащую интересам одних иностранных держав против других, а вождей ее — людьми, совершенно забывшими о России и утратившими идейную основу своей деятельности. Распространявшаяся в виде статей и писем на имя известных эмигрантских деятелей орловская информация внесла раскол между БРП и РОВС, а следовательно, раздробила хотя бы на время их акции против СССР.

В письме Верховного круга БРП к Владимиру Бурцеву — вечному арбитру в эмигрантских спорах и ссорах — говорилось, что Орлов чернит не только руководство организации и прежде всего Александра Кольберга — «брата номер девять», но и ее саму, называет «шпионской немецкой фирмой», разглашает в переписке имена известных ему «братьев», ставя их под удар чекистов.

Боролся Орлов и с русскими фашистами, и с другими антикоммунистическими группами, одних обвинял в пассивности, других — в заискивании перед большевиками. Словом, он действительно стал «чужим среди своих».

Недрузи платили ему взаимностью и наконец, собравшись с силами, нанесли Орлову ответный удар. В сентябре 1936 года русский писатель и эмигрантский журналист Александр Валентинович Амфитеатров в газете «Возрождение» опубликовал довольно объемную статью под кричащим заголовком «Орден Иуды Предателя», полностью посвященную Орлову. Образно говоря, статья явилась последним гвоздем в крышку гроба бывшего судебного следователя и разведчика. Дело в том, что Амфитеатров тоже состоял в «Братстве русской правды». Его подручные — «братья» подготовили для статьи неплохую фактурную базу,

сознательно исказив или не проверив сведения из биографии Орлова, начиная чуть ли не с босоногого детства.

Известный литератор безапелляционно обвинил Орлова во всех смертных грехах, причислив к Ордену Иуды Предателя. Стареющий Орлов пытался было защищаться, направлял многостраничные письма во все эмигрантские газеты, отдельным авторитетным соотечественникам. Но отклика, а тем более поддержки в большинстве случаев не находил. В редакциях его послания даже не рассматривались, в праве на опровержение ему отказывали повсеместно.

Кампанию против Орлова поддержали и фашистские средства массовой информации. Еще в 1933 году гитлеровские пропагандисты опубликовали полностью сфальсифицированную в гестапо переписку Орлова с другим эмигрантом Александром Гуманским, в которой говорилось о якобы предпринимаемых ими действиях по дискредитации Адольфа Гитлера. Здесь явно не обошлось без участия давних противников Орлова из числа «монархистов-легитимистов», на национал-социалистов. Известно, что последних «брюссельский изгой» называл коммунистами наоборот и врагами России, хотя первоначально он видел в Гитлере единственного действенного борца против большевизма в Германии и даже в числе первых послал ему только что полученную в типографии книгу «Убийцы, фальсификаторы и провокаторы». Уже позднее он прочел гитлеровскую «Майн кампф» и понял, что главный нацист ненавидит Россию, будет стремиться расчленить ее, а затем завоевать. Орлов как русский патриот не мог сбросить это со счетов и далее воспринимал Гитлера и вообще национал-социалистов наравне с большевиками.

Травля сломала Орлова окончательно. Чтобы не бросать тень на воинские и эмигрантские общества, где

он работал в качестве юрисконсульта, ему пришлось подать прошение об увольнении, тем самым лишая себя относительно устойчивого заработка.

О последнем этапе жизни безработного эмигранта почти ничего не известно.

На протяжении многих лет своей деятельности на должностях следователя, контрразведчика и разведчика, работая подпольно или гласно, он был занят то охраной тайн, то их раскрытием любыми доступными средствами. Тайна находилась всегда рядом с ним, поэтому и сейчас, спустя много лет, мы не можем полностью реконструировать богатую событиями биографию Владимира Григорьевича Орлова. Тайной остаются и обстоятельства его гибели.

По имеющимся сведениям, он был учтен в розыскных списках гестапо, и после оккупации Бельгии фашистами сотрудники группенфюрера Мюллера разыскали и доставили Орлова в Берлин, а несколько дней спустя его тело ранние пешеходы нашли в одном из скверов. Поэтому 1941 год условно можно считать последним на пути «человека отчаянной жизни», как не единожды называл Орлова его долголетний соратник Владимир Бурцев.

Перевербованный резидент

Историю делают люди. Они могут служить украшением или позором целой эпохи, влиять не только на свое, но и на последующие поколения. Это положение мы твердо усвоили еще в студенческие годы. Четко представляем себе, что такое интересы, побудительные мотивы, борьба мотивов, идеалы и нравственные ценности. Но, как оказалось, все это усвоено на «теоретическом» уровне, вне связи с конкретными людьми, сыгравшими определенную роль в исторической драме.

Постепенно идет «заселение» истории, все больше ранее незнакомых или забытых имен выплывает из огромного потока публикаций, направленных на устранение «белых пятен» разной величины. Тут и революционеры, и политические деятели, и ученые, и военные. Не обойдены вниманием и некоторые работники органов госбезопасности. К сожалению, за редким исключением, авторы рисуют своих героев лишь одной краской, вольно или невольно упрощают их, напрочь игнорируя оттенки и полутона. Перед нами предстают, с одной стороны, чекисты — изощренные исполнители репрессий, достойные только гневного осуждения, а с другой — подслащенные образы соратников Дзержинского, биографии которых легко укладываются в набившую оскомину героизированную схему: подпольная работа в условиях царского самодержавия, участие в революции и гражданской войне, ожесточенных схватках с контрреволюционерами и шпионами всех мастей в послевоенный период.

Однако среди чекистов в 20-е и 30-е годы были люди, жизненный путь которых с позиций

сегодняшнего дня кажется просто невероятным. Фамилии их порой упоминаются в прессе в связи с теми или иными событиями нашей истории (не уйти от этого, оставаясь на позициях исторической объективности), но, в общем, они все еще причисляются к «фигурам умолчания».

Об одном из таких чекистов я хочу рассказать.

Работая в архиве, я совершенно неожиданно наткнулся на письмо, датированное ноябрем 1920 года и адресованное лично Феликсу Эдмундовичу Дзержинскому. Писал ученик и соратник председателя ВЧК по революционной работе, начальник Особого отдела Западного фронта Филипп Медведь, больше известный нынешнему поколению в связи с делом об убийстве С. М. Кирова. Речь в письме шла о небольшой группе чекистов, проводивших некоторое время назад по заданию Центра операцию в тыловой зоне Западного фронта. Медведь не просто сообщал Дзержинскому свое мнение об их деятельности, а требовал незамедлительно устранить этих сотрудников от ответственной работы в Особом отделе ВЧК.

«...От товарищей, приезжающих из Москвы, — писал Филипп Демьянович, — узнаю, что непосредственным помощником товарища Артузова является Добржинский..., что Витковский — начальник спецотделения. Я знаю, что тов. Артузов им безгранично верит, что хорошо для частных, личных отношений, но когда их посвящают во все тайны работы, когда они работают в самом центре ОО ВЧК, то это может иметь самые плохие последствия для нас...»

Невероятно, но факт. Значит, в аппарате ВЧК находятся люди, которым нет полного доверия? Именно это и подтолкнуло меня к дальнейшим поискам, хотелось разобраться, до конца понять, что имел в виду Медведь. Поскольку основное внимание в письме он

уделил некоему Добржинскому, с него я и решил начать.

Фамилия Игнатия Игнатьевича Добржинского замелькала в оперативных документах чекистов в начале 1920 года. Из показаний нескольких арестованных агентов польской разведки вытекало, что в Москве действует крупная резидентура второго отдела Генштаба Польши и возглавляет ее поручик Добржинский. Под какой личиной он скрывался, тогда установить не удалось, предпринятые розыскные мероприятия результатов не дали. И вот мелькнул огонек удачи — в Орше была обнаружена курьер московской резидентуры Мария Пеотух. Руководивший операцией особоуполномоченный Особого отдела ВЧК А. Х. Артузов распорядился установить за ней наблюдение, и вскоре удалось вскрыть явочную квартиру пилсудчиков в Москве. Однако Добржинский почувствовал опасность и скрылся, сумев предупредить некоторых своих агентов. Вновь безрезультатные, длившиеся до июня поиски. И — удача: Добржинский был арестован на квартире одной из своих знакомых.

Первые допросы скорее походили на монологи Артура Христиановича Артузова, так как подследственный упорно молчал, отказываясь давать какие-либо показания. Аргументы, используемые Артузовым, так же, как и жесткая, без стремления найти контакт с Добржинским манера ведения допросов Романом Александровичем Пиляром, к сожалению, не сдвигали дело с мертвой точки.

Прошло несколько дней. Тактика, избранная Артузовым, оказалась более эффективной — допрашиваемый стал отвечать на отдельные вопросы, поддерживать беседу о сложившемся в связи с нападением панской Польши на РСФСР и Украину положении.

Сильное впечатление на него произвел допрос-беседа у заместителя начальника Особого отдела ВЧК Вячеслава Рудольфовича Менжинского. Для бывшего польского резидента, считавшего себя чуть ли не тайным послом своей страны в Советской России, было лестно, что ему уделит внимание один из руководителей ВЧК.

Чтобы закрепить первые результаты, а главное — идеологически разоружить Добржинского, к работе с ним был подключен член ЦК коммунистической партии Польши Юлиан Мархлевский, старый революционер, не раз примерявший на себя тюремный костюм во времена царизма.

Вот как о встречах с Мархлевским позднее вспоминал сам Добржинский: «Больше допросов не было, меня начали воспитывать, повезли в Кремль к Мархлевскому. В Кремль меня повез на машине один Артузов... Мархлевский на меня произвел хорошее впечатление... говорили о Польше, о Пилсудском. Я в тот момент считал его коммунистом без 5 минут. Мархлевский разъяснил мне, что это не так... и правильно разъяснил мне с точки зрения коммунистической разницу между ППСовцами и большевиками...»

Забегая чуть вперед, добавим, что такие беседы, живой обмен мнениями, сопоставление позиций точек зрения на польско-советские отношения будут продолжаться между Мархлевским и Добржинским и все последующие годы.

Общими усилиями Менжинского, Артузова и Мархлевского удалось снять националистическую оболочку с политических воззрений Добржинского, разрушить в его сознании образ Пилсудского — вождя польских трудящихся, всех патриотов, отстаивающих независимость многострадальной Польши. Добржинский понял, что борьба с рабоче-крестьянской

Россией на руку только белогвардейцам, отстаивающим идею «единой и неделимой», что, по существу, означало крушение надежд на самостоятельность Польши, а также польским панам и буржуа, усердно отслуживающим полученные от Антанты деньги.

В итоге Добржинский принимает далеко не простое решение — назвать всех агентов своей резидентуры, еще остававшихся на свободе. Лишь одно условие выдвинул он при этом — чекисты должны ограничиться высылкой их в Польшу.

Обдумав требования Добржинского, взвесив все «за» и «против» такого компромисса, Артузов доложил свои предложения председателю ВЧК.

Дзержинский просил довести до сведения арестованного, что после проведения следствия и установления полной картины деятельности резидентуры все агенты, являющиеся польскими гражданами, будут высланы за пределы РСФСР. По названным Добржинским адресам выехали группы чекистов. Сам же Игнатий Игнатьевич в сопровождении Артузова и его помощников направился в Петроград, где ему предстояла встреча с заместителем резидента — Стецкевичем, внедрившимся на центральную военную радиостанцию. Чекисты уже знали от Добржинского, что Стецкевич давно тяготится связью с польской разведкой, никакой активной работы не ведет, не раз в беседах со своим руководителем высказывал сомнения в правильности политической линии Пилсудского и даже заявлял о сочувствии большевикам, в рядах которых сражался с белогвардейцами и геройски погиб его старший брат.

Убеждать Стецкевича долго не пришлось. Уже на следующий день после встречи с ним Добржинского польский разведчик добровольно явился в номер гостиницы, где расположился Артузов, рассказал все, что ему было известно о разведывательной работе

пилсудчиков в Петрограде, и выразил готовность выполнять поручения чекистов.

В общей сложности к концу июля Особый отдел ВЧК арестовал более десятка тайных помощников Добржинского, но, как и обещали чекисты, все польские офицеры после окончания следствия были через особистов Западного фронта переданы представителям пилсудских войск.

Что же касается самого Игнатия Добржинского, а также Виктора Стецкевича, они окончательно решили остаться в Советской России и помогать органам ВЧК в раскрытии диверсионных и террористических ячеек польской разведки.

Нельзя сказать, что далось это Добржинскому без душевных сомнений, раздумий и расчетов. Можно было, надеясь на снисходительность со стороны чекистов и военного трибунала, отбыть назначенный срок заключения, а затем заняться мирным трудом — к примеру, учительствовать, ведь за плечами как-никак два курса историко-философского факультета Московского университета. Это не то, что активно включиться в борьбу со своими бывшими хозяевами, которым поручик Добржинский служил отнюдь не за деньги, не за чины и награды. Не оставляла Игнатия Игнатьевича и тревога за судьбу брата, скромного музыканта Варшавского театра, единственного оставшегося в живых родного человека, который теперь становился заложником у белополяков.

На другую чашу весов легло разочарование в идеях Пилсудского, а также убедительные аргументы Мархлевского и Артузова. Не обошлось, видимо, и без революционного романтизма, надежды на близкую победу трудящихся, по крайней мере, в европейских странах.

И выбор был сделан. Вскоре педантичные клерки во втором отделе польского Генштаба занесли в досье на

Добржинского следующее: «До мая 1920 года возглавлял разведывательную резидентуру в Москве, перебежав к большевикам, в настоящее время работает в ВЧК». Для офензивы он стал «чужим».

Но стал ли он «своим» для чекистов? Вернемся к письму Филиппа Медведя. Вот еще строки из него: «... они молодые, вели ответственную работу у белополяков и слишком скоро перешли на нашу сторону (после ареста) и стали убежденными коммунистами...» Не вполне доверял Добржинскому и особоуполномоченный Особого отдела ВЧК Роман Александрович Пиляр, участвовавший в следствии по его делу. Сомнения оставались и у Артузова. Было ясно, что необходима дальнейшая проверка Добржинского, и поэтому Артузов включает его, а также Стецкевича в оперативную группу, выезжающую на Западный фронт для оказания содействия местным чекистам в ликвидации подпольных групп «Польской организации войсковой», совершавших взрывы и поджоги в тыловых районах.

В списках группы Игнатий Добржинский значился уже как сотрудник для особых поручений под фамилией Сосновский. Этот псевдоним закрепился за ним на все последующие годы, поэтому и я буду так его называть.

Прибыв на Западный фронт, Сосновский по поручению Артузова отобрал из числа военнопленных поляков небольшую группу людей, способных выполнять задания особистов. Одним из критериев отбора явилась причастность к «Польской организации войсковой» (ПОВ).

Не вдаваясь в детали проведенных при самом активном участии Игнатия Игнатьевича мероприятий, отметим только, что они были успешными: за короткий срок удалось выявить и разоблачить несколько агентов и диверсантов противника. Как и полагали чекисты, большинство из них состояли в ячейках ПОВ.

Видимо, тогда и «родился замысел пропагандистской акции, преследовавшей цель породить у руководителей польской разведки недоверие к членам ПОВ, действовавшим в советском тылу, и таким образом сбить их активность». План действий чекистов одобрил Феликс Дзержинский.

Главным исполнителем был намечен Сосновский. Особисты исходили при этом из результатов проверки его на конкретных боевых делах. Немаловажную роль сыграли и биографические данные Игнатия Игнатьевича: с 1912 года, еще будучи гимназистом в Вильно, он принимал активное участие в деятельности различных польских военизированных кружков и союзов, затем установил связи с националистами, с 1918 года служил вольноопределяющимся в корпусе генерала Довбор-Мусницкого, где вступил в «Польскую организацию войсковую» (ПОВ) и по заданию своих шефов руководил восстанием рабочих в Сувалках и Гродно против немцев. В тот период Сосновский близко сошелся с капитаном Матушевским, возглавившим с конца 1919 года польскую военную разведку. Именно по его настоянию Игнатий Игнатьевич перешел туда на работу и после тщательной подготовки под кличкой Сверщ был направлен резидентом в Москву.

Подготовка к операции завершилась в конце сентября. А в один из первых дней октября линию фронта пересек старенький «Фарман», и пилоты разбросали над позициями польских войск листовки с текстом, озаглавленным «Открытое письмо к товарищам по работе в ПОВ — офицерам и солдатам польской армии, а также студентам — товарищам по университету от Игнатия Добржинского». В письме говорилось: «Еще минуту тому назад я находился на вашей стороне, вместе с вами я был обманут словами: «Родина», «независимость», «свобода и счастье народа», лозунгами, содержанием которых было и есть

«капиталистические прибыли за счет трудящихся масс», «ложь», «темнота и нищета». Я имею право и обязанность немедленно после свободного и решительного перехода на сторону революционной борьбы сообщить вам и широким кругам, позорно обманутому и проданному собственной буржуазией нашему народу о своем поступке... Вместе со мной открыто и добровольно отказались от работы против Революции все мои идейные сотрудники, присланные в Россию из Польши. Большинство из них уже крепко стоит вместе со мной в рядах Революции».

Вскоре наша разведка сообщила, что в штабах и частях противника поднялся невероятный переполох. Как позднее писал Артузов, «поляки вопили об измене польской центральной разведки в Москве». Один из депутатов сейма даже опубликовал статью, где ставил вопрос о ликвидации ПОВ как вредной для польского государства организации, члены которой предают Польшу.

Руководители польского Генштаба требовали срочно принять «санкции» к Сосновскому, и чекисты действительно вскоре арестовали бывшего резидента поляков в Смоленске, некоего Берейко, направленного в Москву для ликвидации Сосновского.

Чтобы усилить эффект, достигнутый при проведении первой акции, 15 октября 1920 года чекисты распространили на польской стороне фронта еще одну листовку — «Измена ПОВ в Советской России». Ее подписали входившие в группу Сосновского Стецкевич, Пшепелинская, Заторская, Роллер, Гурский и другие. Заявив о добровольном переходе в «лагерь пролетарской революции», они призвали к этому своих бывших товарищей по ПОВ.

Как свидетельствовали оперативные данные, активность ячеек ПОВ в октябре—ноябре резко снизилась, отмечались факты отказа их членов

выполнять шпионские задания. Многие задержанные чекистами агенты противника на первых же допросах давали развернутые показания, заявляя, что к этому их подталкивает и побуждает обращение Добржинского и других бывших членов ПОВ.

На завершающем этапе пребывания Артузова и его сотрудников на Западном фронте Сосновский выполнил еще одно ответственное, сопряженное с риском для жизни задание. Вместе с входившей в группу Юной Пшепелинской (ставшей впоследствии его женой) Игнатий Игнатьевич проник в состоявшую из поляков террористическую организацию, главной целью которой в тот период было уничтожить командующего фронтом Михаила Николаевича Тухачевского. Будущий маршал даже не представлял, как близко к нему подкралась тогда смертельная опасность.

Сосновский, благодаря своим волевым качествам, сумел стать во главе террористов и подставил их в конце концов под удар чекистов. Здесь, видимо, необходимо сделать небольшое уточнение, так как приведенные факты из деятельности Сосновского на Западном фронте явно не согласуются с оценками, которые давал в своем письме Феликсу Дзержинскому начальник Особого отдела фронта Филипп Медведь. Вероятнее всего, он просто не знал в полном объеме работу Сосновского, который был связан непосредственно с руководителем группы Артузовым и отчитывался только перед ним.

После успешной ликвидации опасной банды Артузов окончательно убедился в надежности Игнатия Игнатьевича и даже обратился к председателю ВЧК с рапортом, в котором, отмечая заслуги Сосновского, просил представить его к награждению орденом Красного Знамени. Дзержинский поддержал ходатайство, и в начале 1921 года награждение состоялось.

К этому времени Сосновский и несколько членов его группы были уже официально зачислены в штат Особого отдела ВЧК. Такое решение не все чекисты оценили одинаково. Вот свидетельство Артузова: «Против этого активно возражал мой тогдашний заместитель т. Пиляр, который имел даже серьезное столкновение с т. Дзержинским. Последний очень резко осудил Пиляра, который, обидевшись, уехал на партработу в Верхнюю Силезию после этого». Вспомним еще раз и обращение Медведя к председателю ВЧК: «Думали использовать их как орудие для раскрытия наших врагов в России, использовать их для разложения в рядах противника, — писал он, — а вышло наоборот — они становятся руководителями нашей работы благодаря тому, что к ним привыкли, сжились с ними». Медведь намеревался вскоре после отправления письма побывать в Москве и при личной встрече разъяснить Дзержинскому причины своих сомнений относительно Сосновского.

Вот и судите, стал ли он до конца «своим» для тех, с кем работал в последующие годы.

Но были и чекисты, которые искренне доверяли Сосновскому, и среди них первым надо назвать, естественно, Артура Христиановича Артузова.

Именно он, а также члены ЦК польской компартии Ф. Кон и Ю. Мархлевский рекомендовали Игнатия Игнатьевича в 1921 году в члены РКП (б). Поддержал их рекомендации и Дзержинский.

Профессиональные качества Сосновского, прежде всего комбинационный ум, умение анализировать ситуацию и делать верный прогноз, подбирать себе помощников, способных решить самую трудную задачу, постепенно поднимали его авторитет в чекистской среде. В первые годы своей оперативной работы Сосновский занимался только делами, связанными с белогвардейским подпольем. Непосредственного

отношения к контрразведывательным мероприятиям по польской разведке он не имел. Вероятно, председатель ГПУ, а также непосредственный начальник Игнатия Игнатьевича Артузов стремились устранить какие-либо поводы к сомнениям в его лояльности.

Надо отметить, что в начале 20-х годов в центральном аппарате ГПУ работало немало чекистов — поляков по национальности, но, в отличие от Сосновского, это были коммунисты в основном с подпольным стажем, прошедшие царские и пилсудские тюрьмы, сражавшиеся в рядах Красной Армии с белогвардейцами и интервентами.

Несомненно, Сосновский понимал, что на их фоне он определенным образом выделяется, поэтому каждый свой шаг многократно выверял, взвешивал, стремясь не допустить просчетов, которые могли быть неверно истолкованы сослуживцами. Конкретные дела — единственное, что могло устранить налет недоверия. И такие дела у Сосновского были.

Вот лишь неполный их перечень только за 1921 год: проникновение в савинковские круги в Варшаве, непосредственное и самое активное участие в раскрытии и ликвидации подпольных контрреволюционных групп в Киеве, Житомире, Черкасах и Харькове, в расследовании по организации Таганцева, так называемому Западному областному комитету в Гомеле. Именно Сосновский склонил к сотрудничеству с чекистами руководителя этого комитета Опперпута, ставшего через некоторое время одной из ключевых фигур в широко известной теперь контрразведывательной операции «Трест».

Успехи Игнатия Игнатьевича не остались незамеченными. Уже в мае 1921 года он становится помощником начальника, а через год — начальником отделения контрразведывательного отдела ГПУ, функции которого заключались в организации работы

по борьбе с белогвардейским подпольем и террористическими группами.

Под его непосредственным руководством работали такие известные читателю по книге В. Ардаматского «Возмездие» чекисты, как Николай Иванович Демиденко, Андрей Павлович Федоров и Григорий Сергеевич Сыроежкин. Одной из первых операций, проведенных отделением Сосновского (естественно, при самом ближайшем участии других подразделений КРО и под общим руководством А. Х. Артузова, С. В. Пузицкого, Р. А. Пиляра), явилась операция «Синдикат-2», завершившаяся поимкой Бориса Савинкова. Практически параллельно шла работа по контрреволюционной организации «Центр действия». Большинство членов ее было арестовано чекистами во время проведения нелегального «съезда», о котором контрразведывательный отдел, разумеется, знал заблаговременно, благодаря стараниям Игнатия Игнатьевича и его подчиненных.

Таким образом, уже в первой половине 20-х годов Сосновский выдвинулся в число наиболее опытных, авторитетных чекистов. Думается, что его имя может быть поставлено рядом с С. В. Пузицким, Н. И. Демиденко, В. А. Стырне, внесшими большой вклад в развитие чекистского искусства.

Оперативная работа по белогвардейскому подполью и савинковцам зачастую переплеталась с выявлением и ликвидацией шпионских гнезд, насаждавшихся разведками Англии, Франции и, конечно же, Польши, которой империалистические державы отвели роль ударного кулака. Поэтому Сосновский волей-неволей, пусть опосредованно, соприкасался с деятельностью польской разведки. Но вот в 1924 году ему пришлось вновь вступить напрямую в «контакты» с офензивой.

А случилось это так. В один из летних дней Артузову позвонил польский коммунист, проживавший в Москве,

и сообщил, что к нему обратился знакомый еще с дореволюционных времен человек, работающий теперь в польском посольстве. Этот человек (назовем его Полянским) просил устроить ему встречу с Сосновским, своим сослуживцем по корпусу Довбор-Мусницкого. Условия польского военного дипломата были таковы: Сосновский приходит на встречу один, в то место и время, которое выберет он, Полянский. Артузов снова был поставлен перед выбором — включать Сосновского в игру с офензивой или нет? Артур Христианович реально понимал, что возможна провокация и даже шантаж в отношении Сосновского.

А повод для этого искать долго не надо было — как уже отмечалось, в Варшаве проживал скромный музыкант оперного театра, родной брат Игнатия Игнатьевича. На привязанности к брату и могла сыграть польская разведка.

Но все же интересы дела перевесили.

Чекисты действительно многое получили от встреч Сосновского с Полянским, и работа Игнатия Игнатьевича в этом направлении была положительно оценена председателем ОГПУ В. Р. Менжинским. По его предложению коллегия ОГПУ в 1924 году наградила Сосновского знаком почетного чекиста, а в 1926 — «маузером» с надписью «За беспощадную борьбу с контрреволюцией».

Но контакты с польским разведчиком позднее сыграли неожиданную роль. Об этом мы еще скажем. А пока отметим, что достигнутые успехи вели Сосновского вверх по служебной лестнице. С 1926 по 1929 год Сосновский — ответственный работник Секретно-оперативного управления ОГПУ, позднее — начальник контрразведки Полномочного Представительства по Белорусскому военному округу, затем по Центрально-Черноземной области. В 1934 году он вновь возвращается в Москву. Где бы ни работал

Сосновский, везде его труд оценивался положительно. Вот лишь несколько выдержек из аттестации тех лет: «Хороший товарищ и примерный большевик. Политически развит и по личным качествам весьма способный. Образцовый оперативник и серьезный руководитель, прекрасно знает работу с агентурой, особенно по линии шпионажа...»

За все время службы в чекистских органах лишь дважды ему пришлось подробно рассказывать свою биографию товарищам по работе. То было в периоды партийных чисток. И каждый раз комиссия выносила решение: «Считать Сосновского проверенным, подтвердить партстаж с 1921 года». Но обстановка менялась, наступали мрачные времена массовых репрессий. Прошлое воспринималось уже по-другому, зловещей тенью легло оно и на судьбу Сосновского.

Первыми вспомнили о событиях 16-летней давности некоторые сотрудники польской секции Коминтерна. Возмущенные начавшимися арестами целых групп польских коммунистов, проживавших в СССР, обвинением их в участии в нелегальной деятельности «Польской организации войсковой», предательстве, вредительстве и других преступлениях, работники ИККИ обратились в НКВД СССР и высказали «мнение, что по ложному следу чекистов направляет не кто иной, как Сосновский — умело замаскировавшийся агент Пилсудского, пробравшийся в органы госбезопасности для исполнения разведзаданий».

Этому заявлению дали ход, тем более что отдельные из уже арестованных к тому времени польских коммунистов на допросах указали якобы на причастность Игнатия Игнатьевича к шпионской работе против СССР.

В декабре 1936 года заместитель начальника УНКВД по Саратовской области комиссар госбезопасности 3 ранга Сосновский был арестован и для ведения

следствия этапирован в Москву. Первые три месяца он полностью отрицал предъявленные ему обвинения, подробно рассказывал следователю Владимиру Фельдману обо всех поворотах на своем жизненном пути, а также об отдельных чекистских мероприятиях, в которых непосредственно принимал участие, но которые по разным причинам не нашли исчерпывающего отражения в документах. Сосновский надеялся, что его аргументы убедительны, расставят все точки над «і». Но участь его уже была решена.

Фамилия Сосновского не раз звучала на печально знаменитом февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП (б). В тайной работе на поляков его обвинили: бывший ответственный работник ОГПУ Евдокимов и нарком внутренних дел УССР В. А. Балицкий. Но это было не все. Криминал состоял еще и в том, что Игнатий Игнатьевич будто бы являлся деятельным участником якобы существовавшего в органах НКВД заговора, возглавляемого Г. Ягодой.

Так из «своего» Сосновский окончательно превратился в «чужого».

Теперь и следствие пошло совсем по-другому. Опытный следователь Фельдман уже не устраивал тех, кто заранее определил направление, по которому пойдет дальше дело о «разветвленной, поразившей почти все советские военные и партийные учреждения» деятельности пресловутой «Польской организации войсковой». К расследованию подключились небезызвестные заплечных дел мастера Минаев и Радин, расстрелянные впоследствии за грубейшие нарушения социалистической законности. В условиях, когда в правовой теории господствовала «царица доказательств» — личное признание обвиняемого, на практике требовалось лишь добиться его каким угодно путем. К Сосновскому стали применять меры физического воздействия, и в мае 1937 года он

«заговорил». Признаваясь во всех смертных грехах, он просил только об одном — быстрее закончить следствие по его делу и вынести приговор.

Новые следователи усиленно стремились создать, как и было задумано, групповое дело — связать многих чекистов — поляков по национальности единой цепочкой «преступных деяний». В первую очередь арестовали тех, кто в 1920 году вместе с Сосновским перешел на сторону Советской власти: Юну Пшепилинскую, отважную сотрудницу Иностранного отдела ГУГБ, Карла Роллера — работника УНКВД по Курской области, бывшего уполномоченного КРО ОГПУ Марию Недзвяловскую. Независимо от показаний Сосновского, но тоже с привязкой к мифической деятельности в СССР «Польской организации войсковой» уже к середине 1937 года были арестованы начальник УНКВД по Саратовской области, соратник Феликса Эдмундовича Дзержинского Р. А. Пиляр, бывший начальник КРО ОГПУ Я. К. Ольский, руководитель одного из подразделений НКВД С.В. Пузицкий, многие сотрудники местных органов госбезопасности

По решению Комиссии НКВД и прокуратуры СССР все указанные чекисты были в особом порядке приговорены к расстрелу. 15 ноября 1937 года не стало и Игнатия Игнатьевича Сосновского.

Оставался он «чужим» до начала 1958 года, когда на основании определения Военного трибунала Московского военного округа дело было прекращено за отсутствием состава преступления, а сам он посмертно реабилитирован.

Чтобы такое решение состоялось, потребовалась упорная работа следователя КГБ В. А. Пахомова, кропотливо собиравшего объективную информацию на Сосновского, до деталей восстановившего, прямо скажем, непростую историю жизни чекиста.

Последняя одиссея генерала Слащёва

Читатели, конечно, помнят трагическую фигуру генерала Хлудова из булгаковского «Бега». Но мало кто знает, что у литературного героя был реальный жизненный прототип — генерал-лейтенант Яков Александрович Слащёв, герой белой армии, получивший от Врангеля почетный титул «Крымский», а затем им же отстраненный от командования.

В Константинополе потерявший Отечество опальный генерал окончательно укрепился в мысли просить Советскую власть разрешить ему вернуться на Родину и отдать себя в руки законного правительства. Темной ноябрьской ночью 1921 года Слащёв вместе с офицерами, разделявшими его взгляды, покинул берега Босфора, пробрался в порт и тайно погрузился на корабль. А через сутки капитан «Жана» (так назывался корабль) пришвартовал судно в севастопольской бухте. Этот вояж по Черному морю Слащёв совершил не без помощи своих недавних врагов — чекистов, поскольку все время находился под плотной опекой французской и врангелевской контрразведок.

Об этом наш дальнейший рассказ.

...Прорвав хорошо укрепленную и глубоко эшелонированную оборону врангелевских войск на Перекопском перешейке и Чонгарском полуострове, части Южного фронта Красной Армии вошли в Крым. Участь белой гвардии была предрешена. И главнокомандующий войсками Юга России генерал Врангель отдал приказ об эвакуации.

Под прикрытием конницы врангелевцы спешно двигались к черноморским портам, уже не помышляя о сопротивлении. Затяжные дожди, низкая облачность и

порывистый ветер уберегли отступавшие войска от ударов авиации Южного фронта, что позволило организованно (насколько это было возможно в тех условиях) погрузить десятки тысяч солдат и офицеров на боевые корабли, рыбацкие шхуны, торговые суда, на все, что способно было пересечь Черное море. Генерал Врангель покинул Севастополь на крейсере «Корнилов».

В Константинополь прибыло более 100 тысяч человек. Разоруженные, но полностью сохранившие свою организационную структуру воинские части расположились в лагерях, поддерживая жесткую дисциплину. В солдат и офицеров вселяли уверенность, что борьба еще не закончена и русская армия еще сыграет свою роль в свержении большевиков.

Организованный в Константинополе Политический объединенный комитет (ПОК) в январе 1921 года обнародовал свою программу, в которой были и такие слова: «...армия жива и имеет волю к жизни и к дальнейшим действиям... нужно употребить все усилия, чтобы ее сохранить».

Советские политические руководители прекрасно понимали, что потерявшие Отечество, озлобленные, отчаявшиеся люди могут пойти на любую авантюру. Об этом не раз говорилось в многочисленных нотах Наркомата иностранных дел, писалось не только в советских, но и в зарубежных газетах.

Отвечая на вопросы группы руководителей лейбористского движения Великобритании, представитель РСФСР Л. Б. Красин прямо заявил, что «армия Врангеля окончательно еще не разгромлена. В любой момент она может быть реорганизована как военная сила и с помощью французского флота высажена в Крыму или других южных портах России».

Вполне понятно, что на предотвращение этой реальной угрозы были направлены военные и дипломатические усилия РСФСР и Украины, в том числе

работа по разложению находившихся в Турции врангелевских войск. Основная тяжесть этой работы ложилась, несомненно, на ВЧК и Разведывательное управление штаба РККА.

В начале 1921 года состоялось заседание оперативного совета ВЧК под председательством начальника Особого отдела В. Р. Менжинского. В первом пункте повестки дня значилось: «О проекте разложения врангелевцев». Судя по составу участников (Т. П. Самсонов, Г. И. Благонравов, Г. Г. Ягода, А. Х. Артузов, З. Б. Кацнельсон), предполагалось задействовать возможности всех оперативных отделов. Хотя мы не располагаем перечнем выработанных чекистами мер, но, зная последующие события, можно вполне обоснованно предположить, что предусматривалось использовать разногласия среди генералитета, между различными группами офицеров и политиков и, активно используя агентуру, склонить высокопоставленных врангелевцев к возвращению на родину, добиться от них публичного заявления об отказе продолжать борьбу с новой властью.

План этот был вполне реален. Надо сказать, что в 1921 году Иностранный отдел ВЧК и Разведуправление Красной Армии уже имели активно действующие заграничные резидентуры в некоторых центрах военной эмиграции. Работали чекисты и в Константинополе. Кроме этого, своими оперативными возможностями располагала в Турции Всеукраинская ЧК, а также подчиненная М. В. Фрунзе разведка войск Украины и Крыма.

Некоторые агенты из числа офицеров Белой армии были завербованы еще до эвакуации войск из Крыма. Достаточно сказать, что на связи с подпольными большевистскими организациями постоянно находились сотрудник оперативного отдела штаба А. И. Деникина В. Борисов и адъютант губернатора Крыма поручик С.

Тимофеев. Об этих людях, конечно же, было известно в особых и разведывательных отделах Красной Армии.

Среди офицеров и генералов, на которых прежде всего обратили свое внимание советские спецслужбы, наиболее заметной фигурой был, несомненно, защитник Крыма от Красных войск генерал-лейтенант Яков Александрович Слащёв, отстраненный Врангелем от командования корпусом.

Для ВЧК и Разведупра не составляли секрета «особые» отношения Слащёва с Врангелем. В руки чекистов попали многочисленные документы белогвардейской контрразведки, среди которых были материалы и на Слащёва.

В Константинополе опальный генерал вновь оказался под «опекой» контрразведки Врангеля, трудившейся под покровительством французских и английских спецслужб.

Впрочем, пристальное внимание контрразведки отнюдь не испугало Слащёва и никак не повлияло на его взгляды. Не прошло и месяца после эвакуации, как он, в ответ на резолюцию собрания русских общественных деятелей в поддержку Врангеля, направил председателю этого собрания письмо, в котором резко критиковал главнокомандующего и его ближайшее окружение.

Кроме этого, Слащёв активно взялся за подготовку к печати книги с невинным, на первый взгляд, названием — «Оборона Крыма. Мемуары генерала Слащёва-Крымского». А близкие к генералу офицеры повели в войсковых лагерях активную агитацию, в основу которой были положены факты, дискредитирующие Врангеля как военачальника и государственного деятеля. Агитация имела некоторый успех, особенно среди офицеров кавалерийских полков.

Реакция Врангеля последовала незамедлительно: он издал приказ о создании суда чести генералов. Первым

и, наверное, единственным делом, которое рассмотрел этот суд, было дело Слащёва. Решением суда его уволили со службы без права ношения мундира. Генерал Слащёв был исключен из списков армии, что, кроме всего прочего, лишало его какого-либо денежного содержания и обрекало на нищенское существование. Более того, ему предлагалось немедленно покинуть Константинополь.

Однако Слащёв и не думал никуда уезжать, а, напротив, стал еще решительней в своих действиях. На его квартире в Скутари (район Константинополя) регулярно стали собираться офицеры и разрабатывать планы смещения главнокомандующего. Парижская эмигрантская газета «Последние новости» писала, что на вызывающие действия Слащёва обратили внимание французские власти (читай — контрразведка), «которые нашли, что всякая агитация против генерала Врангеля подрывает дисциплину в войсках, и предложили генералу Врангелю арестовать Слащёва». Главнокомандующий возражал против крайних мер. Тогда, воспользовавшись отъездом Врангеля, французы сами заключили Слащёва и группу его офицеров под домашний арест.

Но и это не остановило отставного генерала. Несмотря на то что редактор его книги генерал Н. А. Киленин испугался последствий и прекратил работу над рукописью, Слащёв сам переработал текст и все же довел дело до издания. В этом ему помог некий Ф. И. Баткин, о котором речь впереди.

Окончательный вариант книги назывался «Требую суда общества и гласности». Само название говорило о том, что автор не сдался, а, наоборот, настроен на дальнейшую борьбу.

Книгу продавали буквально из-под полы. Контрразведчики гонялись по пятам за продавцами, как правило, нищими офицерами, и арестовывали тех, кто

приобретал ее. В Галлиполийском лагере, где находилось более 10 тысяч солдат и офицеров, жестоко наказывали тех, у кого обнаруживали книгу Слащёва.

Борьба Слащёва с врангелевским окружением и непосредственно с бароном вносила раскол в побежденную, но не сломленную до конца Белую армию, что полностью соответствовало интересам ВЧК и Разведупра РККА в Константинополе. Поэтому, не отказываясь от работы с другими генералами и офицерами, советские спецслужбы сосредоточили свои усилия (по крайней мере, с февраля 1921 года) на Слащёве и разделявших его взгляды офицерах.

Было признано необходимым послать в Турцию ответственного сотрудника с поручением установить непосредственные контакты с генералом, а вернее с генералами, поскольку в группу Слащёва входил и бывший помощник военного министра Крымского правительства, председатель Татарского комитета в Турции генерал А. С. Мильковский.

Уполномоченным ВЧК стал Я. П. Тененбаум. Его кандидатуру предложил будущий заместитель председателя ВЧК И. С. Уншлихт — они вместе работали на Западном фронте, где Тененбаум под руководством Уншлихта занимался разложением польской армии и весьма преуспел в этом. Кроме того, Тененбаум обладал богатым опытом подпольной работы, хорошо знал французский язык, что в Константинополе могло пригодиться, с учетом активности французской контрразведки. Перед выездом Ельского (под таким псевдонимом отправлялся в Константинополь Тененбаум) его лично инструктировали И. С. Уншлихт и председатель РВСР Л. Д. Троцкий.

Первые контакты уполномоченного ВЧК со Слащёвым состоялись в феврале 1921 года. Они носили скорее разведочный характер: уточнялись позиции сторон, определялись возможные совместные действия

в Константинополе. Ельский не имел тогда полномочий на предложение Слащёву возвратиться в Россию. Еще свежи были воспоминания жителей Николаева и других городов о жестокости генерала. Не готовы были на такой шаг и в Москве. Даже спустя полгода, в ноябре, В. И. Ленин воздержится при голосовании в Политбюро ЦК РКП (б) по вопросу о разрешении Слащёву вернуться на родину.

В свою очередь, и Слащёв не мог не колебаться, обдумывая решение о выезде в Советскую Россию. Эмигрантские газеты были полны сообщений о массовых расстрелах в Крыму и других районах бывших офицеров и царских чиновников. На территории России и Украины продолжалась «малая» гражданская война. Кронштадтское восстание, ожесточенные схватки с махновцами, вспышки крестьянских бунтов в Сибири.

Обо всем этом Слащёв хорошо знал и ясно отдавал себе отчет, что в такой обстановке его жизнь не будет стоять и ломаного гроша.

Встречи со Слащёвым Ельскому приходилось устраивать, соблюдая строжайшую конспирацию. Он использовал все свои навыки старого подпольщика, чтобы обезопасить себя и офицеров, с которыми поддерживал связь, от провала на начальной стадии работы. Ведь в Константинополе действовали, по крайней мере, три официальные контрразведки. Все они хорошо оплачивались и могли вербовать многочисленных агентов для выявления подпольной работы большевиков.

Главным объектом их устремлений являлась Российско-Украинская торговая миссия, сотрудники которой не без основания подозревались в агитации среди врангелевских солдат за возвращение домой. Переполох среди контрразведчиков вызвало появление в середине февраля 1921 года первого номера подпольной газеты «Константинопольские известия»,

органа городского комитета коммунистической партии. Усиливалась агитация и непосредственно в военных лагерях.

В целях большей безопасности Слащёв со своим начальником штаба генералом Дубяго и другими офицерами поменял место жительства, снял дачу на берегу Босфора и организовал товарищество по обработке фруктовых садов. В это же время Ельский добивается через Дзержинского, чтобы ему прислали моторную лодку, которую, вероятно, он предполагал использовать для вывоза генерала и его группы из Турции в случае непредвиденных обстоятельств.

Шло время. День ото дня Слащёв все больше укреплялся в мысли просить советские власти разрешить ему вернуться.

Окончательное решение созрело у него в мае. По крайней мере, именно в мае чекисты перехватили письмо из Константинополя в Симферополь с сообщением, что Слащёв выражает желание вернуться на родину, чтобы отдать себя в руки Советского правительства. Письмо было адресовано артисту Симферопольского театра М. И. Богданову, а автором письма был Федор Исаакович Баткин.

Здесь настало время пояснить, кто же такой Баткин и почему он знает самые сокровенные мысли генерала Слащёва. Недоучившийся студент, в феврале 1917 года — член севастопольской эсеровской организации, он был призван тогдашним командующим Черноморским флотом вице-адмиралом А. В. Колчаком на военную службу и стал одним из руководителей так называемой Черноморской делегации, командированной на Балтийский флот, Западный и другие фронты, чтобы побудить матросов и солдат вести войну до победного конца.

В ноябре того же 1917 года Баткин уезжает в Новочеркасск, участвует в знаменитом «ледяном»

походе под руководством генерала Л. Г. Корнилова. При правлении А. И. Деникина работает в отделе пропаганды — «Осваге». Летом 1920 года эмигрирует в Турцию, сотрудничает в газетах Константинополя и в качестве журналиста сближается с прибывшим из Крыма Слащёвым, надеясь получить от него документы о действиях врангелевцев в Крыму для своей будущей книги. Эта короткая информация о Баткине необходима для того, чтобы читатель мог представить себе его личность, весьма склонную к авантюрам и непродуманным действиям.

Тем временем в Симферополе уполномоченный Всеукраинской ЧК С. Б. Виленский, курировавший по указанию Дзержинского операцию возвращения генерала Слащёва в Россию, завербовал получателя письма Баткина — артиста Богданова, и направил его в Константинополь с заданием: выйти на связь со Слащёвым и оказать содействие в организации выезда генерала в Крым.

Прибыв в Турцию, Богданов первое время точно выполнял задание чекистов: установил контакт с Баткиным и через него со Слащёвым; сообщил генералу, что ему обещана полная амнистия и даже должность в Красной Армии.

Но, освоившись в Константинополе, Богданов стал необдуманно расширять круг связей среди белоэмигрантов, выдавая себя чуть ли не за официального представителя Советского правительства по организации репатриации врангелевцев на родину. Вполне естественно, что он попал в поле зрения врангелевской контрразведки. В результате намеченный план возвращения Слащёва оказался под угрозой срыва. Кроме этого, обещанные чекистами деньги для передачи капитану судна, на котором предполагалось вывезти Слащёва из

Константинополя, пока не подоспели. Начало операции пришлось отложить.

Организуя возвращение Слащёва, чекисты действовали на свой страх и риск, поскольку конкретного решения на сей счет руководство Советской республики, а конкретно Политбюро и ЦК РКП (б), к тому времени еще не приняло.

Богданов вернулся в Севастополь для отчета и вновь появился в Турции уже в сентябре. Однако поведения своего не изменил. По Константинополю поползли слухи о возможном отъезде Слащёва в Россию.

Надо сказать, что помимо ВЧК в Константинополе развернула свою деятельность и военная разведка Красной Армии. При этом заинтересованного взаимодействия двум службам наладить не удалось. Сейчас трудно сказать, где оборвалась цепь — то ли наверху, в Москве, то ли на уровне исполнителей в Константинополе. Но потеря контакта в работе по группе Слащёва была налицо. Ничем другим нельзя объяснить тот факт, что в Политбюро ЦК РКП (б) в начале октября 1921 года поступил на рассмотрение доклад сотрудника разведупра войск Украины и Крыма Дашевского с предложениями по переброске генерала и ряда офицеров из Турции на советскую территорию.

Первоначально о своих соображениях Дашевский сообщил секретарю ЦК Компартии Украины Ф. Я. Кону, а тот немедленно связался с Л. Д. Троцким. Было решено направить Дашевского со всеми материалами в Москву.

Изучив привезенные Дашевским предложения, Троцкий написал записку в Политбюро: «...Считаю, что нужно «условия» принять, т. е. переправить их в Россию. Формальное руководство делом было возложено на т. Дзержинского. Может быть, послать т. Дашевского к Дзержинскому?»

Разведупровские материалы Троцкий переслал Ленину.

Председатель Совнаркома, со своей стороны, предложил для детального обсуждения и подготовки проекта окончательного решения создать комиссию в составе Л. Б. Каменева, И. В. Сталина и К. Е. Ворошилова.

На состоявшемся 7 октября 1921 года заседании Политбюро ЦК РКП (б) предложение Ленина было поддержано, и в тот же день комиссия приступила к работе, а к вечеру Каменев подготовил проект решения Политбюро. В нем говорилось, что целесообразно «предложение признать приемлемым, т. е. согласиться на переправку Слащёва и компании в Россию». Кроме того, предусматривалось поручить Уншлихту вызвать к себе Дашевского, проверить все еще раз (под этим понималось сопоставить данные военной разведки с материалами ВЧК) и принять на себя непосредственное руководство дальнейшим проведением операции.

Несмотря на то что Ленин воздержался от голосования при утверждении этого решения, Политбюро не нашло причин для отклонения проекта и утвердило его на своем заседании 10 октября.

Таким образом, вопрос был решен на самом высоком уровне.

Теперь предстояло продумать последующие за возвращением Слащёва действия и прежде всего то, как эффективнее использовать репатриантов для дальнейшего разложения белой эмиграции. Предварительное заключение на эту тему представили в Политбюро Уншлихт и Троцкий.

Они предложили объединить усилия ВЧК, РВСР и Наркоминдела, чтобы в кратчайший срок составить сообщение для информационных агентств и прессы о возвращении группы Слащёва, используя максимально точно показания генерала и его офицеров о причинах

их перехода на сторону Советской власти. Одновременно с этим, прибывшие должны были составить воззвание к остаткам белых армий за границей, которое незамедлительно было бы опубликовано в газетах.

Никаких ответственных постов в Красной Армии этой группе реэмигрантов предоставлять не предполагалось.

Уншлихт и Троцкий считали, что главным занятием генерала Слащёва должно стать написание мемуаров. Причем до опубликования этих мемуаров всей группе рекомендовалось воздерживаться от каких бы то ни было контактов.

Предложения зампреда ВЧК и председателя РВСР 18 ноября были утверждены Политбюро ЦК РКП (б).

Итак, решение высшего политического руководства страны состоялось.

Но, не дожидаясь его, подгоняемые обстоятельствами исполнители операции в Константинополе активизировали свои действия уже с середины октября.

Тененбаум (Ельский) фактически прекратил контакты со Слащёвым, сосредоточив свои усилия на других генералах и офицерах, в том числе уезжающих в Болгарию вместе со своими частями. В ВЧК решили, что тандем Баткин — Богданов имеет больше шансов на успех.

На первую роль выходит Баткин. Он даже переехал на дачу, арендуемую Слащёвым, и оттуда через своих агентов организовывал отъезд. Дело стопорилось отсутствием денег. Капитан итальянского парохода «Жан» требовал значительную сумму в турецких лирах, а курьер из Севастополя по неизвестной причине задерживался. Наконец, он прибыл, но вызвал подозрения у английской охраны порта и был арестован.

Баткину пришлось задействовать все мыслимые и немыслимые связи, истратить остатки денег, привезенных Богдановым в сентябре, чтобы освободить торговца-курьера. И вот к концу октября все было закончено.

Тайные помощники Баткина распустили слух о серьезности намерений Слащёва уехать в Россию якобы с целью объединения «зеленого» движения и руководства им в борьбе с большевиками. Эта информация, как и было задумано, дошла до французской и английской контрразведок и несколько усыпила их бдительность.

Слащёву и его единомышленникам удалось незамеченными покинуть дачу на берегу Босфора, пробраться в порт и погрузиться на пароход «Жан». На заключительном этапе операции хорошо себя проявил близкий друг Баткина — М. Сеолев, бывший личный адъютант Деникина. Через три месяца Баткин и Сеолев тоже окажутся в Крыму. Но это уже другая история.

Слащёва хватились только через сутки после того, как пароход поднял якоря и полным ходом двинулся в сторону Севастополя. Отряд французской полиции во главе с начальником контрразведки утром 6 ноября оцепил дачу Слащёва. Заняв все входы и выходы, полиция приступила к тщательному обыску, продолжавшемуся несколько часов. Ничего существенного не найдя, французы арестовали Баткина, увезли в контрразведку и допросили.

Чтобы направить следователей по ложному пути, «начальник политической части у Слащёва», как называли Баткина эмигрантские газеты, заявил, что генерал на моторной лодке отплыл в Болгарию, а оттуда поедет в Севастополь.

Эту версию подхватили газетчики, дополняя ее слухом о намерениях Слащёва продолжить борьбу с

Советской властью в южных районах России и на Украине.

Однако уже на следующий день все стало ясно: Слащёв вернулся на родину не для того, чтобы бороться с большевиками.

Об этом свидетельствовало заявление генерала, составленное им накануне отъезда из Константинополя и не без участия Баткина опубликованное в нескольких эмигрантских газетах: «В настоящий момент я нахожусь на пути в Крым, предположения и догадки, будто я еду устраивать заговоры или организовывать повстанцев, бессмысленны. Революция внутри России кончена. Единственный способ борьбы за наши идеи — эволюция. Меня спросят, как я, защитник Крыма от красных, перешел теперь на сторону большевиков. Отвечаю: защищал не Крым, а честь России. Ныне меня тоже зовут защищать честь России, и я буду выполнять свой долг, полагая, что все русские, в особенности военные, должны быть в настоящий момент на Родине».

Французская контрразведка через агентуру из числа русских эмигрантов быстро выяснила, что вместе со Слащёвым тайно уехали бывшие помощник военного министра Крымского краевого правительства генерал-майор А. С. Мильковский, комендант Симферополя полковник Э. П. Гильбих, начальник личного конвоя Слащёва полковник М. В. Мезерницкий, а также капитан Б. Н. Войнаховский, жена Слащёва со своим братом и брат Федора Баткина — Анисим.

И англичане, французы, и генерал Врангель вынуждены были признаться (хотя бы самим себе), что чекисты переиграли их контрразведывательные службы, которые, располагая информацией о контактах Слащёва с большевистскими представителями, не смогли локализовать действия своих противников.

Через сутки капитан «Жана» пришвартовал свой пароход к причалу в севастопольской бухте. Его

пассажиров на пирсе встречали сотрудники ВЧК, а на вокзале, «под парами» стоял личный поезд Дзержинского. Глава Чрезвычайной комиссии прервал свой отпуск и вместе со Слащёвым и его группой выехал в Москву.

23 ноября 1921 года в «Известиях» было опубликовано правительственное сообщение о прибытии в Советскую Россию Я. А. Слащёва и группы военных.

Чекист из общепита

Жарким июльским днем 1933 года в небольшом конференц-зале столичного объединения «Моснарпит» собрался почти весь коллектив этого учреждения. Предстояло открытое партийное собрание ячейки ВКП(б), посвященное проверке (а фактически — чистке) членов партии. Список тех, кто подвергался проверке, открывал руководитель аппарата «Моснарпита» Ян Каликстович Ольский (Куликовский).

О чем угодно спрашивали Яна Каликстовича — о взаимоотношениях с сотрудниками, о количестве созданных под его руководством столовых на заводах и фабриках столицы, об отношении к оппозиции в партии. Но что удивительно, никто из участников собрания не поинтересовался у Ольского причиной перехода его, опытного чекиста, руководителя советской контрразведки, в сферу общественного питания.

Из автобиографии: «В 1915–1916 годах... с группой товарищей: Корейво, Юхневич, Клыс и другие (сейчас все члены ВКП(б)) создали нелегальный кружок польской молодежи, который был после преобразован в Союз польской социалистической молодежи... и связан с социал-демократией Польши и Литвы (Лещинским-Ленским, Берковичем, Циховским и др.). В 1917 году, после Февральской революции, почти весь союз вступил в группу социал-демократов Польши и Литвы».

Революционная работа свела Яна Куликовского с людьми, которые во многом определили его дальнейшую судьбу. Это были будущий председатель Всероссийской Чрезвычайной комиссии Феликс Эдмундович Дзержинский и его соратник Иосиф Станиславович Уншлихт. Именно они в октябре 1917 года рекомендовали Куликовского для избрания

секретарем польской секции петроградской большевистской организации и одновременно привлекли к технической работе в Военно-революционном комитете, занятом в тот период подготовкой восстания.

В разгаре гражданская война. Петроградский комитет РКП(б) мобилизует большую группу коммунистов в Красную Армию. Ян Куликовский не может остаться в стороне и рядовым бойцом вступает в одну из формирующихся воинских частей. Но совершенно неожиданно ему дают новое назначение на подпольную работу в его родной город Вильно. Объявив друзьям и знакомым, что уезжает на фронт, Куликовский незаметно исчезает из Петрограда и переходит линию фронта. А через несколько дней на явочную квартиру виленских подпольщиков зашел молодой человек и, обменявшись паролем с хозяином, представился: «Ольский, Ян». С этого времени свою настоящую фамилию — Куликовский — Ян Каликстович будет упоминать только в официальных анкетах.

В один из августовских дней 1919 года его пригласил к себе член Реввоенсовета 16-й Красной Армии Уншлихт: «Слушай, Янек, я внимательно изучил представленные тобой материалы по ревизии губернского чекистского аппарата в Минске и пришел к выводу, что опыт подпольщика, навыки партийной и советской работы позволяют тебе объективно судить о деятельности органов ЧК, давать неплохие рекомендации. Но это, как говорится, взгляд со стороны. Думаю, для общего дела будет лучше, если ты непосредственно займешься борьбой с контрреволюцией и шпионажем. Давай-ка возвращайся в Вильно и вместе с Филиппом Медведем организуй там особый отдел. Вот тебе предписание Центрального Комитета».

Так начался новый период в жизни Яна. 13 последующих лет посвятил он чекистской работе. Из автобиографии: «...С августа 1919 года работаю в органах ВЧК—ОГПУ. Был начальником особого отдела 16-й Армии, в 1920 году назначен особоуполномоченным особого отдела Западного фронта... При формировании 1-й Польской Красной Армии мне была поручена организация ее особого отдела, а после я вновь назначен в 16-ю Армию».

Осенью 1920 года по инициативе РСФСР и Украины начались переговоры с буржуазно-помещичьей Польшей, завершившиеся (хотя и с большим трудом) подписанием договора о перемирии. Естественно, что в договоре нельзя было предусмотреть все нюансы, поэтому возникали спорные вопросы, в том числе между противостоящими друг другу войсками. Для их решения стороны обменялись группами офицеров связи.

Одна из таких групп находилась и при штабе 16-й армии. Но, как вскоре выяснилось, польских представителей больше занимал поиск путей для сбора разведывательной информации о красноармейских частях, а не исполнение дипломатических функций. Это не осталось незамеченным военными контрразведчиками. Если бы не решительные действия чекистов, возглавляемых Яном Каликстовичем, то тайная возня польских офицеров могла привести к весьма опасным последствиям для наших войск.

Дело в том, что руководители миссии связи майор Равич-Мысловский и подхорунжий Езерский успели-таки установить связь с существовавшей еще с 1918 года польской шпионской организацией в Могилеве. В той или иной степени на Равича работали 58 человек, среди которых были командиры и солдаты, железнодорожники, служащие органов снабжения армии и даже... несколько поляков — сотрудников особых отделов. Один из предателей вознамерился

передать «дипломатам» шифр особого отделения 1-й дивизии, другой даже обратился с письмом к польским военным представителям с перечнем услуг, которые он бы мог оказать в обмен на содействие после бегства в Польшу. Медлить было нельзя. Раскрыв в полном объеме шпионскую деятельность Равича и имея на руках неопровержимые улики, особый отдел армии в начале января 1921 года приступил к ликвидации разросшегося филиала польской разведки.

Итог пребывания Равича и Езерского в Могилеве был печальным: все завербованные ими агенты провалились, а сами они по возвращении в Польшу преданы военно-полевому суду как не обеспечившие выполнение важных заданий Генерального штаба.

За операцией в Могилеве последовало раскрытие крупной шпионской организации в Витебске. И там Ян Каликстович проявил себя как грамотный и решительный контрразведчик.

Закончилась война. Прекращение боевых действий на польском фронте позволило приступить к налаживанию хозяйственной жизни в Белоруссии. Но тайная война не прекращалась. С согласия и при всевозможной поддержке военных и разведки в Польше формировались, а затем перебрасывались в Белоруссию разномастные вооруженные банды. К маю 1921 года на территории республики уже насчитывалось до четырех тысяч бандитов. «Лесное воинство» постоянно пополнялось за счет все новых и новых групп, просачивавшихся через бреши в охране границы.

В начале лета в Минск прибыла специальная комиссия во главе с Уншлихтом и Каменевым. Выслушав доклады военных и чекистов, они поддержали предложение о создании Реввоенсовета Минского района, наделенного чрезвычайными полномочиями по борьбе с бандитизмом. В его состав вошли командующий 16-й армией Иероним Уборевич, нарком

по военным и внутренним делам Иосиф Адамович и председатель Белорусской ЧК Ян Ольский. Чекистам поручалось не только обеспечить войска информацией о местонахождении и численности банд, но и разгромить подпольные националистические и савинковские организации, тесно связанные с вооруженными группировками.

Прицельные удары белорусского ЧК и особых отделов бандиты ощутили очень скоро. В Шуменском уезде удалось вскрыть и ликвидировать контрреволюционную группу савинковского союза, руководившую кровавыми налетами на безоружные крестьянские селения. Недолго просуществовал и так называемый Западный областной комитет с его филиалами в нескольких белорусских городах. Но предстояла еще упорная борьба. Реввоенсовет Минского района издал приказ о сохранении на территории Белоруссии военного положения.

16 декабря 1921 года, выступая на III Всебелорусском съезде Советов, председатель республиканской ЧК Ян Ольский с уверенностью заявил, что «бандитизм к данному моменту полностью ликвидирован». По докладу Яна Каликстовича участники съезда приняли резолюцию, где деятельность чекистов признавалась правильной. Съезд вновь утвердил Ольского председателем Белорусской чрезвычайной комиссии. Отмечая заслуги Яна Каликстовича в деле искоренения бандитизма, президиум ЦИК Белоруссии направил ему письмо с выражением благодарности, а Реввоенсовет наградил орденом Красного Знамени.

В 1923 году, по настоянию заместителя председателя ОГПУ Уншлихта, Ольского переводят на работу в Москву, где он возглавляет одно из подразделений контрразведки. Кто-то может подумать: все понятно, свою роль сыграли высокопоставленные

связи, вот и взяли в центральный аппарат. Да, Ян Каликстович был непосредственно знаком с некоторыми руководителями ОГПУ, но дело совсем не в связях. Читаем характеристику, выданную комиссией по аттестации сотрудников ОГПУ: «Работоспособный, с широкой инициативой, безусловно, честный, усовершенствованно знакомый со всеми отраслями чекистской работы... Имеет колоссальные заслуги в области разработок разных контрреволюционных и шпионских организаций, известных ВЧК. Вполне соответствует своему назначению и, несмотря на молодость (родился в 1898 г.), способен занимать более высший пост». Это сказано о 24-летнем Ольском еще за год до переезда его в столицу.

В середине 1924 года в ОГПУ создается отдел пограничной охраны, и первым его руководителем становится Ян Каликстович, одновременно назначенный главным инспектором войск ОГПУ и начальником Высшей пограничной школы. Даже по тем временам нагрузка на его плечи легла немалая. Охрана наших рубежей, по существу, только приобретала облик стройной системы, сочетающей войсковое прикрытие и чекистскую работу в местах наиболее вероятного проникновения противника.

Значительную активизацию оперативной работы в приграничных районах отметил начальник КРО ОГПУ А. Х. Артузов. Видимо, не без его участия Ольский реализовал свое стремление вернуться в контрразведку. В конце 1925 года он стал помощником Артузова, а через некоторое время — заместителем. Во второй половине 20-х годов Ольскому пришлось руководить многими операциями чекистов и лично участвовать в наиболее важных мероприятиях. В этот период его работа отмечена двумя знаками «Почетный чекист», а к десятилетию органов госбезопасности коллегия ОГПУ наградила его почетным боевым

оружием с надписью «За беспощадную борьбу с контрреволюцией». В 1927 году Ян Каликстович сменил на должности начальника контрразведывательного отдела легендарного Артузова, возглавив фактически все органы борьбы со шпионажем после объединения КРО и особого отдела в единый Особый отдел ОГПУ.

1929–1931 годы — особый период в чекистской биографии Ольского. Заняв исключительно ответственный пост в центральном аппарате органов госбезопасности, Ян Каликстович много внимания уделял обеспечению законности в деятельности чекистов и особенно следователей. Известны многочисленные факты, когда он жестко реагировал на нарушения закона со стороны работников ОГПУ. Даже по его коротким заметкам на полях документов и записок, адресованных Главному военному прокурору, можно судить, как дальновиден был Ольский, как он стремился предостеречь своих коллег и подчиненных от пренебрежения нормами закона при ведении следствия. Совместно с работниками ГВП он подготовил циркуляр, в котором категорически требовал от начальников особых отделов обеспечить соблюдение законности, устранить трения с военной прокуратурой.

Процесс устранения разногласий между военной прокуратурой и органами ОГПУ протекал сложно. Однако Ян Каликстович и его ближайшие сотрудники смогли стать выше ведомственных амбиций во имя интересов тех, кто по каким-либо причинам оказался под следствием. Ведь не секрет, что в ОГПУ тех лет торжествовал иной подход: арестовать побольше подозреваемых, а уж потом послушные следователи сумеют слепить дело любых размеров.

Ветераны-чекисты вспомнили немало фактов столкновений Яна Каликстовича с заместителем председателя ОГПУ Ягодой. И если бы не поддержка таких известных чекистов, как Е. Евдокимов, С. Мессинг,

С. Реденс, то очень сомнительно, что Ольский остался бы в центральном аппарате ОГПУ.

Однако конфликт с Ягодой усиливался, и кульминация его пришлась на лето 1931 года, когда принималось решение по малоизвестному в исторической литературе, но значительному по масштабам делу «Весна». Возникло оно на Украине, а вдохновителем и организатором всех мероприятий по нему стал печально известный Леплевский, расстрелянный впоследствии за грубейшие нарушения законности. При явной поддержке Ягоды он хотел раздуть дело «Весна» до масштабов «Промпартии», и это ему удалось. В числе арестованных оказались известные военные специалисты, такие, как Верховский, Какурин, Линтау, Лукирский, Свечин, Снесарев и многие другие. Ольский и его непосредственный начальник Евдокимов резко выступили против арестов, проводимых по делу «Весна». Они допросили многих содержащихся под стражей военных, изучили большое количество документов и утвердились в своих предположениях: дело «Весна» — «липа».

Ягода был очень встревожен таким поворотом событий. Тем более что ему стало известно о намерении Ольского, Евдокимова и еще ряда крупных чекистов опротестовать не только дело «Весна», но и некоторые другие и довести до руководства страны, что ОГПУ сворачивает на путь чрезмерных репрессий. Ягода кинулся за советом к тогдашнему руководителю Московского горкома Лазарю Кагановичу. И не ошибся. Лазарь Моисеевич не терпел «гнилого либерализма», был сторонником применения жестких мер к любому, кто пытался противодействовать немедленному и тотальному подавлению даже потенциальных противников «генеральной линии» Сталина. Силы оказались неравными. На совещании в ЦК генсек

поддержал Кагановича и Ягоду, и по предложению Сталина в августе 1931 года было единогласно принято кардинальное решение разогнать бунтарскую группу в ОГПУ, не останавливаясь перед увольнением ее членов и переводом их на работу в гражданские учреждения.

Так Ян Каликстович Ольский оказался в системе общественного питания столицы. Этот серьезнейший поворот в своей судьбе он тяжело переживал, расставаться с делом, которому была отдана большая часть сознательной жизни, было нелегко.

Когда 30 мая 1937 года в дверь его квартиры настойчиво постучали, он сразу все понял...

Дело Ольского вел Зельман Пассов. Когда-то этот «заплечных дел мастер» работал под руководством Яна Каликстовича, ловил каждое его слово, а после событий 1931 года быстро переориентировался на леплевских, гаев, фриновских и им подобных. Зная Ольского, Пассов и не пытался его уговаривать. С первых же допросов начались избиения. «Скажи, — требовал Пассов, — что ты шпион и по заданию польской разведки внедрился в органы ВЧК, а все, что делал потом, — это лишь игра поляков, продвигавших тебя в руководящее звено ОГПУ». От Ольского добивались не только самоговора, но и признания в том, что многие ответственные чекисты состояли вместе с ним в шпионской организации. В черный список попали Уншлихт, Мессинг, Пиляр, Медведь, Бортновский, Пинталь, Глинский и многие другие чекисты.

27 ноября 1937 года Военной коллегией под председательством небезызвестного Ульриха Ольский был приговорен к высшей мере наказания — расстрелу. В тот же день приговор привели в исполнение. Тяжелая участь постигла и семью Яна Каликстовича: жена отбыла длительный срок в северных лагерях, старшего сына отдали в детский дом, младшего — приютили родственники.

Галина Бениславская не следила за Есениным

В последнее время чуть ли не во всех публикациях, приуроченных к скорбным датам кончины известных российских писателей, поэтов, деятелей науки, фигурирует ГПУ—НКВД в лице своих штатных, а чаще секретных сотрудников. Просто обязательным уже стало упоминание имен Блюмкина и Агранова.

Я вовсе не собираюсь защищать преступников, кем бы они ни были, в какой бы организации ни служили, ратую лишь за то, чтобы любая версия опиралась на факты, а не на воображение.

В поисках таких фактов мне доводилось оказывать содействие авторам, исследующим обстоятельства гибели Владимира Маяковского и Сергея Есенина. За относительно короткое время были найдены документальные материалы о Сергее Есенине, его родственниках и друзьях. Однако разработчикам версии об умышленном убийстве великого поэта хотелось получить что-нибудь эдакое, такое однозначно подтверждающее их предположение. Но *эдакого* не нашлось. И тогда страницы газеты и журналов стали заполняться домыслами. Так, в литературно-историческом журнале «Русь» Ф. Морозов без тени сомнения утверждает, будто Галина Бениславская «была приставлена ГПУ для наблюдения за поэтом». А чтобы не оставалось сомнений, имя близкого друга Сергея Есенина автор связал с «серым кардиналом» ВЧК—НКВД Яковом Аграновым, секретарем которого она якобы состояла.

Внесем ясность в этот вопрос, основываясь на материалах личного дела за номером 2389.

Да, действительно, Галина Бениславская служила в Чрезвычайной комиссии. Сохранилось ее заявление с просьбой принять на работу в Особую межведомственную комиссию при ВЧК. Судя по резолюциям, наложенным на прошение, Бениславскую определили на должность секретаря.

Для тех, кто мало знаком с историей отечественных спецслужб, поясним, что Особая межведомственная комиссия (ОМК) образовалась всего за несколько дней до того, как туда поступила Галина Артуровна. В декрете СНК говорилось, что комиссия создается для «изучения всех источников спекуляции и связанных с нею должностных преступлений...» В комиссию вошли представители почти всех хозяйственных наркоматов и один представитель от ВЧК. Поэтому чекистским аппаратом в буквальном и точном смысле этого выражения ее назвать нельзя.

Функции ОМК заключались в проведении ревизий хозяйственных органов, выработке мер по борьбе со спекуляцией и усилению ответственности должностных лиц. Каких-либо агентурно-осведомительных задач комиссия перед собой не ставила. Жизнь писателей и поэтов по вполне понятным причинам ее не интересовала — то была епархия секретного отдела ВЧК.

Итак, ясно, что «пристегивать» Бениславскую к Агранову можно лишь с помощью фантазии.

Но, может быть, Агранов позднее привлек Галину Артуровну в секретный отдел ВЧК? И на этот вопрос существует отрицательный ответ, опять же исходя из ее личного дела.

В одной из справок читаем: «Прошу сотрудницу для поручений сельскохозяйственного (подчеркнуто нами. — А. З.) отдела Бениславскую Г. А. как фактически в отделе не работающую около 4 месяцев откомандировать в административный отдел ГПУ». Этот

документ датирован 27 апреля 1922 года, а уже через пять дней была подписана бумага с указанием, что Бениславская «уволена со службы ГПУ по личному желанию и направляется в подотдел учета и распределения рабочей силы гор. Москвы».

Таким образом, сам факт пусть короткой, но официальной службы на Лубянке исключал привлечение Бениславской в качестве секретного сотрудника ГПУ. В противном случае само понятие «секретный» теряло смысл.

Несколько слов следует сказать и по поводу материалов, проливающих свет на взаимоотношения Сергея Есенина с Блюмкиным.

В архиве Федеральной службы безопасности хранится протокол заседания президиума ВЧК от 27 октября 1920 года. В тот же день рассматривались дела, расследуемые секретным отделом, поэтому в заседании участвовал и его начальник — Т. Самсонов.

В списке вторым значилось дело «Есенина Сергея Александровича, по обвинению его в контрреволюции». Докладчиком выступал уполномоченный четвертого отделения секретного отдела В. Штейнгардт.

Думается, не случайно именно ему поручил Самсонов вести дело Есенина. В отличие от многих других сотрудников отдела Штейнгардт имел достаточный оперативный опыт, работал с середины 1918 года заместителем начальника военной контрразведки, начальником особого отдела армии, руководил цензурой на Восточном фронте, наглядился за это время и на реальных, и на мнимых врагов нового режима. Он не был оголтелым и бездумным исполнителем жестких, нередко несправедливых решений. Может поэтому и сделал «карьеру наоборот»: с высоких должностей дошел до рядового уполномоченного.

Допросив Сергея Есенина несколько раз, изучив все материалы, Штейнгардт подготовил в президиум ВЧК заключение. Сейчас трудно установить, через кого вышел на Штейнгардта его старый знакомый по работе в контрразведке Яков Блюмкин, состоявший к тому времени слушателем Академии генштаба Красной Армии. Надо полагать, телефонным разговором они не ограничились.

Блюмкин передал уполномоченному ВЧК следующий документ:

«20 года, октября месяца 25, я, нижеподписавшийся Блюмкин Яков Григорьевич, проживающий в гостинице Савой № 136, беру на поруки Есенина под личную ответственность. Ручаюсь в том, что он от суда и следствия не скроется и явится по первому требованию следствия и судебных властей».

Теперь вернемся к заключению Штейнгардта. В нем указывалось, что «причастность Есенина к делу Кусикова недостаточно установлена», и предлагалось освободить поэта из-под стражи под поручительство Блюмкина.

Именно такое решение президиум ВЧК и принял.

Здесь можно пока поставить точку, сообщив читателям, что поиск новых материалов продолжается, и не только в архивах Лубянки.

Секретные лаборатории рейхсвера в России

В середине мая 1945 года советской военной контрразведкой (СМЕРШ) был задержан генерал-майор немецкой армии Нидермайер, а несколько позднее — бывший командир 41-го танкового корпуса генерал-лейтенант Гофмейстер и бывший начальник германской военно-воздушной миссии в Румынии генерал-лейтенант Герстенберг. Все трое имели самое непосредственное отношение к организации и развитию сотрудничества между Советским Союзом и Германией в военной сфере в 20—30-х годах.

Эта страница истории нашей страны до сего времени исследована очень слабо. О том, как на территории СССР немцы в секретных «школах» официально готовили своих военных летчиков, танкистов, химиков, наш дальнейший рассказ.

Политики, дипломаты и военные специалисты, кропотливо работавшие над Версальским договором, подписанным 28 июня 1919 года, не без основания считали, что теперь-то будет положен конец германской военной машине и воссоздание ее невозможно. Ведь в соответствии с текстом части 5-й договора разоружение Германии сводилось к следующему: армия не более 100 тысяч человек, используемая исключительно для поддержания порядка внутри страны; офицерский корпус всего 4 тысячи; генштаб расформировывается, и создание его впредь не допускается. Твердо устанавливались количество и виды вооружений, а его производство предусматривалось только на определенных заводах. Воспрещалось обладание Германией крупнокалиберной

артиллерией и танками. Постройка и приобретение подводных лодок не разрешались.

Все ограничения должны были строго контролироваться особыми межсоюзническими комиссиями, имеющими свои филиалы и специальных уполномоченных в различных районах Германии.

Но немецкие военные довольно быстро избавились от синдрома побежденных. Они исходили из того, что государство без сильной армии — это и не государство вовсе, а посему Германии еще потребуются обученные, хорошо вооруженные дивизии и армии. Предстояла огромная, тщательно укрываемая от посторонних глаз работа. Ею занялись в военном министерстве и нелегально продолжавшем существовать генеральном штабе.

В числе первых мероприятий предполагалось вновь призвать на военную службу разбежавшихся было по разным фирмам и конторам, поступивших в гражданские учебные заведения бывших офицеров, и прежде всего офицеров генерального штаба.

Не пришлось доучиться в Мюнхенском университете и капитану Нидермайеру. В 1920 году он назначается адъютантом военного министра Гесслера, а в конце года возглавляет секретный реферат по германо-советскому военному сотрудничеству при главнокомандующем сухопутными войсками генерале фон Секте. Генерал был хорошо осведомлен о предшествующей карьере Нидермайера и не сомневался, что он человек надежный и с успехом справится с любыми деликатными поручениями.

Биографическая справка.

Оскар фон Нидермайер, 1885 г. рождения, уроженец г. Фрайсмиг (Бавария), сын

архитектора. Службу в германской армии начал в 1905 г. в артиллерии. Окончив военную школу, с 1912 по 1914 г. участвовал в научной (читай: разведывательной. — А. З.) экспедиции в Персию, Индию, Египет, Палестину, Сирию. Перед Первой мировой войной был в секретной командировке во Франции. С началом боевых действий направлен генеральным штабом на Ближний Восток с целью склонить Афганистан к вступлению в войну на стороне Германии, организовать повстанческое движение против англичан в Иране, Белуджистане и Индии. По окончании работы в июне 1916 г. возвратился в Германию, был принят кайзером Вильгельмом, представлен к высшему ордену и зачислен на службу в генеральный штаб. Владел шестью иностранными языками.

Широкий кругозор, умение разбираться в сложных военно-политических вопросах, опыт разведчика и хорошее знание русского языка предопределили дальнейшую специализацию Нидермайера. По указанию фон Секта он сосредоточился на практической реализации достигнутых договоренностей между германскими и советскими представителями о развертывании военного и военно-экономического сотрудничества. Генеральный штаб Германии считал, что в результате сотрудничества с Россией удастся решить такие важные задачи, как поддержание на должном уровне знаний и навыков старых офицеров и подготовка новых кадров; сохранение от полного уничтожения военной промышленности; проведение исследовательских и опытно-конструкторских работ в направлении совершенствования основных видов вооружений, прежде всего танков, самолетов, подводных лодок.

И все это необходимо было осуществить незаметно, обойдя систему контроля со стороны стран — участниц Антанты. Поэтому советско-германские контакты по военным вопросам всячески конспирировались.

...Летом 1921 года в советской миссии в Берлине «встал на учет» новый сотрудник по фамилии Нейман. В миссии он не появлялся и вообще о его существовании знал очень ограниченный круг лиц. Дело в том, что документы на имя Неймана были оформлены Оскару фон Нидермайеру для негласных поездок в Советскую Россию.

Первый раз он пересек нашу границу летом 1921 года. Вот как он сам охарактеризовал цель и содержание поездки на одном из допросов в 1945 году: «Должен сказать, что в Россию я прибыл как личный представитель военного министра Германии с задачей выявления возможности развития в России тяжелой индустрии и военной промышленности. Был я в первый раз в Москве 2–3 недели и по указанным вопросам имел беседы с Троцким, Рыковым и Чичериным». Нидермайер посетил ряд оборонных предприятий, на которых предполагалось использовать немецких специалистов и разместить военные заказы.

В поездке его сопровождал прибывший с ним из Берлина В. Л. Копп (руководитель советской миссии по делам военнопленных, а фактически неофициальный посол в Германии) и заместитель наркома иностранных дел Л. М. Карахан. В завершение визита Нидермайер встретился с представителями заинтересованных наркоматов и согласовал с ними некоторые вопросы дальнейшего сотрудничества.

Во второй половине 1921 года переговоры между Советской Россией и Германией велись довольно интенсивно на различных уровнях. Для уточнения и детального изучения возникавших проблем немецкое военное министерство вновь направило Нидермайера-

Неймана в Москву. В частности, он должен был договориться с советскими военными, где наиболее выгодно строить авиационные, танковые и химические заводы.

К этому времени Оскар получил повышение по службе, был назначен членом комиссии военного министерства и трудился в секторе по восстановлению промышленности.

На одном из допросов в 1945 году Нидермайер показал, что именно он первым доложил своему министерскому руководству, что производство оружия целесообразно развернуть преимущественно в Советской России, и все имеющиеся финансовые средства и необходимых специалистов направить именно туда. Заметим, что представители германского генштаба вели в это же самое время переговоры об изготовлении вооружения в Испании, Венгрии, Финляндии и некоторых других странах. Предполагалось, например, подводные лодки строить в Финляндии, а в Венгрии развивать химическую промышленность. Были также достигнуты договоренности со швейцарскими фирмами «Бофорс» и «Эрликон», голландской самолетостроительной фирмой «Фоккер».

Но Нидермайер, идеи которого полностью совпадали с намерениями главнокомандующего рейхсвера фон Секта, настойчиво добивался расширения сотрудничества с нашей страной.

В начале 1922 года «гражданин Нейман» снова прибыл в Москву. В этот раз с ним был один из директоров крупновской фирмы Польш. В сопровождении Коппа и представителя ВСНХ они осмотрели московский завод «Динамо» и авиационный завод в Филях, побывали в Петрограде на Путиловском и на судостроительных верфях, посетили Рыбинский моторостроительный

и другие заводы. Вся поездка продолжалась четыре недели.

Возвратившись, Нидермайер и Поль представили фон Секту подробную докладную записку, на основе которой последний проводил переговоры с немецкими промышленниками.

Челночные рейсы продолжались и в последующем. Через несколько месяцев вместе с офицером генштаба Чунке (выступавшим под псевдонимом Тейхман) и специалистами фирмы «Юнкерс» Нидермайер вновь появился в Советской России. На этот раз совместно с начальником ВВС РККА Петром Барановым и сотрудниками соответствующих управлений ВСНХ решались практические вопросы о развитии авиационной промышленности. Во время этого и предыдущих визитов «двойника» в Москву была достигнута также принципиальная договоренность о создании в Советской России немецких офицерских школ. (Тут надо заметить, что, вероятно, Нидермайер ошибается, относя эту встречу к концу 1922 года, поскольку П. И. Баранов только в 1924 году был назначен заместителем начальника Военно-воздушных сил, а начальником стал в 1925 году. В конце 1922 года Нидермайер мог встречаться с Барановым как с начальником Бронетанковых сил РККА и обсуждать проблемы создания танковой промышленности.)

Многое, о чем договорились Германия и Россия, далеко выходило за рамки Версальского договора. Чтобы избежать крайне нежелательной огласки разворачивающегося военного сотрудничества, немецкое военное министерство образовало якобы независимое промышленное общество «ГЕФУ», которое должно было взять на себя финансирование и координацию действий по осуществлению совместной программы производства вооружения. Майор

германского генштаба Чунке формально был с военной службы уволен и стал руководителем «ГЕФУ».

После создания «ГЕФУ» Нидермайера назначили начальником службы генштаба по русским вопросам. Сфера его деятельности в рамках советско-германского военного сотрудничества расширяется. Мимо него теперь не проходит практически ни один более или менее серьезный вопрос, касающийся СССР. По словам Оскара, в его задачу входило информировать генерала Секта и начальника генерального штаба Хассе о ходе работ в России по выполнению намеченной программы. Он поддерживал прямой контакт с советским полномочным представительством в Берлине, дважды выезжал в СССР для контактов с высшими руководителями Красной Армии, Наркоминдела и ВСНХ.

Как известно, Германии по Версальскому договору запрещалось иметь военных атташе в других странах, а эпизодические поездки Оскара в Москву под видом советского гражданина не могли в полной мере восполнить работу атташата. Объем чисто военных проблем увеличивался, что требовало постоянного пребывания представителя германского генштаба в СССР.

Было решено учредить неофициальное военное представительство, которое и стало с 1924 года функционировать в Москве под вывеской постоянной комиссии по контролю за хозяйственной деятельностью немецких концессионных предприятий на территории СССР. В секретных документах представительство именовалось «Центр—Москва» («Ц—МО»). В Германии при генштабе был создан специальный отдел «Центр—Берлин» («Ц—Б»), и ему непосредственно подчинялся московский аппарат негласного военного атташе. «Ц—МО» возглавил полковник Лит-Томсен, но фактически всю работу выполнял его заместитель Оскар

Нидермайер. (В 1927 году Лит-Томсен был отозван, и вплоть до 1931 года «Ц—МО» руководил Нидермайер.)

Судя по показаниям Нидермайера, генштаб поставил перед «Ц—МО» следующие задачи: контроль за работой немецких военно-промышленных предприятий в СССР; устройство на советской территории школ по обучению немецких офицеров; организация опытных испытательных работ по новым конструкциям вооружения; постоянная информация генштаба по актуальным военным вопросам, разрешаемым в СССР.

Простое перечисление этих задач уже указывает на то, что в своей деятельности «Ц—МО» не мог не столкнуться с советской контрразведкой, защищавшей наши военные секреты независимо от того, кто их пытался добыть.

Надо сказать, что до 1924 года ОГПУ не вело активной работы по немецкой линии внутри страны. Это объясняется резким ослаблением военной разведки Германии после ее поражения в Первой мировой войне, отсутствием заинтересованных потребителей информации (а отсюда и скудное финансирование). Главное же, СССР и Германия стремились к развитию политического, экономического и, как мы видим, военного сотрудничества. Однако именно расширение контактов по военной линии при нескрываемом намерении германского генералитета возродить свою армию в обход Версальского договора логически привело к тому, что стала воссоздаваться и немецкая разведка. Вот воспоминания по этому поводу начальника одного из отделов гитлеровского «Абвера» (военной разведки и контрразведки) Эрвина Штольце: «Руководство рейхсвера (генерал фон Сект) с одобрения правительства считало необходимым, наряду с борьбой против вражеского шпионажа, организовать военную разведку, дабы быть в курсе о

вооруженных силах стран, которые могут стать возможными противниками Германии. Выполнение этой задачи было поручено бывшему офицеру-разведчику... при штабе «Обер—Ост» майору Гемпп».

Именно под его руководством создавался новый разведорган — «Абвер». Небезынтересно отметить, что в третьей секции «Абвера» заместителем начальника был уже упоминавшийся майор Чунке, занявший позднее пост главы «ГЕФУ».

В начале 20-х годов немецкой разведке не нужно было даже специально вербовать в СССР агентуру — сбор необходимой военной и экономической информации в условиях расширявшегося сотрудничества не составлял особого труда.

Но сотрудники ОГПУ вправе были опасаться, что положение может довольно быстро измениться после создания в Москве аппарата неофициального военного атташе, то есть «Ц—МО».

В этой связи, надо думать, совсем не случайно появление именно в 1924 году (год создания «Ц—МО») специального циркулярного письма ОГПУ за подписью зампреда Г. Ягоды и начальника контрразведывательного отдела А. Артузова. Суть письма отражена в его названии: «По германской разведке и борьбе с ней». В нем отмечалось, что в СССР наблюдается громадный наплыв немецких коммерсантов-концессионеров, промышленников, разного рода дельцов, которые создают предприятия, общества, конторы и с этих позиций ведут разведывательную работу. «Нами установлено, — говорилось в циркуляре, — что личный состав этих предприятий подбирается в большинстве своем из бывших офицеров германской армии и, отчасти, из офицеров бывшего германского Генерального штаба..., во главе этих предприятий очень часто мы видим лиц, живших ранее в России, которые до и во время

революции привлекались к ответственности по подозрению в шпионаже. По имеющимся и проверенным нами закордонным сведениям в штабе фашистских организаций Германии имеются точные сведения о состоянии, вооружении, расположении и настроении нашей Красной Армии».

В числе немцев, работавших в СССР или часто приезжающих в нашу страну и подозреваемых в проведении разведработы, указан и Оскар Нидермайер. Для сотрудников ОГПУ не была секретом его активная подрывная деятельность в годы Первой мировой войны на Ближнем Востоке, а следовательно, предполагалось, что шпионское ремесло он не оставил и в последующем. В письме прямо указано: «Нидермайер — специалист по разведке».

Техническим директором концессионного общества «Юнкерс» был фон Шуберт, проходивший по материалам еще царской контрразведки как начальник разведотделов командования Восточной армии. В 1918 году он являлся военным атташе при немецком посольстве в Москве. Упомянут в письме также и майор Чунке (Тейхман), работавший ранее в Турции по линии разведки. Всего в циркулярном письме фигурирует около десятка бывших немецких разведчиков.

Рассылая этот документ, ОГПУ предписывало своим органам на местах представить подробный доклад о проявлениях германского шпионажа до августа 1924 года включительно.

Примерно к этому же времени относится и создание в структуре КРО ОГПУ восьмого (немецкого) отделения.

Принимая необходимые меры, контрразведывательный отдел в то же время предупреждал местных работников о необходимости особо тщательно анализировать поступающие сведения и взвешенно действовать в отношении немецких специалистов. К этому же призывал чекистов и Ф. Э.

Дзержинский. Еще в декабре 1923 года он писал В. Р. Менжинскому, что необходимо со стороны ОГПУ осуществлять контроль за деятельностью концессионеров, но, кроме плана наблюдения, должен быть разработан также план содействия им в пределах договора. Без этого, указывал председатель ОГПУ, «наше наблюдение на практике может превратиться в борьбу с концессиями».

К сожалению, чекисты (по преимуществу в периферийных аппаратах), зачастую основываясь на отдельных подозрительных действиях иностранцев, не проверив порой информацию до конца, не установив связи концессионеров с разведкой, в ряде случаев принимали к ним ограничительные меры либо ходатайствовали о высылке из СССР. Просчеты в контрразведывательной работе по немецкой линии самым непосредственным образом отрицательно сказывались на советско-германском сотрудничестве, приводили к конфликтам ОГПУ с Наркоминделом.

Оперативные мероприятия чекистов были направлены на то, чтобы пресечь сбор секретной информации возможным разведчиком. А вот как быть с неофициальным военным представительством — «Ц—МО»? Тут требовалась очень тонкая, филигранная работа, поскольку любой «прокол» мог серьезно осложнить военное сотрудничество и в итоге нанести вред интересам нашей страны.

В 1925 году по настоянию Артузова из-за границы был отозван резидент ОГПУ, бывший сотрудник КРО Штейнбрюк и назначен начальником немецкого отделения контрразведки.

Биографическая справка.

Штейнбрюк Отто Оттович, 1892 г. рождения, австриец, окончил кадетский корпус. В чине капитана австро-венгерской армии в 1917 г. попал в русский плен. В 1918 г. выехал в Венгрию, создавал там Красную Армию, был заместителем командира корпуса, офицером для поручений при Бела Куне. С 1919 по 1920 г. сидел в тюрьме за коммунистическую деятельность. Затем на подпольной работе в Германии. В 1921 г. снова арестован и выехал в СССР, где принят на работу в ОГПУ. В 1935 г. перешел в Разведупр РККА и занимал там должность начальника первого (европейского) отдела. В 1937 г. необоснованно арестован и расстрелян.

Руководство ОГПУ поставило перед Штейнбрюком сложную задачу. Необходимо было принять меры, чтобы не допустить утечки информации о наличии в Москве неофициального представительства германского генштаба, его деятельности, а также о производстве в СССР некоторых видов оружия для постепенно возрождающейся немецкой армии. За этими сведениями могли охотиться прежде всего англичане, французы и поляки. Добейся они своего, и тогда как Германия, так и Советский Союз встретились бы с серьезными осложнениями во внешнеполитической и внешнеэкономической сферах. Это с одной стороны. А с другой — требовалось оградить советские военные и политические секреты от немецкой разведки, которая постепенно наращивала свои усилия и крепла вместе с армией.

Незримая дуэль между Штейнбрюком и Нидермайером началась.

Аппарат «Ц—МО» составляли лишь несколько сотрудников. Официально возглавлял всю работу полковник Лит-Томсен. Он взял на себя в основном военно-экономические вопросы. Его адъютант капитан Рат, летчик по специальности, курировал сотрудничество по авиационной проблематике. Имелся еще офицер по финансовым операциям, одновременно отвечавший за доставку в СССР образцов немецкой военной техники и оружия, перебрасываемых из Штеттина в Ленинградский порт.

Нидермайер же сосредоточился на создании и обеспечении функционирования на территории СССР офицерских школ.

Хозяйство, порученное Нидермайеру, как видим, было довольно большое и хлопотное. Для решения текущих вопросов, устранения помех в деятельности военных школ он регулярно контактировал с ответственными работниками Красной Армии — начальником ВВС Кармовым, его заместителем Алкснисом, начальником военно-химического управления Фишманом, командующий морскими силами Муклевичем. Неоднократно беседовал он и с Тухачевским, Уборевичем, Якиром, Корком, Блюхером. Регулярно, раз в неделю, встречался с начальником Разведывательного управления штаба РККА Ринком и его преемником на этом посту Берзиным.

Благодаря столь важным контактам можно было информировать немецкий генштаб о развитии и укреплении Красной Армии. Составление информационных сводок всецело лежало на Нидермайере. Говоря современным языком, он активно занимался так называемой легальной разведкой.

Направляя его в Москву, главнокомандующий рейхсвером фон Сект рекомендовал ему не вести тайную разведку с использованием агентуры из советских граждан. Генерал прекрасно понимал, что

рано или поздно на этом можно «погореть», попасть «под колпак» ОГПУ и скомпрометировать всю работу «Ц—МО».

Но об этом предупреждении фон Секта сотрудникам советской контрразведки стало известно только в 1945 году из показаний плененного Нидермайера. А тогда, в 1925-м и в последующие годы, чекисты исходили из весьма вероятной шпионской деятельности неофициального военного представителя, поскольку все, даже официально находящиеся при иностранных миссиях сотрудники военных атташатов ведущих стран, вели разведработу в СССР.

И в определенной степени сотрудники ОГПУ оказались правы. Оскар Нидермайер не смог удержаться в рамках легальной разведки, не внял совету своего шефа.

В 1926 году аппарат Штейнбрюка получил фотокопию одного из информационных докладов Нидермайера, адресованного не только в специальное бюро «Ц—Б» при генштабе, но и в разведывательный отдел «Т-3» (иностранные армии). В донесении, наряду с отдельными данными по военным школам, указывалось, что от советского военнослужащего, немца по национальности, некоего Готфрида получены сведения о внутрипартийных разногласиях на XIV съезде ВКП(б), взаимоотношениях среди высокопоставленных офицеров РККА, дислокации некоторых кадровых и территориальных частей Красной Армии.

То, что в данном случае интересовало Нидермайера, никак не вписывалось в его служебные обязанности по линии «Ц—МО» и, естественно, усилило сомнения чекистов в лояльности и дружелюбии негласного военного атташе.

Готфрида, сотрудника Штейнбрюка, ставшего агентом Нидермайера, установили быстро. В сентябре

1926 года он был арестован и допрошен. Выяснилось, что с Оскаром они познакомились еще в 1925 году на маневрах Западного военного округа, наблюдать за которыми были приглашены четыре немецких офицера генштаба. Среди них лишь один, по фамилии Штраус, владел русским языком. На самом деле Штраус оказался Нидермайером. Контакты с ним продолжились в Москве, в доме № 4 по Успенскому переулку, где жил Нидермайер. Каких-то подписок о согласии сотрудничать с немецкой разведкой от Готфрида не требовалось, достаточно было продолжительных, довольно откровенных бесед за рюмкой коньяка и чашкой кофе. Мало-помалу Готфрид втягивался в шпионскую работу, выяснял отдельные интересовавшие Нидермайера вопросы, так или иначе связанные с Красной Армией.

Надо полагать, контрразведчики ОГПУ не хотели обострять ситуацию и поэтому лишь аккуратно довели до соответствующих германских властей информацию о нежелательных действиях со стороны Нидермайера.

Как утверждает в своих показаниях сам Нидермайер, в 1927 году он получил из генштаба категорическое указание прекратить разведывательную работу в СССР. Начальник 3-го отдела (отдел иностранных армий) полковник Фишер требовал не заниматься разведкой, чтобы не компрометировать деятельность «Ц—МО».

Нидермайер не мог не подчиниться приказу, тем более что уже решался вопрос о посылке в Советский Союз, помимо «Ц—МО», другого военного представителя. На эту должность генштаб Германии назначил генерал-майора Хольма, который и прибыл в нашу страну летом 1928 года. Нидермайеру запрещалось даже бывать вместе с Хольмом. Значительно сдержаннее он стал и при официальных контактах с представителями РККА.

Но ОГПУ не спускало с него глаз. Думается, контрразведчиков уже интересовало не только возможное возобновление им разведработы. Чекисты смотрели далеко вперед. Такой человек, как Оскар, с его связями в германском генштабе и среди промышленников, представлял большой интерес для коллег Штейнбрюка из иностранного отдела ОГПУ.

Возможно, когда откроются архивы, мы узнаем точно, чего хотели чекисты. Сейчас же, судя по отдельным сведениям, можно предположить, что с Нидермайером лично встречался начальник восьмого отделения КРО ОГПУ Штейнбрюк. Кроме того, с ним контактировал управляющий делами акционерного общества «Метахим», а с 1926 года помощник Штейнбрюка в немецком отделении КРО Карл Силли.

Чем закончились эти встречи, неизвестно. В 1931 году Нидермайер был отозван из СССР, а год спустя неофициальное представительство германского Генштаба «Ц—МО» прекратило свое существование. Ликвидировались также военные школы на территории Советского Союза. Наступала коричневая чума — фашизм.

В заключение стоит, наверное, познакомить читателя с дальнейшей судьбой некоторых героев этого очерка.

Нидермайер после возвращения в Германию перешел на преподавательскую работу при кафедре военных наук Берлинского университета. С мая 1941 года служил в вермахте, готовил командные кадры, командовал дивизией, а в 1944 году являлся командующим добровольческими (набранными в основном из советских военнопленных) соединениями при штабе Западного фронта. В сентябре того же года по доносу провокатора был арестован гестапо и до апреля 1945 года сидел в тюрьме Торгау. При эвакуации тюрьмы бежал, задержан и передан англо-

американскими войсками представителям Красной Армии. Через три года после окончания войны осужден особым совещанием при МГБ СССР на 25 лет и, вероятно, скончался в заключении, поскольку страдал открытой формой туберкулеза.

По обвинению в шпионаже и антисоветской деятельности были осуждены и безвинно погибли Ян Карлович Берзин, Артур Христианович Артузов, Отто Оттович Штейнбрюк и Карл Иванович Силли. Характерно, что каждому из них в числе других обвинений предъявлялось и такое: «был завербован немецким разведчиком Нидермайером и передавал ему секретную информацию».

О контактах с Нидермайером найдем мы упоминание также в уголовных делах на М. Н. Тухачевского и других известных командиров РККА, в той или иной мере участвовавших в реализации программы советско-германского военного сотрудничества в 20-е годы.

Неизвестная Марина Раскова

Сделав формальные, но необходимые записи, кадровик взглянул с грустью в последний раз на фотографию молодой привлекательной женщины в форме капитана Военно-воздушных сил со звездой Героя и двумя орденами Ленина на груди и закрыл тощую папку.

Отражая свет настольной лампы, тускло поблескивали буквы: «НКВД СССР. Личное дело Расковой Марины Михайловны».

На четвертушке бумажного листа, прикрепленного к картонной обложке, кто-то из руководства начертал: «Сдать на хранение в архив в виду гибели оперуполномоченного Расковой Марины Михайловны».

Вот и пылятся на архивной полке с того далекого февраля 1943 года пожелтевшие от времени бумаги, именуемые анкетами, характеристиками и другими составляющими личное дело каждого офицера документами.

Правда, если быть точным, листали все же современные архивисты это дело три года тому назад — по указанию начальства хотели удостовериться, точна ли опубликованная в «Военно-историческом журнале» автобиография Расковой.

К этой автобиографии тогда отнеслись с сомнением, поскольку даже в органах безопасности очень немногие знали о работе Марины Михайловны в Особом отделе НКВД, о том, что наша знаменитая летчица, штурман героического женского экипажа самолета «Родина», за рекордным перелетом которого в 1938 году из Москвы на Дальний Восток следила, без преувеличения, вся страна, несколько лет трудилась на Лубянке.

Этот факт длительное время обходили стороной журналисты и писатели. Считалось, что несколько лет чекистской работы — лишь эпизод, и далеко не самый важный, в жизни Расковой. Да и трудно было бы, наверное, объяснить читателям, почему известнейшая наша летчица, одна из немногих в довоенные годы награжденная двумя орденами, удостоенная звания Героя Советского Союза, вдруг стала рядовым работником НКВД.

Проще обойтись без лишних разъяснений — так решили, видимо, где-то в кабинетах цензоров и чиновников-секретчиков. Все давно привыкли к тому, что годами и десятилетиями биографии известных людей писались у нас с оглядкой на политическую конъюнктуру, превращавшую эти самые биографии в штампованные портреты.

Подобным образом обошлись и с Мариной Михайловной. Хотите убедиться? Пожалуйста. Полистайте энциклопедии и биографические справочники, даже самые последние по году издания. Ни слова о работе Расковой в НКВД не найдем мы и в мемуарной книге ее наставника в авиации генерала А. В. Белякова «Полёт сквозь годы», второе издание которой появилось всего несколько лет назад. И даже биограф Расковой — писательница Галина Маркова решила не касаться щекотливой темы, «перескочив» от полета Марины Михайловны на самолёте «Родина» сразу в 1941 год.

И генерал, и писательница, несомненно, знали, чем занималась Раскова в предвоенные годы, но решили об этом лучше умолчать, как говорится, от греха подальше. А грехом во второй половине 80-х годов многие стали считать сам факт работы в органах госбезопасности.

Не соглашался и не соглашусь с такой постановкой вопроса. Нельзя чернить всех без разбора. Понести

наказание должен тот, кто совершил преступление. Разве придет в голову нормальному человеку осудить Главного маршала авиации А. Е. Голованова только за то, что он несколько лет служил в ОГПУ? Или писательницу Зою Воскресенскую за ее чекистское прошлое? Но вернемся к Расковой.

Марина Михайловна к моменту перехода в Наркомат внутренних дел была старшим лейтенантом, инструктором аэронавигационной лаборатории Военно-воздушной академии. На базе академии проводились разработки в области самолетостроения, совершенствования вооружения, тактики применения авиации, ее взаимодействия с другими видами войск. Несомненно, что к такому учебному и научному центру было приковано внимание военных разведок наших вероятных противников. Их усилия надо было нейтрализовать, не допустив утечки важных оборонных секретов за границу.

Надо полагать, что так или примерно так аргументировал свое предложение Расковой начальник третьего (авиационного) отделения Особого отдела ГУГБ НКВД капитан Рогачев. Он дал Марине время подумать (как практиковалось тогда, два—три дня, не больше) и принять решение. Рогачев, естественно, надеялся на положительный ответ, тем более что летать Марине никто запрещать не собирался. А чтобы никто не посягнул на это ее право в дальнейшем (бездушные чиновники везде есть), Рогачев специально указал в одной из справок следующее: «Самостоятельно летает на самолете У-2 и АИР-6... увлекается и посвятила себя штурманской работе воздушного флота, всегда глубоко интересовалась своей специальностью, которую сейчас освоила полностью. Изучив предмет теоретически, сумела его применить практически в течение ряда лет на занятиях со слушателями ВВА РККА... К работе относится вполне добросовестно,

обладает педагогическими способностями, но имеет склонность к летной работе. Раскова как специалист штурманского дела пользуется авторитетом слушателей».

В феврале 1937 года Марина Михайловна была зачислена штатным сотрудником Особого отдела. Должность эта не требовала занимать кресло в кабинете на Лубянке. Как и многим ее новым коллегам, Расковой рекомендовалось, в силу специфики решаемых задач, не афишировать свою принадлежность к контрразведке. Она продолжала летать и для окружающих оставалась инструктором по слепым полетам штурманской кафедры академии.

Так продолжалось два года. Когда Ежов был арестован и ведомство внутренних дел возглавил по воле Сталина его протеже Берия, в органах безопасности началась очередная чистка кадров. Берия объяснял это стремлением обеспечить законность и изгнать тех, кто ее нарушал. Теперь мы знаем, какую цель в действительности преследовал вновь испеченный Генеральный комиссар госбезопасности.

В Особом отделе ГУГБ произошли серьезные кадровые изменения. В его состав влилась большая группа военных работников: бывших пехотинцев, танкистов, летчиков. Впервые переступила лубянский порог и Раскова. Приказом по НКВД ее назначили оперуполномоченным в отделение по обслуживанию авиации. Того, кто оформлял ее на службу в органы — капитана Рогачева, Марина уже не встретила. Рассказывали, что, наотрез отказавшись подписывать сфальсифицированные материалы на высокопоставленных командиров Военно-воздушных Сил, он был обвинен в пособничестве «врагам народа» и на следующий же день арестован особой инспекцией. Больше его никто не видел...

Появление Расковой вызвало в отделении, да, пожалуй, и во всем управлении, удивление. Как вспоминала секретарь отделения, тогда 19-летняя Т. Чеканова, новые сотрудники, сами только что пришедшие в органы из авиационных частей и после окончания академии и, конечно же, знавшие Марину, были ошарашены, встретив ее на Лубянке. В отличие от них, Раскова имела опыт контрразведывательной работы. Этот опыт позволил ей быстро войти в курс дела и, как отмечалось в служебной аттестации, показать себя оперативно грамотным, хорошо освоившим методы профессиональной работы офицером. Способствовали этому, как зафиксировано в документах, ее «инициативность, находчивость и требовательность». Вскоре Марину Михайловну представили на повышение по должности, но предлагали использовать по административной линии: «По состоянию здоровья (в 1940 году болела пять месяцев, и сейчас врачами ее рабочий день ограничен до 8 часов) на оперативной работе использовать нецелесообразно, так как эту работу уложить в восемь часов нельзя», — читаем мы в одном из документов личного дела.

По всей видимости, не прошла для Расковой даром десятидневная «прогулка» по дальневосточным болотам в октябре 1939 года, когда пришлось по приказу командира экипажа «Родины» Валентины Гризодубовой прыгать на парашюте с оставшегося без топлива самолета. Судя по сохранившейся записи телефонных переговоров Гризодубовой с Москвой, она настаивала на усиленном лечении Расковой. Марина же решила ограничиться медпунктом и в итоге несколько месяцев провела в больничной палате.

Выйдя на службу, Раскова в марте 1941 года подала рапорт начальнику военной контрразведки Михееву с

просьбой направить ее на учебу на основной факультет академии имени М. В. Фрунзе.

Михеев не возражал и дал указание оформить в короткий срок все необходимые документы.

Судьба, однако, распорядилась по-своему. Не суждено было Расковой освоить академический курс. Грянула война...

Ушел на фронт ее товарищ и сосед по кабинету до работы в Особом отделе летчик-истребитель Алексей Бабичев. Вскоре он погиб в воздушном бою. Возможно, это и подтолкнуло Марину к окончательному решению вновь вернуться в авиацию.

Не увольняясь из военной контрразведки, она занялась организацией женских авиационных полков. С одним из них прибыла в действующую армию, воевала, а в январе 1943 года погибла в авиационной катастрофе.

Отмечая заслуги Марины Михайловны, Совнарком принял специальное постановление об увековечении ее памяти — площадь и улица в Москве названы ее именем. А у Кремлевской стены, у мемориальной доски с лаконичной надписью: «Раскова Марина Михайловна, командир полка пикирующих бомбардировщиков, майор, Герой Советского Союза» — всегда лежат алые гвоздики, их приносят те, кому дорога наша история.

История предательства Власова

Ранним утром 1942 года в наспех оборудованной землянке собрались офицеры особого отдела 2-й Ударной армии. Предстояло совещание с участием генерал-лейтенанта Власова и других армейских руководителей.

Первый увидевший генерала сотрудник подал команду, и все присутствующие встали, приветствуя немного задержавшегося Власова.

Он энергично прошел к сбитому из плохо обтесанных досок столу, сел и кивком головы дал понять, что совещание можно начинать.

Начальник армейского особого отдела бригадный комиссар А. Г. Шашков сделал небольшой доклад по так называемому особому вопросу — предстоящим боевым операциям, поставил в этой связи конкретные задачи своим подчиненным, дал необходимые разъяснения.

Далее слово взял Власов.

— Товарищи, — громко начал командарм, — для выигрыша крупного сражения требуется умное решение командования, а для проигрыша достаточно двух шпионов...

Командарм говорить умел: точные определения, образные сравнения, апелляция к партийной принципиальности и решимости чекистов каленым железом выжигать малейшие попытки подорвать боеготовность и моральный дух войск.

— При перемене позиции, — продолжал Власов, — необходимо принять все меры к сохранению полного порядка, пресечению паники и распространения провокационных слухов.

Эти слова Власова мною не придуманы, а взяты из сохранившейся стенограммы чекистского совещания.

Читатель может сравнить высказывания командарма 2-й Ударной с его поведением, настроением и действиями в конце июня 1942 года.

До предательства Власова оставалось чуть больше месяца.

Немцы, развивая наступление со стороны населенных пунктов Финев-Луг и Ольховки, 23 июня подошли вплотную к командному пункту армии, оборона которого должным образом организована не была. Группы автоматчиков к полудню просочились к месту стоянки автомашин командного пункта и обстреляли сам КП. Непосредственная угроза нависла над армейским командованием.

Бой с противником приняла рота охраны особого отдела и подразделение охраны штаба. Ожесточенная перестрелка длилась почти сутки, и в итоге фашистов удалось оттеснить.

Власов сильно нервничал. В этот же день он отдал приказ уничтожить все радиостанции. Оставили лишь один приемник. Связь с подчиненными частями была утрачена окончательно.

Командарм решил перебазировать штаб на командный пункт 57-й стрелковой бригады, чтобы избежать повторной атаки немцев.

Вечером 24 июня на лесной поляне Власов собрал всех командиров и бойцов и объявил, что предстоит трудный и долгий путь — не менее 100 километров по лесам и болотам, продуктов нет, придется питаться травой и тем, что удастся отбить у немцев. Потом же сказал: «Кто чувствует себя слабым, может оставаться на месте и принимать меры по своему желанию».

До предательства Власова оставалось 4 дня.

В 22 часа 24 июня он отдал приказ о построении личного состава и движении к линии фронта с целью прорыва и соединения с частями 59-й армии.

Порядок движения был установлен следующий — в голове колонны двигаются два взвода из роты охраны особого отдела и взвод армейских чекистов под общей командой капитана госбезопасности Соколова. За ними следуют командование и Военный Совет армии, а в арьергарде для прикрытия — взвод особого отдела и около 20 оперработников.

Скопление людей не осталось незамеченным немцами. Примерно через час колонна попала под сильный артиллерийский и минометный огонь.

Понеся потери, добрались до командного пункта 46-й дивизии, и в полночь те, кто остался в живых, продолжили движение к линии фронта. Проводником выступал работник политуправления фронта батальонный комиссар Зеленюк, который сообщил, что знает слабое место в немецкой обороне и выведет всех на контролируемую советскими войсками территорию.

Не доходя около километра до указанного им пункта перехода, колонна вновь подверглась ожесточенному обстрелу из орудий и минометов.

Два немецких дота преградили путь. Подпустив передовую группу на 15–20 метров, фашисты открыли бешеную стрельбу и прижали идущих к земле.

Командующий Власов приказал находившимся с ним командирам и сотрудникам особого отдела несмотря ни на что продвигаться вперед, отвлекая тем самым внимание противника от места нахождения армейского руководства и, естественно, его самого.

Надо думать, у офицеров сомнений не возникло — главное, спасти командарма. Они ведь не знали, что будет дальше.

В огненной ночной неразберихе передовой отряд рванулся вперед, обходя немецкие доты.

До предательства Власова оставалось 3 дня.

Уже выйдя из окружения, капитан госбезопасности Соколов докладывал своему руководству, что под огнем

противника колонна рассыпалась, и больше он Власова не видел.

Не сумев пробиться через фронт, Соколов с группой оперработников и бойцов роты охраны возвратился в расположение 382-й стрелковой дивизии и первым делом занялся поисками Власова. Сведения были разноречивые. Говорили, что Власов и член Военного Совета М. Н. Зуев находятся в районе штаба дивизии, но ее командир полковник Карцев заявил, что не видел их. Начальник Новгородского райотдела НКВД старший лейтенант Гришин узнал от какого-то офицера, что Власова видели на поляне, в нескольких сотнях метров от командного пункта дивизии.

Соколов, Гришин и еще два офицера направились туда. Поплутав в лесу, они наконец добрались до нужной поляны, но в шалаше обнаружили лишь работницу военторга по имени Зина. Она сообщила, что Власов действительно был здесь, но совсем недавно ушел, сказав, что идет на КП полковника Карцева.

К этому времени немцы вновь начали обстрел, и поиски пришлось прекратить.

Чекисты возвратились на командный пункт дивизии, куда прибыли также член Военного Совета армии Зуев и начальник политотдела Гарус. Они сообщили печальную новость — находившийся с ними и генералом Власовым начальник особого отдела армии А. Г. Шашков, будучи тяжело раненным и не желая задерживать движение группы, застрелился.

До предательства Власова оставалось 2 дня.

К вечеру 26 июня на КП скопилось до 600 командиров и бойцов. Немцы засекли командный пункт, обстреляли, а затем подтянули громкоговорители, и лес наполнился гортанными выкриками на ломаном русском языке — призывали к сдаче в плен, обещали хорошие условия. А чтобы ускорить процедуру, фашисты вновь открыли сильный огонь.

Отдельные бойцы не выдерживали, поднимались с земли и бежали в сторону орущих репродукторов. Но основная масса командиров и красноармейцев устояла и, рассыпавшись на небольшие группки, пыталась выбраться из огненного мешка.

А в это время в нескольких километрах от громыхавшего боя находился Власов.

Очевидец тех дней генерал-майор войск связи Афанасьев рассказывал после выхода из окружения, что во Власове чувствовалась какая-то растерянность, заметно было его потрясение произошедшим. Он был безразличен ко всему. Командование взял на себя начальник штаба армии полковник П. С. Виноградов и предложил Власову разбить личный состав на мелкие группы, которые должны сами себе избрать маршрут движения и план действий. Командарм согласился. На вопрос Афанасьева, куда и когда пойдет Власов, тот ответил, что он с Виноградовым пойдет после всех. Станный это был ответ, но приказ есть приказ, и Афанасьев с несколькими красноармейцами ушел с места стоянки. Вскоре он столкнулся с партизанами.

К сожалению, радиостанции в отряде не было, и передать информацию о местонахождении Власова Афанасьев не смог, а возвратиться помешали немцы.

По другую сторону фронта специальная группа сотрудников Особого отдела пыталась получить хоть какие-то данные о местонахождении командарма 2-й Ударной. Допрашивали пленных немецких солдат, подробно, уточняя мельчайшие детали, опрашивали тех, кто вышел из окружения, в тыл к немцам забрасывались специальные группы и отдельные зафронтовые агенты. Почти все они не вернулись обратно, погибли в боевой круговерти, разыскивая и намереваясь спасти генерала Власова. Но их жертвы были напрасны.

27 июня командующий уже не существующей 2-й Ударной армией Власов сдался фашистам.

Радиоигра с «Сатурном»

В 20-х числах августа 1944 года наркому госбезопасности Белоруссии генералу Цанаве доложили о появлении в районе бывшей партизанской базы, у деревни Глухое, неизвестной воинской части. Поведение военнослужащих давало местным жителям основание предполагать, что под видом советских офицеров и красноармейцев скрываются сбившиеся в кучу дезертиры, а то и переодетые немецкие пособники.

Цанаву срочно телеграфировал в Москву.

Ответ был для наркома неожиданным. Из Четвертого управления НКГБ СССР ему сообщили (и то лишь в общих чертах) о проведении Центром подготовительных мероприятий по операции «Березино».

Повышенная секретность всегда была присуща Четвертому управлению НКГБ. Созданное в самом начале войны, оно занималось разведывательно-диверсионной и террористической деятельностью на оккупированной фашистами территории, готовило нелегальную агентурную сеть на случай оставления Москвы, оказывало содействие Первому управлению (разведка) в проникновении в военные, партийно-политические и государственные структуры гитлеровской Германии и ее союзников. Сформировал управление и всю войну возглавлял его П. А. Судоплатов.

Именно он поддержал идею операции «Березино», предложенную начальником третьего отдела подполковником госбезопасности И. Б. Маклярским.

Радиоигра с немцами продолжалась более восьми месяцев и завершилась 5 мая 1945 года. К этому

времени нашими органами безопасности было захвачено 22 немецких агента, 13 радиостанций, 255 мест груза с вооружением, боеприпасами, обмундированием, а также около двух миллионов советских денег, предназначенных для проведения разведывательной и пропагандистской работы в тылу Красной Армии.

О том, как осуществлялась легендированная агентурная разработка «Березино», мы можем теперь рассказать, основываясь на материалах архива Федеральной службы безопасности.

Начнем с того, как возник замысел операции.

Еще в начале 1942 года Четвертое управление начало оперативную игру с немецкими разведорганами, доведя до них информацию о том, что в Москве существует подпольная монархическая организация под названием «Престол». От ее имени за линию фронта направлялся опытный и надежный агент контрразведки, действовавший под псевдонимом Гейне, а в дальнейших контактах с немцами и в радиотелеграммах именовавшийся Александром.

Так вот, этот агент в 1944 году, по плану оперативной игры, был командирован в только что освобожденный от фашистов Минск якобы для прохождения службы в одной из воинских частей.

Вскоре от него, других агентов Наркомата госбезопасности, а также от военной контрразведки поступила информация о наличии в белорусских лесах разрозненных групп немцев, стремящихся прорваться через линию фронта. Материалы радиоперехвата свидетельствовали о желании германского командования оказать им всяческую помощь по выходу из советского тыла и одновременно использовать в подрывных акциях в ближайшем тылу Красной Армии.

На этом и решено было сыграть. Поскольку задумывалась игра с верховным командованием

вермахта, то о плане операции нарком госбезопасности СССР В. Н. Меркулов письменно доложил в Государственный Комитет Обороны, — лично Сталину, Молотову и Берии.

Согласие было получено. За несколько дней Четвертое управление сформировало специальную группу из 20 военнослужащих отдельного отряда особого назначения НКГБ во главе с майором госбезопасности Борисовым и на автомашинах перебрало ее в район Березино. Именно эту группу и зафиксировали бывшие партизаны, о чем говорилось выше.

Вместе с солдатами чекистского спецназа в Белоруссию прибыли агенты НКГБ Георг, Вальтер, Жак, завербованные из военнопленных. Группа Борисова должна была составить костяк легендированной немецкой воинской части, якобы оказавшейся в окружении.

Роль командира части исполнял доставленный из офицерского лагеря для военнопленных бывший командир полка подполковник Герхард Шерхорн, называемый в оперативной переписке Шубиным.

18 августа через московскую радиостанцию легендированной организации «Престол» немецкой разведке сообщили, что Александр (наш агент Гейне) случайно вышел на контакт с попавшей в Белоруссии в окружение воинской частью численностью до 1800 человек. Немцев уведомили, что «воинская часть» испытывает большую нужду в продовольствии, обмундировании, а главное в оружии и боеприпасах. Передвижение «части» затруднено из-за большого количества раненых. Разведцентру сообщили биографические данные ее командира, чтобы в случае возможной проверки снять подозрения как в отношении подполковника, так и возглавляемого им сборного отряда.

Семь дней московским радистам пришлось ждать ответа — абверовцы, вероятно, пытались навести необходимые справки о Шубине и после благоприятных отзывов готовили свои предложения.

«Благодарим вас за ваше сообщение, — говорилось в ответной радиограмме, — просим помочь нам связаться с этой немецкой частью. Мы намерены для них сбросить различные грузы и прислать радиста, который мог бы связаться с здешними руководящими органами...»

Отряд Шубина приступил к работе. В районе озера Песочное в Червеньском районе Минской области подготовили площадку для приема сбрасываемого с самолетов груза, а в нескольких километрах от нее, в лесу разбили лагерь «скрывающейся немецкой части» — несколько землянок, палаток, траншеи и окопы. Внешне это выглядело довольно убедительно и достоверно. В Москву, а оттуда за линию фронта пошла радиограмма о готовности к приему самолетов, передан пароль для связи — «Ганновер».

Непосредственно на самой площадке для задержания парашютистов и приема груза постоянно находилась группа переодетых в форму противника солдат и оперативных работников НКГБ, а также десять агентов — немцев по национальности.

В трехстах метрах от площадки разбили палатки, обозначив «штаб» Шерхорна. При подполковнике неотлучно находился владеющий немецким языком офицер контрразведки.

В ночь с 15 на 16 сентября с самолета люфтваффе десантировались три первых посланца немецкого командования. Их встретили и доставили в «штаб». Парашютисты доложили подполковнику о целях своего прибытия и полученных заданиях.

Старший из агентов — Курт Киберт рассказал Генриху, что за несколько дней до заброски о попавшей

в окружение группе было доложено Гитлеру и Герингу, которые передают Шерхорну свои уверения в том, что они сделают все возможное для спасения его отряда. По сведениям Киберта, вторым самолетом придут врач и авиационный специалист. Последний окажет помощь в подготовке посадки самолетов типа «Арадо», загруженных оружием, боеприпасами, продовольствием и медикаментами. Обратным рейсом в Германию следовало отправить раненых и больных, а «отряду» приступить к активным действиям в направлении линии фронта. После доклада прибывших парашютистов, в соответствии с разработанным сценарием, направили в сопровождении должным образом экипированных агентов НКГБ в лагерь «отряда», а по дороге инсценировали задержание всей группы, включая и негласных сотрудников контрразведки.

Из показаний арестованных выяснилось, что они выполняют задание разведотдела штаба Центральной группы германских войск и «Абверкоманды-103». В целях безопасности их шефы требовали самостоятельного выхода в эфир каждого из парашютистов-разведчиков и передачи условленных сигналов об отсутствии ловушки со стороны чекистов.

Двух немецких агентов удалось перевербовать и включить в радиоигру. О третьем агенте абверовцам сообщили, что он тяжело ранен при приземлении.

Видя, что операция развивается и потребуются большой объем работы, включая координацию с белорусскими чекистами, руководство НКГБ СССР направило в Березино заместителя начальника Четвертого управления Л. Эйтингона — опытного сотрудника внешней разведки. Все руководство перешло в его руки.

Вскоре абверовцы перебросили к Шерхорну двух офицеров — врача и специалиста по авиации. Они доставили личные письма командующего группой

армии «Центр» — генерал-полковника Рейнгарда и начальника «Абверкоманды-103» Барфельда и сообщили о выделении Герингом четырех транспортных самолетов.

Перевербованный контрразведчиками авиаспециалист вскоре доложил в «Абвергруппу» о готовности к приему самолетов.

Менее чем за месяц из-за линии фронта прибыли 16 немецких агентов, доставлено 8 радиостанций, а также оружие для ведения боевых действий при прорыве к фронту. Операция развивалась по плану, но возникли и серьезные трудности.

Немецкое командование пришло к выводу, что необходимо эвакуировать раненых из группы Шерхорна, иначе она будет скована в своих боевых действиях. Вот почему в радиোগрамме от 30 октября 1944 года сообщалось о необходимости дополнительной подготовки площадки, куда должны приземлиться транспортные «Арадо».

Контрразведчики встали перед дилеммой.

Первое, что подсказывали обстоятельства, — это принять немецкие самолеты на подготовленные площадки. Но что бы это дало? Два транспортника «Арадо», 80 летчиков люфтваффе и кое-какой груз. А на рассчитанной на перспективу операции «Березино» можно ставить крест. Подобно брошенному в воду камню, круги подозрений наверняка достигнут и Москвы, а там агент Гейне и легендированная организация «Престол» со своей рацией. Они тоже потеряют доверие, и передаваемая ими согласованная с Генеральным штабом РККА дезинформация уже не принесет желаемого эффекта.

Второе решение предполагало отказ в приеме самолетов, что тоже, в некоторой степени, подрывало доверие абвера и армейского командования к отряду Шубина, но шанс на дальнейшее развитие операции

сохранялся. Сохранилась бы и возможность добиться от немцев открытия одного из участков фронта для прохода «воинской части» и введение вместе с ней специально подготовленного подразделения Красной Армии для развития боевых действий в тылу у фашистов.

О своих соображениях чекисты доложили в Государственный Комитет Обороны. Сталин и Берия в телефонных разговорах с наркомом госбезопасности согласились с последним предложением, а Молотов даже наложил на служебной записке резолюцию: «По-моему, второй вариант (тянуть дело дольше) — лучше».

Убедить немцев не присылать самолет стоило большого труда. Для начала подготовили за подписью Шубина радиограмму, что для обеспечения посадки необходима предварительная присылка крупнокалиберных зенитных пулеметов, противотанковых ружей, гранат и боеприпасов. Из-за фронта ответили, что готовят большую партию груза. Тогда по радиации Шерхорна сообщили о боевых столкновениях с частями Красной Армии и возможном изменении места дислокации. После нескольких подобных телеграмм немцы согласились, что посадка самолетов в белорусских лесах далеко не безопасна и может даже отрицательно повлиять на скрытность действий отряда Шерхорна. Зато поток грузов увеличился. Перевербованный нашей контрразведкой абверовский агент-радист Стрябцев, включенный в операцию «Березино» под псевдонимом Д, передал в штаб группы армий «Центр»:

«...Обмундирование и продовольствие получены. Наряду с действительной помощью это подняло дух части, боевая мораль которой осталась несломленной. По получении дальнейших посылок затребованного вооружения и боеприпасов мы надеемся на успех предприятия и на то, что, прибыв к фюреру, мы еще

примем участие в конечной борьбе за свободу нашего отечества. Шерхорн».

Если немецкое командование регулярно стало присылать грузы, то абверовцы, чтобы подстраховаться, забрасывали в район дислокации легендированной группы свою агентуру, о которой Шубину не сообщалось. В основном это были офицеры и солдаты 1-го полка так называемой дивизии «Брандербург» — диверсионно-разведывательной воинской части, подчиненной непосредственно берлинскому аппарату абвера.

Как выяснилось позднее, всего немецкая разведка направила восемь агентов с целью «прощупать» Шерхорна и его отряд, к счастью, все они были установлены контрразведкой и арестованы. Они не успели передать в эфир ни одной радиограммы. А чуть позже отдельные из «ревизоров» вышли в эфир, но уже под контролем чекистов.

Судя по ответным телеграммам разведцентра, абверовцы удовлетворились полученной информацией и окончательно поверили созданной в Четвертом управлении НКГБ легенде.

Согласно сценарию операции, отряд Шубина постоянно пополнялся за счет присоединения других пробивающихся к линии фронта групп. Еще в конце сентября через московскую радиостанцию агента Гейне главнокомандующему группой армии «Центр» генерал-полковнику Рейнгардту было сообщено, что общая численность отряда составляет более полутора тысяч человек, включая 200 русских — бывших полицейских, скрывающихся от НКГБ. Генералу доложили также, что по его указанию отряд разбит на три группы для повышения мобильности и скрытности действий. Командирами групп Шерхорн «назначил» майора Диттмана, подполковников Михазлиса и Эрккардта.

На самом же деле никого из них в белорусском лесу еще не было. С ними активно работали в Москве, на Лубянке. Доставленные из лагерей для военнопленных офицеры далеко не сразу согласились участвовать в реализации замыслов контрразведчиков.

А тем временем абверовцы перебросили на лесную базу Шубина еще одного агента. Последний настаивал на встрече с подполковником Эрккардтом и имел поручение уточнить, способен ли Шерхорн по состоянию своего здоровья продолжать руководить всем отрядом. Вполне вероятно, что немцы хотели сделать ставку на более молодого и энергичного офицера. А Эрккардт как раз оказался самым трудным «орешком» среди 25 отобранных для участия в оперативной игре военнопленных.

Эйтингон слал в Москву телеграмму за телеграммой, настаивая на ускорении обработки Эрккардта и других пленных.

Но это было не столь простым делом, как казалось из Белоруссии. Вот почему Эрккардт, Михазлис и другие бывшие офицеры вермахта были включены в чекистские мероприятия только в конце декабря.

Теперь операция стала развиваться активнее. К Эрккардту и Михазлису приставили опытных офицеров Четвертого управления, в распоряжении которых имелась рация с ранее перевербованными абверовскими радистами. Вместо одного (по рации Шубина) стало действовать три канала «независимой» радиосвязи с «Абверкомандой-103» и штабом группы армий «Центр».

Немцы усилили снабжение отряда Шерхорна всем необходимым для перебазирования в ближайший фронтовой тыл и последующего прорыва на соединение с частями вермахта.

Примерно в это же время у контрразведчиков возникла идея заманить на базу «отряда» кого-либо из

крупных сотрудников абвера и через него выйти на контакт с берлинским центром. В радиোগраммы ненавязчиво стали вкрапливать информацию о возможности развернуть подрывную и агитационную работу, создать фундамент «Белорусского подпольного центра» из числа немецких пособников.

Можно предположить, что подчиненные адмирала Канариса клюнули на заброшенную приманку.

По крайней мере, начальник «Абверкоманды-103» фон Баренфельд, выступавший под псевдонимом Рудольф, несколько раз лично вылетал в тыл Красной Армии на рекогносцировку возможной посадки самолетов в районе базы «отряда». Узнав об этом из сводок радиоперехвата, чекисты уже предвкушали успех своей акции, но ей не суждено было осуществиться.

Задержанные вскоре немецкие агенты-парашютисты на допросах показали, что самолет, на борту которого находился Баренфельд, обстреляли наши зенитчики и подожгли. В момент посадки абверовец пытался выпрыгнуть из разваливавшегося «Арадо», попал под винты и погиб.

Немцы лишились опытного разведчика, который начинал всю операцию по связи с «отрядом» и немало сделал (как полагали в штабе группы армий «Центр») для насаждения агентов и диверсантов в тылу советских воинских частей. Но сворачивать проведенные Баренфельдом мероприятия его шефы явно не торопились.

За несколько дней до нового, 1945 года опергруппа НКГБ задержала еще четырех посланцев «Абверкоманды-103». Все они прошли полный курс обучения в опершколе в Восточной Пруссии; организованной немцами при самой активной помощи разведотдела так называемой Белорусской добровольческой армии. В их задачи входила

подготовка вооруженных выступлений и диверсии на железнодорожных коммуникациях с целью затруднить переброску на советско-германский фронт резервов, техники и боеприпасов.

Число диверсантов, террористов и разведчиков, арестованных чекистами в ходе операции «Березино», к концу года уже приблизилось к 20.

Нетрудно представить, что могли «наработать» в нашем тылу эти воспитанники абверовских спецшкол.

Пребывание группы Шубина в Белоруссии уже в течение нескольких месяцев, в условиях, когда фронт в результате наступательных действий частей Красной Армии перемещался все дальше на Запад, снижало значимость проводимой Четвертым управлением операции.

Стало ясно, что необходимо ускорить продвижение легендированной чекистами воинской части ближе к зоне боевых действий. Сильные снегопады затрудняли дело. Но, с другой стороны, они помогали чекистам, поскольку спутали немцам планы заброски воздушным путем агентуры и грузов. При любом улучшении погоды штаб противника настолько торопился, что происходили просто курьезные случаи. Однажды в один из грузовых контейнеров абверовцы по ошибке вложили фиктивные документы на имя неких Коцарева и Палладия и заполненные бланки различных учреждений для обеспечения беспрепятственного перемещения своих агентов в наш армейский тыл. Все материалы были срочно направлены опергруппой в Москву, которая должна была по фотографиям на документах организовать розыск шпионов. Искать, правда, не пришлось. Как выяснилось позднее, Коцарев и его напарник являлись агентами Главного управления контрразведки «Смерш», внедренными в нелегальную сеть «Абверкоманды-103».

Здесь уместно напомнить, что в результате зафронтовых мероприятий смершевцев, а также оперативной игры «Березино» такой крупный орган немецкой разведки, как «Абверкоманда-103» (известная в исторической литературе под кодовым названием «Сатурн»), оказался практически парализованным и уже до конца войны не смог принести ощутимой пользы.

Война близилась к концу. Войска Советской Армии неуклонно продвигались на запад. Бои шли уже в самой Германии. 1 мая немцы сообщили Шерхорну (который, кстати, уже был произведен в полковники), что Гитлер погиб. А еще через несколько дней — 5 мая по всем радиостанциям, участвовавшим в игре с противником по агентурному делу «Березино», немцы передали последнюю телеграмму: «Превосходство сил противника одолело Германию. Готовое к отправке снабжение воздушным флотом доставлено быть не может. С тяжелым сердцем мы вынуждены прекратить оказание вам помощи. На основании создавшегося положения мы не можем также больше поддерживать с вами радиосвязь. Что бы ни принесло нам будущее, наши мысли всегда будут с вами, которым в такой тяжелый момент приходится разочароваться в своих надеждах».

Это был конец игры. Все оперативные группы возвращались в Москву.

За успешное проведение операции «Березино» чекисты, принимавшие в ней участие, были представлены к высоким правительственным наградам, ну а помогавшие им немецкие офицеры после войны возвратились домой в Германию.